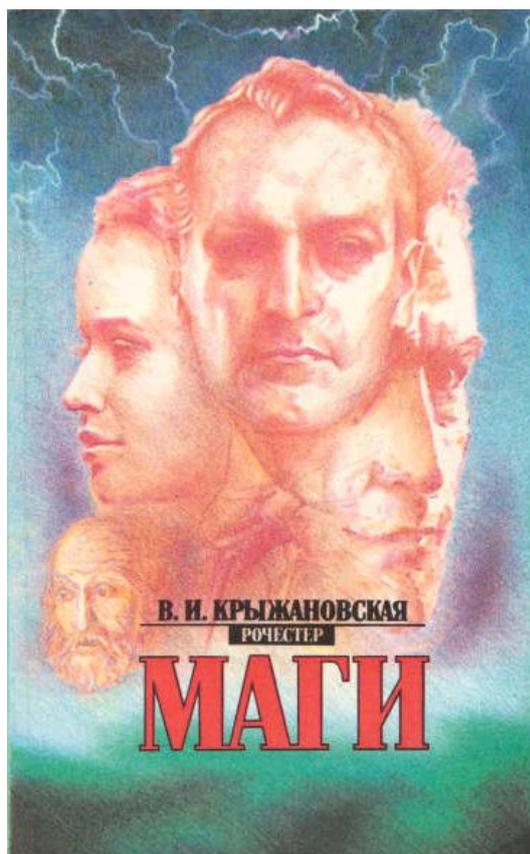

Крыжановская В.И. - Маги Книга вторая

Что представляет собой мир, в котором мы живем? Кто есть мы и каков смысл бытия? Эти вопросы всегда волновали и будут волновать людей, потому что наши знания об окружающем нас мире и о нас самих ограничены. Это Тайна, которую мы, люди, пытаемся разгадать. Книги Веры Крыжановской («Эликсир жизни», «Маги», «Гнев Божий», «Смерть планеты» и «Законодатели») являются тем волшебным зеркалом, через которое мы можем заглянуть в невидимый для нас мир Тайны, существующий рядом с нами, узнать некоторые фундаментальные законы бытия и ответить на многие вопросы. Автор книг, Вера Ивановна Крыжановская (псевдоним – Рочестер) записала эти книги на рубеже XIX-XX веков через некий волшебный канал информации. Ее творческий талант облек полученную информацию в захватывающую художественную форму, увлекающую нас в прекрасное путешествие в мир Тайн, которые могут превратиться, как это случилось с героями книг, в фактическую действительность. В первой книге «Эликсир жизни» мы знакомимся с молодым доктором Ральфом Морганом, который в силу определенных обстоятельств становится принцем Супраматии и членом братства Круглого стола вечности, то есть бессмертным. Новые друзья Супраматии – Нара и Дахир, Эбрамар и Нарайяна – вводят молодого врача в новый, неизвестный ему до сего, мир. Во второй книге «Маги» автор приоткрывает перед нами первую завесу Тайны Бытия.

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными».

(Иоанн . VIII. 32)

«Savoir, vouloir, pouvoir, oser, et se taire».

(Основы посвящения)

Глава первая

Есть такие места, которые природа создала в минуту печали. От них веет чем-то тоскливым, и это смутное, но невыразимо тягостное впечатление сообщается всем приближающимся. Подобное место находится на севере Шотландии. Берег здесь состоит из высоких скал, прорезанных глубокими бухтами. Волны бурно кипят среди рифов и зубчатых скал, которые грозным и опасным поясом окружили это негостеприимное для моряков место.

На вершине одной из самых высоких скал высился древний замок, суровый и мрачный вид которого вполне гармонировал с тоскливой и пустынной окружающей картиной.

По массивной и тяжелой архитектуре, по толщине почерневших стен, по узким и глубоким, как бойницы, окнам, замок можно было отнести к тринадцатому веку, но он так хорошо сохранился, что внушал подозрение, не прихоть ли это какого-нибудь богатого современного любителя средних веков.

И действительно, на двух толстых круглых башнях не обвалился ни один зубец. Стена ограды была совершенно цела, а широкий ров, со стороны равнины окружавший древний замок, был наполнен водой, защищен башенками и подъемным мостом с оборонительной решеткой. Но это впечатление современности сохранялось только до тех пор, пока на замок смотрели издали; при приближении же путник убеждался, что из-под массивных каменных глыб то там, то тут пробивались лишай и мох; и что только века могли придать черновато-серую окраску дикому и уединенному древнему замку, сросшемуся, словно в одно целое, со скалой, на которой он лепился, как орлиное гнездо.

Со стороны материка окрестности тоже представляли унылый и малопривлекательный вид. У подножия замка тянулась поросшая вереском и изрезанная глубокими выбоинами долина, и только вдаль на возвышенности виднелись островерхая колокольня церкви и тонущие в зелени домики деревни. С этой же стороны из-за стен замка видна была зелень вековых дубов и вязов.

Но если общий вид замка, казалось, переносил путника на несколько веков назад, то широкое и великолепное шоссе, прорезывавшее равнину, разрушало иллюзию и возвращало к современной действительности девятнадцатого века.

В сумрачный августовский день по этой прекрасно ухоженной и обсаженной деревьями дороге катились два экипажа. В первом – небольшой открытой коляске – сидели молодой человек и молодая женщина, в простом темно-синем костюме и шляпе такого же цвета. Этот темный цвет оттенял еще рельефнее ослепительную белизну кожи и редкий белокурый цвет ее волос который можно было бы принять за совершенно белый, если бы не легкий золотистый оттенок, придававший им особенную прелесть. Второй экипаж представлял большой и широкий фургон, снабженный впереди низеньким сиденьем, на котором помещались мужчина средних лет и пожилая, крайне молчаливая камеристка.

Читатель уже узнал, вероятно, в первых двух путниках Ральфа Моргана, или, иначе, принца Супрамата, и его жену Нару, которые ехали в свой шотландский замок, чтобы отдаться работе *посвящения*.

Везли они с собой пожилую горничную, слепо преданную Наре, и Тортоза, в верности, благоразумии и скромности которого можно было быть вполне уверенным. Молодые люди молчали и задумчиво смотрели то на грустный пейзаж, развертывавшийся перед их глазами, то на темный силуэт замка, черной массой вырисовывавшийся на сером фоне неба. Погода испортилась. С океана со свистом налетали порывы холодного ветра, горизонт заволкли черные тучи и рев бури становился все слышней и слышней.

– Кажется, старый замок намерен не очень-то любезно встретить нас ураганом, – с улыбкой заметил Супрамата.

– О! Мы давно уже будем дома, пока разыграется буря. С этой высоты вид бушующего моря представляет страшное и в то же время грандиозное зрелище, – ответила Нара.

– Нарайяна, кажется, любил это место. В его портфеле я нашел фотографический

снимок этого замка, – продолжал Супрамати. – А между тем для ненасытного кутилы, чувствовавшего себя хорошо только в шуме и вихре света, это уединенное и пустынное, дышащее грустью место не должно бы иметь ничего привлекательного.

– Ты все забываешь, что Нарайяна был бессмертен! Именно беспорядочная жизнь и приводила его в тяжелое настроение духа, а в такие мрачные часы ничто так не гармонировало с бурями, бушевавшими в его душе, как окружавший его хаос разнuzданных стихий. Он действительно любил это убежище в тяжелые минуты. Замок обязан ему своим специальным внутренним убранством и тем, что он так хорошо сохранился. Поэтому-то я и советовала тебе приехать сюда для изучения низшей магии. Ни одно место не приспособлено лучше для этого, так как Нарайяна был мастером в деле обстановки и устройства, шло ли дело о букете или о лаборатории, – со смехом закончила Нара.

Между тем коляска, запряженная кровными лошадьми, быстро пробежала путь, отделявший ее от замка, проехала подъемный мост, миновала темные сводчатые ворота и остановилась у небольшого подъезда, накрытого каменным навесом.

В большой и темной прихожей, очевидно некогда служившей оружейной залой, господ встретили управляющий – лысый старик с серебристой бородой, пожилая экономка и несколько слуг с морщинистыми и угрюмыми лицами.

– Нас встречает здесь целая коллекция древностей. Право, я начинаю думать, что Нарайяна собрал здесь этих людей из кокетства, – заметил Супрамати, поднимаясь по лестнице и с трудом сдерживая смех.

– Нарайяна не любил нескромных. Находя преданных людей, которые видели и слышали только то, что им можно видеть и слышать, а затем все забывали, он старался как можно дольше продлить их жизнь. Большая часть этих слуг уже достигли столетнего возраста, – с легкой улыбкой ответила Нара.

Несмотря на свой преклонный возраст, слуги замка все прекрасно приготовили для приема господ. Всюду в огромных украшенных гербами каминах пылал яркий огонь, так как под толстыми сводами замка воздух был сырой и холодный; в столовой был изящно накрыт стол. Что же касается обеда, то он делал честь повару и был превосходен как по составу, так и по сервировке.

Супрамати выразил свое удовольствие управляющему и по окончании обеда обошел замок.

Вся меблировка была древняя и отличалась простой и строгой роскошью. Стены покрывала резьба из почерневшего дуба или дорогие ковры. Резная мебель, стоявшая в комнатах принца, очевидно относилась к концу четырнадцатого века; мебель же в апартаментах Нары, казалось, была современна королеве Елизавете. Единственное, что немного нарушало общий стиль этого средневекового жилища – это толстые восточные ковры, покрывавшие полы.

Из кабинета Супрамати дверь вела на окруженный каменной балюстрадой небольшой балкон, который подобно гнезду ласточки висел над бездной.

Он вышел и, дрожа от восхищения, смешанного со страхом, облокотился на балюстраду.

Под ним далеко внизу бушевала буря. Яркая молния прорезала черное небо и освещала бледным светом бешеные волны, которые, пенясь и вздуваясь, казалось, шли на приступ скалы и с грохотом разбивались о береговые утесы.

Ветер ревел и свистел, гремел гром, а Супрамати, стоя на балконе, точно парил над этим хаосом.

Он был всецело поглощен этим величественным и страшным зрелищем, когда маленькая ручка легла на его руку, а белокурая головка опустилась на плечо.

Супрамати молча обнял жену, и они задумчиво смотрели на мрачную, расстилавшуюся у их ног бездну. Вдруг неизвестно откуда появился широкий луч света, который прорезал мрак и осветил спокойным, ярким светом бурные волны, отливая серебром на белой пене, венчавшей их гребни.

Видя удивление мужа, Нара сказала:

– Недалеко отсюда стоит маяк. Не один бедный моряк, пребывающий сегодня в море, будет признателен и с радостью встретит этот благодатный свет, который послужит ему путеводителем на его опасном пути. Этот маяк мне кажется эмблемой твоей жизни, Супрамати! Подобно моряку, борющемуся с бушующим морем, ты пустился в неизвестный океан таинственных и ужасных знаний. Среди мрака, окружающего тебя и в ожидающей тебя борьбе со стихиями, твоим единственным кормчим будет твоя *воля*; но надежда на *посвящение* будет тем маяком, к которому ты устремишь свои усилия, а ослепительный свет высшей магии как сияющая звезда будет руководить тобой и освещать твой путь.

– Ты будешь моей руководительницей, моей сияющей звездой на тернистом пути моей странной судьбы, – отвечал он, прижимая жену к своей груди. – Ты дашь мне твою любовь, которая поддержит меня, рассеет мои сомнения и успокоит мою тоску во время предстоящих тяжелых испытаний.

– Да, Супрамати! Я дам тебе мою любовь, но только не земную, не плотскую, а чистую и неистощимую любовь, облагораживающую и скрепляющую наши души навеки и увлекающую их по бесконечному пути совершенствования и знания.

Не отвечая ни слова, он горячо поцеловал руку Нары, ибо сильное волнение смыкало уста обоим, и они молча любовались величественной картиной. Когда начался проливной дождь, Супрамати предложил жене вернуться в комнаты.

Кабинет был освещен лампой под синим абажуром. В камине весело трещал огонь, распространяя тепло. Роскошный комфорт этой комнаты составлял приятный контраст с бушевавшей снаружи бурей.

Веселое расположение духа Нары, которая смеялась и шутила, разливая чай, еще больше увеличивало это приятное впечатление. Вечер прошел очень весело. Но так как супруги чувствовали себя немного утомленными путешествием, а, может быть, и жаждали отделиться своим мыслям, то они рано разошлись по своим комнатам.

Супрамати лег в постель, но сон бежал его глаз. Неизвестность *посвящения*, к которому он готовился приступить, давила его; а то, что он до сегодня видел из загробного мира, скорее отталкивало, чем привлекало его. Кроме того, продолжавшая бушевать буря сильно действовала на его нервы. В глубокой ночной тишине с болезненной ясностью слышно было, как свистел и стонал ветер в камине, как ревел океан, бившиеся о берег бешеные волны потрясали, казалось, утес и заставляли содрогаться стоявший на нем древний замок.

Чтобы переменить направление мыслей, Супрамати стал осматривать окружавшие его вещи. На коврах, покрывавших стены, был изображен турнир: победитель стоял на коленях у ног дамы и получал из ее рук золотую цепь. Рисунок оставлял желать лучшего, а бледные лица владельницы замка и рыцаря были очень некрасивы. Супрамати перевел глаза и стал смотреть на портрет, висевший как раз против него и освещенный лампой, свисавшей с потолка. Портрет был писан на дереве и изображал женщину, одетую в черное, с покрывалом на голове. Исполнение портрета было очень несовершенно, а между тем это несомненно была работа настоящего художника, так как на этом плоском меловом лице выступали два голубых глаза, которым художник сумел придать такое выражение полной отчаяния горечи, что оно пробуждало участие к этой женщине, уже несколько веков тому назад превратившейся в прах.

Да, все здесь говорило о погибшем прошлом и бренности человеческой жизни. Радости и горе стольких угасших поколений поглощены таинственным, невидимым миром. Вдруг тоска и страх перед бесконечной жизнью, расстилавшейся перед ним, болезненно сдавили сердце Супрамати. Позабыв обо всем, он задумался о событиях, давших такое странное направление его жизни.

Как в калейдоскопе проходили перед ним годы его бедной и трудовой жизни в качестве доктора, его научные изыскания и невольный страх смерти, который он чувствовал ввиду подтачивавшей его здоровье чахотки. Затем, как настоящий волшебник из «Тысячи и одной ночи», явился Нарайяна и превратил бедного умиравшего Ральфа Моргана в принца

Супрамати, бессмертного миллионера.

Он мысленно снова совершил путешествие в ледники в обществе своего таинственного проводника и услышал его рассказ о чудесных свойствах эликсира жизни. Затем ему вспомнилось его первое свидание с Нарой, встречи с другими бессмертными и вступление в братство рыцарей «Круглого стола вечности» в волшебном дворце Грааля. И, наконец, поездка в Индию и знакомство с магом Эбрамаром, его покровителем в течение долгих веков. При последнем воспоминании беспокойная, давившая его душу грусть сразу рассеялась. Мог ли он падать духом, когда у него – такой могущественный покровитель, верная, любящая жена, и друг Дахир – его собрат по бессмертию?

Почему не пройти ему через то, что перенесли другие? Конечно, плоть немощна и дрожит от соприкосновения с оккультными силами. Но разве не одарен он волей, чтобы победить эту слабость? В эту минуту им овладело страстное желание посоветоваться с Эбрамаром, признаться ему в своем смущении и попросить у него помощи и совета.

Супрамати быстро встал и решил испробовать подарок, который сделал ему маг в тот день, когда он покидал замок в Гималаях. Эбрамар говорил, что с помощью этой вещи он может вызвать его, когда будет чувствовать в этом настоятельную нужду.

На диване лежал небольшой чемодан с различными таинственными вещами, которые он желал всегда иметь под рукой и до которых никто не смел касаться.

Открыв чемодан, Супрамати вынул из него круглый ящик величиной с тарелку и высотой около десяти сантиметров. Ящик этот был сделан из какого-то белого металла, похожего на серебро, но с разноцветным отливом, напоминавшим перламутр. На крышке были выгравированы какие-то неизвестные фосфоресцирующие знаки.

Уже не раз Супрамати с любопытством посматривал на эту вещь. Он и теперь вертел ее в руках, а затем поднес к уху, так как ему показалось, что внутри ящика раздавалось что-то вроде потрескивания.

И действительно, из ящика доносились звуки и как бы шум сдавленного воздуха, какой слышится, если поднести к уху раковину.

Покачав головой, он сел, поставил ящик на стол и нажал подвижной знак посередине крышки, который указал ему Эбрамар. Раздался сухой треск, и крышка открылась. Из ящика вырвался удушливый аромат и порыв теплого воздуха, напоминавший Супрамати тот воздух, которым он дышал по вечерам, во время своего пребывания в замке в Гималаях.

С любопытством Супрамати наклонился, чтобы посмотреть, что находится в ящике, но не увидел ничего, кроме сероватого пара, клубившегося в глубине, а эта глубина была черна и казалась бездонной, совершенно невероятной для вещи в десять сантиметров высотой; Супрамати не знал, что и подумать.

Но будучи в состоянии полного неведения, он ограничился буквальным исполнением инструкций своего учителя и стал смотреть в ящик.

Через несколько минут в темной глубине появилась небольшая красная точка. Точка эта вращалась, приближалась и быстро увеличивалась.

Вдруг крик ужаса сорвался с губ Супрамати. Перед ним в облачном виде, но совершенно отчетливо появилась прекрасная голова Эбрамара, окруженная легким серебристым паром.

Большие огненные глаза мага смотрели на него глубоким и ясным взглядом; затем улыбающиеся губы открылись, и глухой, хорошо знакомый голос произнес:

– Приветствую тебя, мой сын! Не пугайся: то, что ты видишь – не чудо и не колдовство, а простое приложение законов природы. Твоя беспокойная и смущенная мысль все же дошла до меня, и я явился сказать тебе: не падай духом, не приступив еще к делу, и не бойся неизвестных сил, так как мы оберегаем тебя. Без сомнения, путь посвящения тяжел и тернист, но велика награда тому, кто остается твердым. Ты не можешь даже представить себе то счастье, которое почувствуешь, когда убедишься, что твоя астральная сила выросла и подчиняется твоей дисциплинированной воле; когда осознаешь, что ты уже больше не слепой раб неизвестных и беспорядочных сил, а сознающий свою силу господин

космических стихий, покорных твоей мысли и могучей воле.

Супрамати слушал, как во сне, и не мог понять, как Эбрамар, отделенный от него океаном и тысячами верст, мог говорить с ним и явиться ему в осязательном виде. Дрожь сверхъестественного ужаса пробежала по его телу.

В ту же минуту послышался легкий смех.

– То, что ты видишь, сын мой, покажется тебе очень простым, когда ты узнаешь механизм явления, смущающего тебя в эту минуту. Имей терпение, будь мужественным и настойчивым – и настанет час, когда рассеются тени, а перед твоим восхищенным и проясненным взглядом откроются чудеса бесконечности.

Сделав последний дружеский знак, видение стало бледнеть. Голова потеряла свои контуры, расплылась в беловатое облако и превратилась опять в красную исчезающую вдали точку. Ящик закрылся сам собой.

Тяжело дыша, Супрамати завернул ящик в полотно и положил обратно в чемодан. Затем он лег в постель, но долго не мог заснуть. То, что он видел и слышал, произвело на него глубокое впечатление, но в то же время и усилило его желание проникнуть в тот таинственный мир, где таятся такие чудеса.

Его страх и боязнь тоже улетучились. Мысль, что он в любое время может посоветоваться со своим могущественным покровителем, который, несмотря на разделяющее их расстояние, близок к нему, благотворно и успокоительно подействовала на него. Наконец глубокий и укрепляющий сон сомкнул его веки.

Проснулся он свежим и бодрым, в наилучшем расположении духа. Погода тоже прояснилась, и яркий солнечный свет заливал море. Даже пустынная местность под влиянием живительных лучей приняла радостный вид.

Нара тоже была весела и оживленна.

Когда после завтрака Супрамати хотел заняться подробным осмотром замка, жена с улыбкой заметила:

– Для этого у тебя еще будет достаточно времени. Здесь нет ничего особенного, а ту часть замка, которая предназначена для оккультных занятий, я советую тебе осмотреть только под руководством Дахира. Теперь же воспользуемся чудным утром для прогулки и осмотрим окрестности. После обеда я сама провожу тебя в залу, которую я окрестила *храмом посвящения*. Скажи же, мой господин и повелитель, одобряешь ли ты мою программу?

– С радостью, моя красавица-волшебница! Тебе я всегда готов подчиняться. Кроме того, признаюсь откровенно, прогулка по чистому воздуху гораздо интереснее и приятнее, чем осмотр этих старых сводов,- весело ответил Супрамати.

Они сделали большую прогулку на лошадях, а затем спустились к морю по извилистой и каменистой тропинке, известной Наре. Для всякого, кроме бессмертных, путь этот представлял серьезную опасность.

Затем, окончив обед, Нара взяла мужа под руку и увлекла его за собой:

– В твое будущее чистилище,- лукаво прибавила она. Рядом с его комнатой оказался небольшой кабинет, вход в который был искусно скрыт в деревянной обшивке стены. Оттуда они поднялись по винтовой лестнице на верхний этаж и вошли в кабинет, совершенно такой же, как и внизу, тоже темный и лишенный окон.

При свете факела, который несла Нара, Супрамати увидел в глубине комнаты большую железную дверь, покрытую красными и черными каббалистическими знаками. В центре каждой половинки двери, в медальоне, имевшем форму пятиконечной звезды, находились символические рисунки. В одном медальоне была изображена красная змея, стоящая на хвосте и держащая факел; в другом – голубь, несший в клюве золотое кольцо.

Над дверью, как над входом в египетский храм, был вылеплен крылатый солнечный диск, а над ним эмблемы четырех стихий, между которыми извивалась черная лента со следующей надписью, сделанной буквами огненного цвета:

«Кто проходит все области знания, приобретает венец мага; но для того, кто приподнял завесу тайн, нет возврата!»

Нара дала время мужу осмотреть дверь, а затем сказала:

– Знаки, которые ты здесь видишь – это ключи ко многим любопытным явлениям. Но войдем туда!

Она нажала пружину, дверь тотчас же бесшумно отворилась, и они вошли в совершенно круглую комнату без окон. Из прикрепленного к потолку стеклянного шара струился нежный, голубоватый свет, еле озарявший комнату; тем не менее Супраматти мог ясно разглядеть каждую вещь. Эта зала в одно и то же время был и храмом, и лабораторией: с одной стороны стоял на возвышении в несколько ступеней жертвенник с черными бархатными занавесками, поднятыми в данную минуту; а с другой стороны был устроен очаг, снабженный громадными мехами, ретортами, перегонными кубами и другими алхимическими принадлежностями.

На полках виднелись книги в старинных кожаных переплетах, лежали свитки и стояли шкатулки с ящичками; стеклянный шкаф был наполнен пузырьками, горшками и мешками всевозможных размеров. На жертвеннике лежал меч, стоял кубок и был воздвигнут крест, сделанный из какого-то неизвестного металла. Рядом с жертвенником висел колокол.

У стены, на высокой подставке, стояло зеркало с разноцветной и сверкающей поверхностью, какое он уже видел в замке на Рейне. Здесь также стоял посередине комнаты металлический полированный диск и лежал молоток, но только этот диск был больше того, по которому он так неосторожно ударил и вызвал этим странное видение армии крестоносцев.

Между всеми этими вещами были расставлены маленькие столики, снабженные золотыми или серебряными шандалами с толстыми восковыми свечами, какие употребляются в церквях. На двух больших столах были громадные запечатанные фолианты и по довольно большому сосуду с такой чистой и свежей водой, что, казалось, она будто только что была налита. Низкие и мягкие кресла дополняли убранство комнаты.

Странный острый и в то же время живительный аромат наполнял залу.

Когда Супраматти все осмотрел, Нара сказала с улыбкой:

– Пойдем! Мы сейчас вызовем Дахира.

Она подвела мужа к странному зеркалу и нажала пружину. Зеркало тотчас же зашаталось, спустилось с подставки и остановилось перед ними.

Только теперь Супраматти отдал себе отчет в величине зеркала, достигавшей высоты его роста.

В это время Нара достала кусок какого-то вещества, похожего на вату, и начала им сильно натирать полированную поверхность, которая тотчас же потемнела, потеряла свой разноцветный отлив и сделалась черной, как чернила; затем она покрылась серебристыми капельками, которые, казалось, просачивались изнутри.

Как только появился этот светящийся пар, Нара вполголоса запела на незнакомом мужу языке.

Окончив пение, она сказала:

– Теперь смотри внимательно!

С понятным любопытством смотрел Супраматти на этот странный процесс. Поверхность зеркала пришла, казалось, в движение, дрожала и издавала треск; затем она подернулась густым паром, который в свою очередь перешел в фиолетовый туман. Потом этот род покрывала раздался и открыл вид на море.

Перед ними, теряясь вдаль, расстилалась равнина, волнуемая свежим ветерком; острый морской воздух ударил в лицо, а издали, скользя по волнам, быстро приближался корабль, который Супраматти тотчас же признал за судно Дахира.

Скоро ясно вырисовалась палуба корабля, который через несколько минут поравнялся со странным окном. На палубе, прислонясь к мачте, стоял Дахир и на бледном лице его играла улыбка. Приподняв свою фетровую шляпу, он любезно поклонился.

– Торопись, Дахир! Мы ждем тебя. Супраматти сгорает от нетерпения! – крикнула Нара, делая рукой дружеский знак.

– Завтра вечером я буду ужинать с вами, – ответил звучный и хорошо знакомый голос.

В ту же минуту фиолетовый пар закрыл отверстие странного окна, затем появился металлический диск и стал быстро поглощать облачные клочки, еще носившиеся по его поверхности. Потом все приняло свой обычный вид.

Супрамати опустил на стул и отер пот, выступивший у него на лбу.

– От всего того, что я испытываю, видя невероятные явления, ниспровергающие все законы природы, можно сойти с ума! – пробормотал он, откидывая голову на спинку кресла.

Нара громко рассмеялась.

– Когда ты, Супрамати, впадаешь в напыщенное тщеславие патентованного ученого, то начинаешь говорить очень забавные вещи. Разве возможно ниспровергнуть законы природы? Не проще ли и не логичнее ли допустить, что существуют неизвестные еще вам законы, применение которых людьми, умеющими управлять ими, производит феномены, потому только кажущиеся тебе такими поразительными, что ты не знаешь их сущности. Скоро все эти «тайны» объяснятся для тебя, и ты первый будешь смеяться над своим сегодняшним волнением.

Супрамати с живейшим нетерпением ждал вечера следующего дня. Несмотря на очевидность, врожденный скептицизм заставлял его не доверять своим глазам. Ему казалось невозможным, чтобы Дахир прибыл, как обещал. Вчерашнее видение должно было быть не что иное, как галлюцинация, вызванная его расстроеными нервами.

По приказанию Нары ужин был накрыт на три персоны, а около десяти часов один из старых слуг ввел ожидаемого посетителя.

На этот раз на Дахире был изящный и безукоризненный современный костюм. Когда он поздоровался с хозяевами дома, все сели за стол.

По окончании ужина, когда они остались одни, Дахир крепко пожал руку Супрамати и сказал:

– Благодарю тебя, друг, что ты избрал меня своим руководителем! Я устал блуждать по морям и счастлив отдохнуть здесь в вашем обществе!

– Я только действовал под влиянием симпатии к тебе; а это не заслуживает никакой благодарности, – весело ответил Супрамати. – Но когда ты предполагаешь начать наши занятия?

– Завтра вечером, если ты ничего не будешь иметь против этого.

– Отлично! Не предпишешь ли ты мне какой-нибудь приготовленный к нашим занятиям ритуал?

– Приготовления начнутся только вечером, а до тех пор мы свободны!

– Тем лучше! – заметил Супрамати.

Затем разговор перешел на другие предметы. Следующий день прошел очень быстро. Они беседовали, гуляли и пообедали с аппетитом. О посвящении не было сказано ни слова. Только вечером Дахир сказал:

– Время нам удалиться, Супрамати! Простись на неделю со своей прекрасной супругой. Это время нам необходимо, чтобы подготовиться к первому акту твоего посвящения.

Молодые люди удалились в лабораторию, которую мы уже описали. К удивлению Супрамати, его руководитель открыл дверь, о существовании которой он не подозревал, и ввел его в смежную комнату. Там стояли две кровати и что-то вроде большой и широкой стеклянной ванны, наполненной синеватой прозрачной жидкостью.

– Здесь, – сказал Дахир, – мы должны провести неделю в посте, молитве и очищении. Начнем сейчас же!

Он зажег двенадцать подсвечников с восковыми свечами толщиной в кулак и затем разжег уголья на треножнике, бросив на них горсть порошка, который вспыхнул разноцветным пламенем и наполнил комнату удушливым ароматом.

– Теперь разденься и погрузись в этот бассейн! – скомандовал Дахир.

Супрамати повиновался; но, к великому его удивлению, то, что он считал водой, оказалось каким-то странным, почти неосозаемым веществом. Правда, он ощущал

влажность, но влажность эта, казалось, происходила от веяния воздуха, а не от жидкости. Затем Супрамати ощутил покалывание по всему телу, и с недоумением убедился, что полная до краев ванна опустела каким-то непонятным образом.

Супрамати не мог сказать, вытекло ли это странное вещество через какую-нибудь невидимую отводную трубу, или оно было поглощено его организмом? Только он чувствовал себя спокойным, сильным, и с чувством удовлетворения выйдя из ванны, стал одеваться.

Дальнейшее время быстро пролетело.

Супрамати каждый день брал ванну из таинственной субстанции и подвергался окуриванию. Два раза в день Дахир давал ему пищу, состоявшую из белого хлеба и кубка красного вина, которые он брал на жертвеннике в лаборатории. Остальное время Супрамати было занято чтением молитв, отмеченных в тетради, данной ему его руководителем, в заучивании наизусть различных магических формул и в упражнениях, предназначенных для дисциплинирования воли и для приобретения привычки сосредоточиваться на одном предмете.

Поглощенный этими занятиями, Супрамати даже не замечал, как бежало время. Он чувствовал себя бодрым; ум его был ясен как никогда. Он не ощущал ни голода, ни утомления и был крайне удивлен, когда Дахир сказал ему:

– Семь дней прошло. Прими последнюю ванну и надень одежды, которые лежат в этом ящике.

Супрамати поспешил исполнить приказ. И, выйдя из ванны, достал из ящика длинную и широкую тунику молочно-белого цвета, до самых пяток закрывавшую его мягкими складками. С любопытством он ощупал материю: то не был ни шелк, ни шерсть, ни полотно. Очень тонкая и в то же время плотная и нежная, как пух, материя эта сверкала, словно была покрыта капельками росы, и издавала легкий треск, когда ее мяли.

– Что это за материя? Я никогда еще не видал такой, – спросил Супрамати.

– Эта ткань сделана из волокон магического растения, – ответил Дахир, надевая такую же тунику.

Затем он вынул из другого ящика два металлических пояса с рельефными каббалистическими знаками и цепь с фиолетовой звездой. Когда Супрамати надел то и другое, Дахир прибавил:

– Съешь этот кусок хлеба и выпей кубок вина. Затем возьми восковую свечу, и в путь!

Супрамати молча повинился. Сердце его сильно билось, так как, очевидно, настал час в первый раз войти в соприкосновение с ужасным невидимым миром.

Вооружившись лежавшим на жертвеннике мечом и взяв в другую руку восковую свечу, Дахир продолжал:

– Теперь иди к завесе, висящей в глубине комнаты! Я следую за тобой.

Мужественно подавив охватившее его волнение, Супрамати направился к указанной завесе, которой раньше не замечал.

Как только он приблизился, тяжелая завеса раздалась, приподнятая будто невидимыми руками, и открылся узкий проход в виде моста, перекинутого через черную бездну, зиявшую по обе стороны. Не оглядываясь, Супрамати перешел бездну.

Поднялась вторая завеса, и он вошел в обширную залу, круглую, как и лаборатория, и почти совершенно пустую. Посредине, на каменном полу, был начерчен красный круг, вокруг которого стояли четыре треножника с угольями, пылавшими разноцветными огнями: белым, синим, зеленым и красным. От удушливого аромата, наполнявшего комнату, у Супрамати закружилась голова. Но он забыл обо всем, увидев Нару, которая дружески ему улыбалась.

Босая, как и они, одетая в такую же тунику, молодая женщина стояла в глубине комнаты у веревки от колокола, висевшего под потолком. Ее распущенные и ниспадавшие до самых пят волосы окутывали ее, точно блестящим плащом. Она была прекраснее, чем когда-либо, но ее очаровательное личико дышало торжественной важностью и непоколебимой

волей.

– Иди и стань в середину круга!- сказала она повелительно. Супрамати повиновался, употребляя все усилия, чтобы сдержать сотрясающую его дрожь.

Тогда Дахир, подняв свой меч и махнув им в направлении севера, юга, востока и запада, запел странную песнь, а Нара стала медленно ударять в колокол.

Протяжные и стонущие звуки наполнили атмосферу, аккомпанируя голосу Дахира. Можно было подумать, что ударяют по какому-нибудь стеклянному инструменту.

Вдруг пение и звон колокола смолкли. Затем, после минутной гробовой тишины, Дахир вскричал громовым голосом:

– Стихийные духи! Явитесь из недр земли, глубины вод, с высот эфира и из огня, все проникающего! Явитесь нам, слуги пространства, движущие силы стихий!

При этом вызове зала наполнилась шумом. Ветер свистел, земля дрожала, а в воздухе раздался треск. Казалось, невидимая толпа двигалась и толкалась вокруг присутствующих. Затем густые облака как дымом заволокли залу, но они скоро рассеялись, и тогда стало видно, какая странная армия толпилась у круга, устремив на Супрамати пылающие взгляды.

Это были сероватые, с неясными контурами существа, закутанные в развевавшиеся покрывала. Они пытались, видимо, переступить через черту круга, но тотчас же воздух прорезала молния, а над Супрамати появился сияющий белоснежный крест.

Призрачные сущности отступили назад и разбились на четыре группы вокруг каждого из треножников. Теперь очертания их стали отчетливее и можно было различить их странные и ужасные формы.

Одни были красны, как огонь, и, казалось, отлиты из раскаленного железа; другие, зеленоватые, были точно из болотной стоялой пены, а человеческого в них было только одни фосфоресцирующие глаза. Третья группа отличалась странными формами и была снабжена голубоватыми крыльями. Она безостановочно кружилась вокруг треножника, на котором пылало синее пламя. Наконец, среди клубов черного дыма двигались отвратительные маленькие существа со зловещими, серо-землистыми лицами.

Дрожа и обливаясь потом, смотрел Супрамати на эту страшную толпу, а восковая свеча чуть не выскользнула из его рук. Как во сне слышал он пение, раздавшееся затем в пространстве, то гармоничное и глухое, то резкое и нестройное. Это была смесь жалоб, рыданий, радостных криков и порывов к свету.

Тогда вторично раздался звучный голос Дахира.

– Духи стихий! Вы ищете господина, ищете поле труда? Этот новый господин – вот он! Я связываю вас с ним, а вы поклянитесь повиноваться и помогать ему.

Оглушительный удар грома потряс замок до самого основания. Яркие молнии сверкали со всех сторон, окружив на миг Супрамати огненной сетью. Земля, казалось, расступилась, образовав у его ног черную бездонную пропасть. В ту же минуту на другой стороне пропасти обозначилась каменная арка – монументальный ход в неведомый и окутанный тьмой «потусторонний» мир. Нара и Дахир проворно очутились рядом с неофитом, схватили его за руки и толкнули вперед.

– Пройди, не отступая, четверо врат *невидимого*, или ты погибнешь. Держи крепко свет и иди без колебания! – энергично крикнули они ему.

С отчаянием, но мужественно стиснув зубы, бросился Супрамати вперед и перешел пропасть, судорожно сжимая в руках восковую свечу.

Переступив порог арки, он очутился в абсолютной темноте. Земля была скользкая и, казалось, ежеминутно могла обсыпаться под его ногами. Тем не менее он шел вперед, глядя на свечу, которую держал у руках, подталкиваемый сильным ветром, дувшим ему в спину.

Через минуту, показавшуюся Супрамати вечностью, в полумраке вырисовалась арка иной формы, служившая входом в узкий и почти темный коридор.

Осмелев, Супрамати решительно вошел в этот проход, и тотчас же его со всех сторон окружили ужасные животные. Пресмыкающиеся, летучие мыши и ядовитые насекомые появлялись из мрака, кусая его и цепляясь к нему.

Почти бессознательно, с отчаянием продолжал Супрамати свой путь по скользкой земле, не отдавая себе отчета, что было под ногами.

Ослепительный свет, ударивший ему в лицо, заставил его на минуту остановиться. Коридор внезапно расширился и обнаружилась новая дверь, вся в огне. От нее, как из очага, исходило пламя, а у порога сидело фантастическое животное гигантской величины с человеческим лицом.

За спиной ужасного чудовища возвышались огромные крылья, а взгляд грозил смертью всякому, кто к нему приближался.

Ледяной пот выступил на лбу молодого доктора, но в его ушах звучали слова руководителей:

– Иди вперед без колебаний, не отступая, или ты погиб! И он с мужеством отчаяния бросился вперед. Супрамати казалось, что он окунулся в огненный поток. Глаза страшного существа точно раскаленным железом пронизывали его, и он инстинктивно поднял руку со свечой. Но, к крайнему своему удивлению, он увидел, что чудовище опустило голову и пошло перед ним, будто указывая ему путь.

По мере того, как они двигались вперед, чудовище теряло отвратительный вид. Противный образ животного превратился в лик ангела чудной красоты. Кудрявая голова была украшена гирляндой белоснежных цветов. Тело чудовища покрылось мало-помалу огненной туникой, которая легкими и грациозными складками драпировала его, воздушное и стройное.

Вдруг огонь угас. Теперь перед испуганным взором Супрамати расстилалась водная поверхность. Ветер ревел, вздымая бурные и высокие, как горы, волны и бросая в лицо неопита и огненного ангела клочья пены, венчавшие гребни волн.

Супрамати готов был остановиться, но ангел глумливо взглянул на него и молодой человек, точно получив удар шпор, бросился в волны. С минуту ему казалось, что он тонет в бездонной пропасти. Ледяная вода покрыла его, затрудняя дыхание; в ушах у него шумело, голова кружилась, а в глазах потемнело. Но вдруг на него налетела волна, подняла его и, как на челноке, вынесла на поверхность.

Супрамати удивленно оглянулся. Вода исчезла; рев волн и свист ветра тоже смолкли: вокруг царил величавая тишина.

Он стоял на гладкой, как полированное зеркало, поверхности небольшого озера, и кругом расстилался веселый пейзаж. Виднелись зеленые группы деревьев и лужайки, усеянные цветами, а над головой сиял голубой небесный свод. Перед ним, утопая в потоке ослепительного света, стоял огненный ангел. В высоко поднятой руке он держал белоснежный, залитый кровью крест.

Лицо этого таинственного проводника дышало нечеловеческим величием; пламенный взгляд его, ясный и непроницаемый, был устремлен в ослепленные глаза Супрамати. Затем раздался его звучный голос:

– Смотри! – сказал он, указывая на крест. – Вот путь вечности, залитый кровью тех, кто победил плоть! На этом пути все страждут; здесь должны быть побеждены все человеческие страсти, все похоти, все душевные слабости. Материальный человек здесь распинается, чтобы восстать нематериальным и войти в великую дверь абсолютного знания. Итак, переступи этот порог, орошенный твоим трудовым потом и увенчанный жертвой твоей плоти, – и для тебя загорится в невидимом мире ослепительная звезда мага!

Веселый пейзаж затуманился и изменил свой вид. Зеленеющая земля поднялась и открыла под собой склеп, озаренный смутным полусветом. Посредине склепа стоял открытый саркофаг, над которым сверкала ослепительная звезда, а рядом с каменной гробницей стоял гений, служивший ему проводником. Только теперь вместо креста он держал в руках черный кубок.

– Что все это значит? – как молния пронеслось в голове Супрамати.

– Это означает следующее: вот загадка, которую ты должен разгадать, – ответил гений, поднимая черный кубок.

В ту же минуту все потемнело. Супрамати почувствовал, что он летит в бездну и потерял сознание.

Открыв глаза, он увидел Нару и Дахира, склонившихся над ним.

Супрамати провел рукой по лбу и попытался собраться с мыслями. Ему казалось, что он очнулся от тяжелого кошмара, полного ужасных видений.

Но вдруг к нему вернулась память, и он ясно припомнил, что произошло. Но когда он открыл было рот, чтобы заговорить, Дахир приложил палец к губам и сказал наставительно:

– Молчи! Не разоблачай тайн, виденных тобой! Носи их в себе как руководящий свет!

Глава вторая

После нескольких дней, посвященных отдыху и проведенных в веселых дружеских беседах и в интересном чтении, Дахир объявил однажды вечером, что пора снова приняться за работу, а для этого завтра же на рассвете надо быть в лаборатории.

– Опять мы будем делать вызывание? – с гримасой спросил Супрамати.

Нара погрозила мужу пальцем, а Дахир со смехом ответил:

– Нет, мы предварительно займемся теорией: практика придет потом.

На следующее утро, едва взошло солнце, Супрамати явился в лабораторию. Дахир был уже там и читал, склонившись над объемистым фолиантом.

Они дружески поздоровались и затем Дахир сказал, вставая со стула:

– Прежде всего, мой брат, я покажу тебе, как должно начинать наш день.

Он отвел Супрамати в комнату, где стояли две кровати и ванна. Эту комнату они прошли, не останавливаясь, и через потайную дверь по винтовой лестнице спустились в нижний этаж, где была устроена настоящая купальня с большим мраморным бассейном посередине. Остальную меблировку составляли туалет со всеми принадлежностями, постель и два больших сундука.

– Три раза в день мы освежаемся здесь ванной. Вот видишь эту пружину? Если ты нажмешь ее, то бассейн наполнится; если же ты подвинешь ее вправо, то жидкость исчезнет. В воду ты выльешь стакан ароматической эссенции из этой амфоры с синей эмалью. Выкупавшись же, одень одежды, которые найдешь в сундуке. Эти одежды гораздо удобней; кроме того, они лучше приспособлены по своей форме и цветам к нашим работам, чем ваши модные костюмы. Прюделав все это, приходи ко мне в лабораторию.

Ванна необыкновенно освежила Супрамати. Ароматическая эссенция придала воде нежно-розовый оттенок и наполнила комнату ароматом роз и фиалок.

В сундуке Супрамати нашел длинную и широкую одежду из черной шерсти, черную же маленькую шапочку и золотую цепь с висевшим на ней нагрудным знаком, украшенным семью различными драгоценными камнями.

Придя в лабораторию, он увидел Дахира в таком же костюме.

– Мы оба напоминаем доктора Фауста! Для полноты иллюзии не хватает только Мефистофеля.

– Вовсе нет! Я именно и представляю Мефистофеля, переодетого честным ученым доктором,- весело ответил Дахир.- Я и посвящу в дьявольские тайны черной магии тебя, благородный Фауст, одаренного вечной молодостью, гораздо более продолжительною, чем молодость твоего прототипа. Кроме того, худая слава, которой наградила меня легенда, делает меня вполне подходящим для роли искусителя.

Когда они сели, Дахир продолжал:

– Сначала я буду говорить тебе о «первоначальной материи», то есть о том необыкновенном веществе, которое ты принял, но о котором ты ничего не знаешь. Не думай, что я могу дать тебе вполне ясные объяснения; я сам едва знаю азбуку гигантской науки, заключающей в себе весь механизм вселенной. Не буду говорить о данных современной науки, которые ты, как доктор и прекрасный химик и сам знаешь; я напомним только, что «официальная» наука не знает природы большей части физических двигателей, окружающих

нас, что при изучении начал или составных элементов тела делаются все новые открытия, и что не одно тело, считавшееся простым, оказывалось весьма сложным.

Итак, по всему бесконечному пространству распространено эфирное вещество, более тонкое, чем самый тонкий и невесомый газ или флюиды. Это вещество – *первоначальная материя*, как мы его называем. Оно, если только можно так выразиться, представляет собою огонь в состоянии неуловимого флюида, дающего жизнь, и которым пропитано все.

Но знают ли высшие посвященные все свойства этой необыкновенной субстанции, которую по праву можно назвать *жизненным соком вселенной*, мне неизвестно.

Это вещество распространено по всему пространству вселенной. Когда начинается образование туманного пятна, то благодаря необыкновенной быстроте вращения первоначальная материя сгущается, и каждая из образующихся планет поглощает ее в таком количестве, какое необходимо для ее будущих нужд. Эта мать-кормилица необходима для жизни небесных тел в течение миллиардов лет со всем, что находится на них, так как первоначальная материя входит во все, что живет, дышит, двигается и выделяет световую энергию. Там, где этот свет гаснет, начинается разложение; это – смерть.

Каждая планета заключает в своих недрах известный запас этого жизненного сока, и мир существует только до тех пор, пока не истощится последняя капля первоначальной материи, и не нарушится равновесие стихий, которое поддерживается этой странной субстанцией, так как она и есть то *божественное дыхание*, о котором говорит книга Бытия – это дыхание Создателя, которое парит над мраком хаоса и разделяет стихии. Действительно, первоначальная субстанция, проникая в образующуюся материю, хотя и производит разделение, но всегда сохраняет первенствующую роль, преобразуясь работой вращения в различные оживляемые ею тела; хотя и предназначенная таким образом питать мир в течение всей его планетной жизни, но органическим, оживляемым ею существам, в силу дробления и бесконечной передачи, она дает лишь ограниченную жизнь, что ты видишь в растениях, животных и людях.

В чистом виде субстанция эта никогда не входит в обыкновенную жизнь, а передается из поколения в поколение через возрождение.

Для нас, «бессмертных», все это представляется иначе. Мы поглощаем первоначальную материю в ее примитивном виде и приобретаем этим для нашего тела продолжительность планетной жизни.

Как тебе уже известно, никакое излишество и никакая случайность не могут истощить неисчерпаемый источник заключающейся в нас жизненности, если только не прибегать к средству, употребленному Нарайяной и имеющему весьма важные последствия; мы, чтобы умереть, должны ждать перехода на другую планету. Там первоначальная материя находится в иных, чем в нашем мире, химических комбинациях, с которыми не может уже ассимилироваться истощенная и ослабленная жизненная субстанция, находящаяся в нас.

Начнется разложение, и вот, после нашей долгой жизни, мы отпразднуем наконец наше вступление в невидимый мир. Поэтому благоразумно будет употреблять все усилия, чтобы прогрессировать, а не оставаться на одном месте в нашей духовной жизни.

Супрамата вздрогнул и нервно откинул свои каштановые волосы.

– Знаешь ли, Дахир? Имея полное понятие о том, что делаю, я ни за что на свете не выпил бы этот предательский кубок. Бывают минуты, когда перспектива этой бесконечной жизни просто кружит мне голову.

– Верю! Я и сам испытал то же самое. Но чем больше я изучал, тем все более таяло это чувство. Во всяком случае, раз Рубикон перейден – надо идти вперед!

– Скажи, пожалуйста, кому это посчастливилось первому получить первоначальную материю во всем ее страшном могуществе, и каким образом он передал ее другим?

– Ты спрашиваешь у меня о том, чего я и сам не знаю. Трудно указать изобретателя *панацеи*, благодеянием которой мы пользуемся ввиду древности этого события. На этот счет существуют предания, которые покажутся тебе в высшей степени легендарными.

Так, утверждают, будто Ева, искушенная Змеем (временем), вкусила этой субстанции,

так как жизнь казалась ей такой прекрасной, что она желала, чтобы та продолжалась бесконечно. Она угостила также Адама, и за это оба они были изгнаны из Рая. Но, покидая Рай, они захватили с собой запас этого вещества, чем и объясняется продолжительная жизнь первых патриархов и Мафусаила. Говорят также, что и Мельхиседек имел это вещество и был уже членом братства, Хирам тоже, а Прометей похитил его и был уничтожен.

Где же находится первоначальный источник этой таинственной субстанции, я не знаю. Одни утверждают, что на острове Цейлон, где находился земной Рай; другие говорят о таинственном месте в Месопотамии, между Тигром и Евфратом, некоторые же уверяли меня, что в Африке есть грот, доходящий почти до центра земли, в котором и течет источник жизненных сил.

Кто знает, где истина во всех этих рассказах? Я могу только утверждать, что весьма значительное количество этого вещества находится в распоряжении каждого центра нашего братства, под охраной одного из членов.

Нарайяна был стражем такого склада, находящегося в ледниках, а теперь им являешься ты.

Постой! Я забыл тебе сказать еще кое-что по этому поводу. Мне говорили, что большие змеи известной породы знают свойства первоначальной материи и умеют находить путь для добычи ее. Царица змей будто бы обязательно поглощает это вещество. Но затем змея изрыгает эту материю, которая благодаря соприкосновению с воздухом и животным эманациям, пропитавшими ее, принимает вид голубоватого светящегося камня, одаренного чудесной силой.

Это, так сказать, *палладиум* каждого царства змей. Но посвященные умеют доставать этот камень, обладающий необыкновенными свойствами. Он излечивает болезни, предохраняет от смертельных ядов, залечивает раны, развивает оккультные силы души, дает ясновидение и прочее.

Обладатель такого камня может подчинить себе волю других людей, сам же остается неуязвимым от всех таких поползновений.

Не раз профаны обладали подобными камнями, не подозревая обо всех их свойствах. Бессмертный посвященный может, если хочет, каплей первоначальной эссенции разложить такой камень, который тогда испаряется, превратившись в газ.

Из них делают магические звезды; подобный же камень находится в нагрудном знаке Махатмы. Из материи такого камня состоял порошок, который имели в руках Ван Гельмонт и Гельвеций и при помощи которого даже самые грубые металлы можно превратить в золото.

Настоящие магические жезлы (не простые жезлы колдунов) всегда пропитаны первоначальной материей. Отсюда их сила над стихиями. При помощи такого жезла маг производит растительность, делает хорошую погоду или вызывает дождь, бурю, гром и молнию.

При помощи подобного жезла Моисей разверз землю и вызвал огонь, пожравший бунтовщиков.

Первоначальная материя, в виде порошка, представляет философский камень алхимиков; смешанная с землей, она производит магические растения; а этот же порошок в соединении с различными химическими веществами образует драгоценные камни, одаренные разными магическими свойствами. Словом, маг, сообразно со степенью своего знания, может вызывать различные явления, и увидев какое-нибудь из них, ты вообразил бы себя в волшебном мире; а между тем все, что ты увидел бы, было бы простым, мудрым приложением сил, неизвестных профанам.

Все маги и посвященные владеют первоначальной материей. Одни принимают ее, чтобы гарантировать себе планетарную жизнь; другие довольствуются тем, что пользуются ее свойствами и изучают ее, как особую науку.

– Следовательно, не все маги и посвященные пользуются планетной жизнью?– спросил Супрамати.

– Все они живут необыкновенно долго; даже те, которые не хотят удлинять срок своей жизни при помощи знания. Это происходит потому, что их трезвая и правильная, без всяких излишеств жизнь, более духовная, чем материальная, необыкновенно медленно исчерпывает жизненную силу.

Но кроме бессмертных нашего братства, существует еще весьма значительное число посвященных, обеспечивающих себе Многовековую жизнь при помощи других средств, которые сохраняют им молодость либо зрелый возраст, оставляя им возможность когда угодно уйти в невидимый мир. Только эта категория мудрых обязана выдерживать специальный режим и должна тщательно избегать всяких излишеств, чего бессмертный нашего братства не обязан делать. К несчастью, в братствах попадаетея не один член вроде Нарайяны и встречаются порочные невежды, играющие с огнем, не стремясь изучить и понять страшную силу, которой они располагают. Но такие люди исчезают со сцены через более или менее продолжительное время, как исчез и твой предшественник.

– Итак, мы начнем с изучения первоначальной материи? – осведомился Супраматти.

– И да и нет! Без сомнения, первоначальное вещество заключено во всем, и мы встретим его всюду в самом разнообразном применении; но наша настоящая программа будет гораздо ограниченной. Мы будем изучать то, что называется черной магией, то есть мы займемся изучением стихий в их дисгармоничном и разрушительном состоянии. Всякая стихия имеет своих работников. Вот ты и ознакомишься прежде всего с этими низшими, но ужасными в своем могуществе деятелями. Только тогда, когда ты победишь их, сделаешься их господином и перестанешь бояться беспорядочных окружающих нас грозных сил, мы перейдем к низшей степени белой магии, где нас уже ждет награда, а именно относительный мир, известная гармония и осознание нашей силы. Пройдя эту степень, я надеюсь, ты будешь в состоянии сделаться учеником Эбрамара и под его руководством подняться на несколько ступеней к сияющему очагу *абсолютной гармонии*.

– Хватит ли у меня сил идти по этому тернистому пути? – пробормотал Супраматти.

– Главное – не сомневайся. Помни всегда, что *сомнение* есть уже полупоражение. Конечно, тебе остается многое победить и предстоит перенести суровые и тягостные испытания; но с энергией и настойчивостью ты преодолешь то, что преодолели другие, что до тебя преодолел и я! Подумай только, насколько грубому и невежественному пирату было труднее пройти первые ступени знания, чем тебе, ученому, уже приготовленному к умственному труду.

– Ты прав, брат, и я краснею за свое малодушие. Позволь мне поблагодарить тебя и извиниться за то, что я возложил на тебя неблагодарное бремя посвящения такого невежественного профана, как я, который не раз выведет тебя из терпения.

Дахир улыбнулся и горячо пожал протянутую Супраматти руку.

– Не мучай себя напрасными угрызениями. Я рад быть твоим руководителем. Разве мы не истинные братья, соединенные одной и той же судьбой, одинаковыми идеями и общей работой? Мое терпение никогда не истощится, так как я сам прошел через все сомнения, волнения и тяжелые испытания, которые ожидают тебя. Я пережил неизбежные моменты упадка духа, нетерпения и даже досады, когда, применяя оккультные законы, я видел явления, основы которых не мог объяснить себе; много вопросов оставалось без ответа, а мне великодушно говорили: «Ты поймешь это позже!»

Далее разговор продолжался на ту же тему. Супраматти особенно интересовался первоначальной материей и все расспрашивал о ней своего друга, так что Дахир со смехом сказал:

– Я вижу, что ты хочешь с одного удара проникнуть в «Святая святых» и знать более того, что я могу передать тебе. Это невозможно; я научу тебя только азбуке. Но так как ты интересуешься свойствами и действием первоначальной материи, то пойдем: я проведу тебе опыт, который покажет тебе, как действует таинственный двигатель при формации планет, разделяя на различные части основные элементы.

Очень довольный, Супраматти встал и последовал за Дахиром, а тот направился вглубь

комнаты, нажал пружину и открыл дверь.

– Этот замок положительно похож на ящик с секретными отделениями! Его стены и полы полны сюрпризов, – со смехом заметил Супрамати.

Войдя за своим проводником в круглую залу, он чуть было не упал, до такой степени был гладок и блестящ пол в этой комнате.

– Черт возьми! Мне кажется, прости, Господи, что мы идем по хрустально!- прибавил он.

– Совершенно верно, – так же весело ответил Дахир. – А потому иди осторожней!

Супрамати с любопытством оглянулся кругом. Зала была почти пуста.

– Скажи, Дахир, отчего здесь все комнаты круглые, а не четырехугольные? Не составляет ли это какой-нибудь магической особенности? – спросил он.

– Да, при всех магических операциях круг гораздо благоприятнее для вращения токов, чем ломаные фигуры, – ответил Дахир.

Затем он поднял плотную завесу и открыл высокое и узкое окно, состоявшее из одного цельного и очень толстого стекла.

– Смотри! Середина пола сделана из красного хрусталя, а там, на цоколе, стоит нечто вроде хрустального же ящика. Это и есть инструмент, с помощью которого мы произведем наш опыт.

Супрамати подошел и наклонился над большим прозрачным ящиком. Он казался совершенно пустым, и только на дне его клубился небольшой туманный клочок, отливавший всеми цветами радуги.

– В этом приемнике находится флюид пространства в том состоянии и в тех комбинациях, какие были во время образования нашей планеты. Сейчас ты увидишь, какое действие произведет на него первоначальная материя.

Дахир вынул из кармана маленький флакон с золотой пробкой, наполненный таинственной, хорошо знакомой Супрамати жидкостью.

– Этот флакон, – сказал он, – снабжен механизмом, который пропускает только одну десятую часть капли материи, необходимую для нашего опыта.

Минуту спустя капелька, похожая на огненную искорку, упала на дно ящика. В то же мгновение Супрамати почувствовал сильный удар в затылок, и ему показалось, что земля заколебалась под его ногами. Дахир схватил его за руку и поддержал. Впрочем, это ощущение длилось не более секунды, и он едва обратил на него внимание, так как все его мысли сосредоточились на зрелище, разыгравшемся перед его глазами.

Внутри хрустального приемника все кипело. Разноцветные облака кружились с головокружительной быстротой, расплываясь, сгущаясь, извиваясь спиралью и разбиваясь на клочья, словно гонимые ураганом. Для полноты иллюзии комнату наполнили треск, свист и оглушительный шум, будто несколько электрических машин были в ходу. Шум этот минутами заглушался раскатами грома.

Вдруг все эти звуки стихли, и все расплылось в сероватый пар, изборожденный молниями. Затем произошло что-то неописуемое по своей быстроте, и перед пораженным взором Супрамати образовались четыре слоя, различные по цвету и по составу.

В глубине ящика с треском волновалась расплавленная масса; над ней появился черноватый, но прозрачный слой, а третий слой был еще прозрачней и имел голубоватый оттенок. Все остальное пространство было наполнено сероватым паром. При более внимательном рассмотрении этот пар был смешан как бы с тканью из тысяч светящихся точек.

От расплавленной материи поднималось что-то вроде тонких жил, которые с потрескиванием взбегали по всем трем ярусам слоев, нигде не останавливаясь и извиваясь подобно громадной змее.

– То, что сейчас произошло перед тобой в несколько минут, в пространстве совершается в миллионы лет, при действии этой первоначальной материи, несколько капель которой было бы достаточно, чтобы пожрать нашу планету и привести ее в газообразное состояние. Так как опыт, который я показал тебе, очень

несовершенен, то не образовалось сферической формы. Но это все равно! Ты и без этого понимаешь, что расплавленная материя – это центр планеты, очаг жизненного начала; черноватый слой представляет первую конденсацию самых грубых материй, образующих кору. Далее идет жидкий и атмосферический слой, пронизанный огнем пространства, называемый вами электричеством, токи которого, изображающиеся огненными жилами, всегда находятся в сообщении с главным резервуаром центра.

Дав Супрамати вдоволь насмотреться на странный, вызванный им мирок, Дахир взял громадную лупу и подал ее своему другу.

– На, возьми. Этот инструмент сделан из бриллианта, весившего более ста каратов. Эта лупа гораздо совершеннее ваших луп. С ее помощью ты можешь видеть, что когда формирующиеся материи достигают той степени, как в нашем случае, можно уже различить формы существ и растений, зародыши которых она содержит, и которые позже произведет Земля.

Супрамати схватил инструмент, и с его губ сорвалось глухое восклицание. Перед его изумленным взглядом появилась неисчислимая масса растений и животных всевозможных форм. Это были флора и фауна, отличавшиеся поразительным разнообразием. Но все было воздушно, неясно и до такой степени перемешано, что понадобились бы целые месяцы, чтобы разобраться в подробностях.

Дахир оторвал его от рассматривания.

– Пора опять разложить все это. Пока ты достаточно видел, а подобное изучение всего потребовало бы слишком много времени. Я приведу наш крошечный мир в соприкосновение со свежим воздухом, – и все разложится.

Он открыл окно, и поток свежего морского воздуха ворвался в комнату. Тогда Дахир открыл ящик, и почти тотчас же слои смешались, расплылись в сероватый пар, который испарился в атмосфере, не оставив никакого следа.

Закрыв окно, он опустил занавес, а затем оба они перешли в соседнюю комнату.

Поглощенный и взволнованный всем, что он видел, Супрамати сел в кресло и глубоко задумался.

– Пойдем обедать. Ты еще не видел нашей столовой, – весело сказал Дахир, хлопая его по плечу.

– Ты прав! Я голоден; только я забыл про это.

– Хороший знак! Если ты забыл про обед, то это значит, что ты способен сделаться ученым.

Разговаривая, они прошли через лабораторию, спустились по лестнице и через дверь, находившуюся в темном кабинете, вошли в небольшую залу с почерневшими от времени балками и темной стенной резьбой. Массивные буфет, стол и стулья с высокими спинками указывали на древность замка.

Узкое окно с цветными стеклами было открыто и около него стояло узкое кресло под балдахином.

Покрытый белой скатертью стол, убранный серебром и цветами, был сервирован на две персоны. У одного из стульев стоял карлик, исполнявший должность лакея.

Обед состоял из овощей, яиц и пудинга из сушеных фруктов. Кроме того, на столе стояли сыр, хлеб, масло, молоко и бутылка вина.

Виноград, груши и персики предназначались на десерт.

– Наше меню не отличается разнообразием, но все время, пока мы будем работать здесь, ты должен довольствоваться вегетарианской пищей. Все посвященные проходят через это, – заметил Дахир, улыбаясь. – Если бы мы были простыми смертными, нам пришлось бы довольствоваться одним только хлебом и водой, чтобы приготовить строгим постом наши тела к предстоящим опытам; но так как мы – *бессмертные*, то можем позволять себе роскошь такого обеда.

– О! Вегетарианский режим я нахожу превосходным, – ответил Супрамати. – Все время, пока я жил у Эбрамара, я питался исключительно овощами и не чувствовал никакого

дискомфорта из-за отсутствия животной пищи, которая, впрочем, мне самому противна.

– Когда кончится срок твоего первого «посвящения», и вообще, когда вернешься в свет, ты снова можешь есть мясо, но тогда, может быть, ты и сам не захочешь.

– Это очень вероятно, так как я понимаю, что животная пища заражает организм трупными элементами.

Окончив обед, молодые люди вернулись в лабораторию, Дахир принес большой фолиант с рисунками, странными знаками и непонятным текстом.

– В этой книге заключаются формулы всех категорий. Все эти знаки ты должен изучить и запомнить, а формулы заучить наизусть. Когда ты вполне овладеешь всеми этими первоначальными заклинаниями, мы приступим к первому опыту. Даже простые колдуны знают части этих формул, но ты находишься совсем в других условиях. Ты не должен, подобно невежественному колдуну, быть рабом злых сил, вызываемых тобой; тебе нужно с первого же шага сделаться их господином и повелителем. Так как у тебя не развито еще второе зрение, то я снабжу тебя магическими очками, которые позволят видеть все, что происходит вокруг тебя.

Супрамати с жаром принялся за работу. Он изучал таинственные знаки и странные формулы, составленные из цифр и слов, значение которых он не понимал.

Сначала ему было очень трудно привыкнуть к такому новому роду занятий, но Дахир помогал и объяснял ему. С наступлением ночи Супрамати научился почти безошибочно произносить несколько формул и с уверенностью рисовать несколько каббалистических знаков.

Он до того был поглощен своим занятием, что даже не заметил, как наступила темнота. Дахир зажег лампу и, посмотрев на часы, с улыбкой заметил:

– Кончай свою работу: на сегодня довольно. Скоро уже десять часов, и наша прекрасная хозяйка ждет нас. Тебе нет надобности торопиться; благодаря Богу, времени у тебя достаточно.

– Это правда, но я хотел бы как можно скорей пройти первые, самые тяжелые и наименее интересные Ступени посвящения,- ответил Супрамати, отирая пот.

Надев свои обычные одежды, они прошли в столовую, где их ждала Нара.

– Ну что, Супрамати? Как прошел первый день твоего посвящения? – с улыбкой спросила молодая женщина.

– Очень интересно, – ответил Супрамати, целуя Нару.

Сев рядом с женой, он с одушевлением начал рассказывать, что делал в течение дня.

– Все тайны невидимого мира, которые я видел, восхищают меня и в то же время приводят в ужас. Меня, ленивого невежду, пугает гигантский труд, предстоящий мне. Стоя у подножия высокой лестницы, на которую мне предстоит взойти, я спрашиваю себя, как другие могли подняться так высоко, не почувствовав головокружения? – шутливо-грустным тоном прибавил он.

– Ты воспользуешься двумя свойствами, которые помогли твоим предшественникам – «мужеством» и «настойчивостью» - и поднимешься беспрепятственно, – весело ответила Нара.

Затем она серьезно прибавила:

– Предчувствие говорит мне, что ты достигнешь высших ступеней знания и сделаешься великим магом. Ты всегда был мыслителем и хорошим работником. Чем дальше будешь ты подвигаться по новому пути, тем больше будешь интересоваться оккультным миром и могуществом, которое он дает тебе, отдав в твое распоряжение целую армию ловких, лукавых, но смелых воинов, невидимых для профанов, так как они скрываются в окружающей атмосфере. Ты не испытал еще наслаждения быть *выше толпы*, читать чужие мысли, облегчать тайные страдания и повелевать силами природы.

– Дай Бог, дорогая моя, чтобы твои предчувствия оправдались, и чтобы я стал достойным твоего обо мне хорошего мнения. Во всяком случае, я употреблю для этого всю свою волю, – сказал он, целуя руку жены.

Разговор продолжался на ту же тему. Когда Дахир упомянул о вызываниях, какие они предполагали сделать, Супрамати вспомнил о нескольких спиритических сеансах, на которых он присутствовал во время своего последнего пребывания в Лондоне.

Тогда он был очень болен, и приближавшаяся смерть побуждала его проникнуть во мрак могилы, к которой он быстро устремлялся.

Супрамати стал членом одного кружка и участвовал в целой серии сеансов. Он увидел очень интересные манифестации: появление вещей, световые эффекты и даже частичную материализацию. Некоторые из них произвели на него глубокое впечатление, другие вызвали в нем сомнения.

– Я знаю, сеансы такого рода в моде, и вообще спиритизм быстро распространяется, так как он отвечает потребности сердца людей, утомленных пустотой убеждений отрицателей и нетерпимостью науки, которая смело может равняться с нетерпимостью клерикальной, – заметила Нара. – К несчастью, спиритизм на-

ходится в хаотических, неблагоприятных условиях и остановился на азбуке оккультного мира, так как спиритам неизвестны законы, управляющие явлениями. Хорошие медиумы чрезвычайно редки, и духам-руководителям чаще всего мешают дисгармония и даже злая воля присутствующих, то есть глупой и невежественной толпы, которая хочет видеть только для того, чтобы после отрицать и насмехаться, воображая, что загробный мир с его ужасными тайнами существует только для их развлечения.

– Это правда! Спиритизм рождает больше насмешников и отрицателей, нежели прозелитов, – сказал Дахир. – А между тем это утешительное знание сделало уже много добра и спасло не одну душу из роковой бездны материализма. Что бы было, если бы вопрос был поставлен иначе!

Все на минуту умолкли, а затем Нара прибавила:

– Да, я желала бы, чтобы спиритизм, доказывающий существование загробной жизни в доступной для каждого форме, преуспевал для блага человечества! Кстати, Супрамати, если ты желаешь, мы можем сегодня вечером устроить спиритический сеанс. Я моментально сделаю тебя ясновидящим, и ты увидишь весь оккультный процесс спиритических манифестаций.

– Конечно, хочу. Ты предупреждаешь мое желание. Пойдем же скорей в лабораторию!

– Зачем нам идти туда! Нам отлично будет в моей маленькой гостиной. Итак, идите туда, господа, и приготовьте все! Я же распорядюсь относительно ужина, что будет не лишнее после сеанса.

– Конечно, вегетарианского? – спросил смеясь Супрамати.

– Именно. Пока тебе надо забыть о мясе, а через несколько лет ростбиф, жареные фазаны и другие деликатесы такого рода будут казаться тебе кусками трупа. Ты увидишь вещи, которые отнимут у тебя аппетит, а запах разложения, которого не чувствуют обыкновенные гастрономы, будет удушать тебя.

В маленькой гостиной они опустили шторы и удалили лишнюю мебель, а посреди комнаты поставили небольшой круглый столик. Затем они погасили лампы, оставив зажженной одну только свечу.

Едва успели они окончить эти приготовления, как вошла Нара. Она принесла с собой маленький серебряный треножник и поставила его на стол. Затем щипчиками она взяла из камина еще не погасшие уголья и положила их на треножник, а Дахир стал раздувать их; когда уголья раскалились, Нара вынула из кармана флакон и вылила на них содержавшуюся в нем жидкость. Тотчас же поднялся густой дым, распространивший в комнате аромат, показавшийся Супрамати знакомым.

Вдруг он вспомнил, что вдыхал такой же аромат в день бала у графа Рокка, но только этот был не так силен; тем не менее у него на минуту закружилась голова, и он молча сел за стол.

Тогда Дахир взял жезл с несколькими узлами, висевший у него на шее на золотой цепочке подобно дамскому лорнету, и затем, нагнувшись, обвел их кругом.

На полу тотчас же появилась широкая фосфорическая полоса, которая затем превратилась в серый пар. После этого Дахир сел на свое место и положил руки на руки присутствующих.

На минуту воцарилось молчание. Вдруг Супрамати показалось, что все вокруг него зазвучало и задвигалось; а затем все стало с необыкновенной быстротой вращаться вместе с ним, столом, Нарой и Дахиром. Вскоре появился голубоватый свет, и в этом полусвете он с удивлением заметил высокую и тонкую фигуру, одетую в серое одеяние цвета летучей мыши. Это необыкновенно гибкое, ловкое и подвижное существо держало в руках красный жезл, на конце которого вращался шар такого же цвета. Отовсюду брызгали фосфорические искры, которые соединялись потом огненными нитями. Круг, начертанный Дахиром, выбрасывал теперь пламя различной величины. Скоро присутствующие оказались окруженными фосфорической сеткой. Со все возрастающим интересом Супрамати следил за всем и с удивлением увидел, что из-за складок портьер, из стен, пола и даже камина стали появляться различные существа и группироваться около круга. У одних на лицах было лукавое и беззаботное выражение, у других – злое, животное и даже полное ненависти. Последние пытались пройти сквозь сетку, но их всякий раз отбрасывало назад точно электрическим током. Только тогда, когда у стола появилось несколько существ по быстроте движений и по костюму похожих на фигуру, державшую огненный шар, Нара выразила желание, чтобы из столовой был принесен графин с водой.

Тотчас же некоторые из этих духов удалились, и вскоре появился графин, окруженный белым густым паром, похожим на вату. Этот графин с трудом несли три сероватых существа и тихо поставили на стол.

Затем Дахир приказал сыграть на флейте, так как этот инструмент лежал на окне. Тотчас же один из индивидуумов схватил флейту и недурно сыграл хорошо знакомую всем небольшую арию.

В эту минуту появился новый дух, который без труда переступил огненный круг и прошел сквозь сетку, остановившись между Дахиром и Нарой.

Большое белое покрывало окутывало всю фигуру вновь прибывшего духа и скрывало черты его лица. В руках дух держал букет цветов. Аромат лилий и роз наполнил всю комнату.

Супрамати с удивлением смотрел на новое видение, которое медленно поднимало покрывало, и вдруг громко вскрикнул: он узнал свою мать. Прекрасная и помолодевшая, она смотрела на него каким-то странным и неподвижным взглядом.

При его крике видение зашаталось, побледнело и как бы расплылось, но почти тотчас же появилось снова.

– Матушка! Я снова вижу тебя, дорогая матушка! – пробормотал он, дрожа.

– Ральф! Дорогое дитя мое! – произнес любимый и хорошо знакомый голос.

– О, дорогая матушка! Как мы были слепы, не подозревая о возможности свидеться! Ты была близ меня, когда я оплакивал нашу разлуку, и не могла подать мне знака, утешить меня – и все это только из-за того, что мы не знали законов невидимого мира. Скажи, счастлива ли ты? Видела ли ты моего отца?

– Я его видела. Он счастлив и спокоен, так как хорошо и честно выполнил свой жизненный долг. Ты увидишь его позже.

– Скажи ему, что я его люблю и каждый день молюсь за него и за тебя. Посмотри, матушка, как я силен и здоров! Теперь тебе нечего бояться, как прежде, за мое здоровье, – с лукавой улыбкой прибавил он.

Выражение боязни и печали затуманило лицо духа. Положив руку на голову сына, видение ответило:

– Теперь я боюсь, не будет ли *слишком* продолжительна эта жизнь, за которую я некогда опасалась.

– Скажи мне, ты не одобряешь странную судьбу, на какую толкнул меня рок? – с грустью и беспокойством спросил Супрамати.

– Я не смею порицать, дорогой Ральф: для этого я слишком невежественна. Я только опасаюсь, не будет ли слишком тяжело испытание бессмертием и ожидающий тебя громадный труд, чтобы сделаться достойным таинственных сил, данных тебе в руки. Спроси тех, кто проник в высшие области знания и кто исчисляет свою жизнь тысячью лет, счастливы ли они тем, что вечно носят тленную оболочку, не имея возможности отдохнуть в смерти? Подверженная тысячам страданий, присущих земной жизни, так как привилегию бессмертия испытывает одно только тело, душа остается по-прежнему уязвимой и не пользуется преимуществом *не чувствовать, не любить, не оплакивать страданий*, которые она облегчить не может.

Дух на минуту умолк и затем продолжал, но уже более слабым голосом:

– Я чувствую, что улечивается сила, данная мне. Итак, до свидания, сын мой! Я явлюсь, когда ты позовешь меня в тяжелую для тебя минуту, не для разрешения проблем управления вселенной, но для того, чтобы ты услышал нежное слово матери.

Он чувствовал, как рука ее становилась все менее плотной, а затем расплылась и сделалась неосязаемой. Все видение таяло, делалось прозрачным и наконец совершенно исчезло.

Тяжело дыша, опустил Супрамат на стул и закрыл глаза. Тогда Дахир зажег свечу и сказал:

– Ты утомился, мой друг, не телом, конечно, а душой. Итак, прекратим этот сеанс! Несмотря на твое бессмертие, ты отлично сделаешь, если ляжешь спать.

Супрамат выпрямился, взял оставленные матерью на столе цветы, на лепестках которых блестели еще капельки росы, и со смешанным чувством горя и счастья прижал их к губам.

Несмотря на добрый совет Дахира, все остались на своих местах и продолжали беседовать. Супрамат горевал, что скептики с предвзятой целью упорно мешают развитию спиритизма, который является, однако, источником утешения для страждущих душ и в то же время, способствует их нравственному возрождению, возвращая им веру в загробную жизнь.

– О, эти скептики! – со смехом вскричала Нара. – Иногда у меня появляется страстное желание убедить их, надев им магические очки. Я думаю, что все эти великие болтуны лишились бы тогда рассудка, убедясь, что вся атмосфера вокруг населена теми невидимыми существами, существование которых они отрицают, и что в пространстве, которое, по своему тщеславному заблуждению, они считают пустым, живет целый мир неосязаемых существ.

– Вот уже несколько раз я слышу, что ты и Дахир упоминаете о каких-то магических очках. Покажите же мне их хоть раз, – попросил Супрамат.

– С удовольствием, – ответила Нара.

Она открыла резное бюро, отделанное слоновой костью, вынула из ящика большие очки в золотой оправе и подала их мужу.

С совершенно понятным интересом рассматривал Супрамат очки, сделанные из какого-то незнакомого ему вещества, более прозрачного, чем стекло, и переливавшегося различными цветами.

Недолго думая, он надел их, но к крайнему своему удивлению, ничего не увидел, кроме разноцветных волн, которые звучали, двигались и сливались. В то же время ему показалось, что его череп сдавлен раскаленным обручем.

– Сними очки и вымой лицо! Сегодня ты ничего не увидишь, так как органы твои слишком насыщены тем веществом, которое я сожгла перед сеансом, – сказала Нара. – Но эти очки делают прозрачной для глаз обыкновенного человека завесу, скрывающую невидимый мир.

Она спрятала очки, а Супрамат поспешил в свою комнату, чтобы поскорей вымыть лицо, так как чувствовал головную боль, которая, впрочем, тотчас прошла от холодной воды.

Глава третья

Прошло несколько недель, не принеся с собой ничего особенного. Супрамати с жаром изучал магические знаки и странные, почти всегда непонятные формулы, сопровождающие их. Когда же он просил Дахира объяснить их ему, тот отвечал, что надо прежде хорошенько заучить их. – Но ведь гораздо трудней заучить галиматью, которую не понимаешь! – с нетерпением возразил Супрамати.

– А между тем, это необходимо; так как, если бы ты понимал смысл этих магических формул, то они тотчас же вызвали бы присущие им явления – и ты оказался бы в положении ученика колдуна у Гете. Только незнание произносимых тобой слов мешает твоей мысли и воле привести их в движение.

Супрамати доля-сен был удовлетворен таким объяснением. Мало-помалу он начал осознавать справедливость слов Дахира, подмечая и сам странные явления.

Так, когда он произносил магические формулы, им овладевало какое-то неопределенное, но невыразимо тягостное беспокойство. Ему слышался странный шум, около него появлялись тени, в темных углах вспыхивали искры и горячее веяние пробегало по его жилам.

Когда подобного рода проявления делались уже слишком явственными, Дахир прерывал изучение формул и на некоторое время переходил к другим занятиям. Тогда он говорил своему другу о скрытых свойствах драгоценных камней, указывая ему на различные цвета, которые они излучают, иллюстрируя примерами действия, производимые этими световыми эманациями на растения, животных и людей.

Они изучали также растительные, животные и минеральные яды, свойства растений и действие животного магнетизма; но теперь глазам молодого доктора открывалась совершенно новая ботаника и новая химия.

Они продолжали также упражнения дисциплинирования мысли. Однажды Дахир принес в лабораторию большой круг, закрытый черным сукном. Поставив его на стол, он снял покрывало.

Супрамати с любопытством стал рассматривать черновато-синий металлический диск, отливавший всеми цветами радуги, как и магические зеркала, виденные раньше. Этот диск был вставлен в рамку, в которую были вделаны различные металлы, драгоценные камни и медальоны с жидкостью. Наверху же рама была украшена медальоном в форме амфоры.

– Что это? Это тоже магическое зеркало? Для чего оно служит? – спросил Супрамати.

– Да, это магическое зеркало, только оно сделано из других материалов, нежели те, которые ты видел. Оно поможет тебе достигнуть очень трудного умения управлять и дисциплинировать живую мысль и ее изображение. Это зеркало, видишь ли, составлено из самых восприимчивых веществ. Оно чувствительнее барометра, который воспринимает только колебания атмосферы. На этом драгоценном инструменте, необходимом каждому истинному магу, отражаются самые легкие вибрации мысли; это барометр души. Профаны глупо воображают, что магическое зеркало имеет только одно назначение: открывать магу картины прошлого и будущего и выдавать тайны того или другого субъекта, совершенно безразличного ученому. А между тем в действительности этот инструмент предназначен для серьезных занятий и служит для упражнения мысли. Настало время и для тебя приступить к таким занятиям. Итак, смотри на диск, думая о какой-нибудь вещи и стараясь как можно точнее представить ее себе. Выбери какую-нибудь простую, но точно определенную вещь, чтобы с самого начала привыкнуть ясно формулировать свою мысль, так как мимолетные и хаотические мысли не воспроизводят ничего.

Супрамати наклонился и стал смотреть в зеркало. Тотчас же в его уме возникла масса предметов, причем его мысль не могла остановиться ни на одном из них. Но каково было его удивление, когда он увидел, что на металлической поверхности отразился целый хаос вещей, существ и цветов, которые смешивались, гримасничали и наконец исчезали в кровавом тумане. У Супрамати закружилась голова и он закрыл глаза.

– Стой, стой! – вскричал со смехом Дахир. – Ты производишь больше мыслей, чем зеркало может вместить. Повторяю тебе, избери какую-нибудь одну простую вещь, как-то

стул, бутылку, какой-нибудь фрукт или еще что-нибудь конкретное. И чем определеннее будет твоя мысль, тем жизненней и совершенней будет воспроизведенное ею изображение.

Супрамати вторично наклонился к зеркалу, сосредоточился, и в зеркале скоро появилось серое и неопределенное изображение бутылки; но почти в ту же минуту, заслоняя ее собой, появилось изображение стакана, наполненного пенящейся жидкостью, а вокруг всего этого замелькала довольно неопределенная и забавная смесь голов Лормейля, Пьеретты и остальной их компании, представление о которых у него как-то невольно соединилось с изображением бутылки. Рассерженный Супрамати выпрямился, невольно смеясь.

– Никогда не думал я, что так трудно сосредоточить мысль на каком-нибудь определенном предмете, – заметил он.

– Никто об этом не думает и не обращает внимания на беспорядочную работу мозга, – с улыбкой ответил Дахир. – В результате получается, что в жизни думают о массе бесполезных вещей, теряют время и бесцельно утомляют ум. Теперь же смотри! Я покажу тебе, как действует на этот инструмент уже *дисциплинированная* мысль. Я буду думать о тарелке с фруктами.

И Дахир в свою очередь склонился к зеркалу. Взгляд его засверкал и сделался неподвижен; между бровями появилась небольшая складка.

На полированной поверхности тотчас же появилось изображение тарелки с грушами, яблоками, виноградом и другими фруктами. Все было окрашено и казалось живым.

Супрамати вскрикнул от удивления и восхищения; но Дахир покачал головой.

– Тут нечем восхищаться, – сказал он. – Моя мысль была довольно небрежна. Тарелка осталась не окрашенной, а вишни на заднем плане расцвечены не полностью. Эти неточности произошли от того, что я слишком спешил вообразить вещь, которую хотел показать тебе; тогда как следует действовать точно, придавая каждой вещи, как живописец, форму, цвет и природные оттенки.

Дахир продолжал смотреть на вызванное им изображение, и Супрамати, к крайнему своему удивлению, увидел, что на тарелке появился изящный рисунок, а фрукты приняли свою естественную окраску.

– Удивительно! – вскричал он. – Но скажи, отчего изображение, вызванное моей мыслью, почти с такую же быстротой исчезло, как и появилось. Это же кажется настоящей живописью и держится вот уже несколько минут.

– Причина остается все та же. Твоя непостоянная, беглая и хаотическая мысль, не будучи в силах создать ничего определенного, еще менее может удержать это изображение. Я думаю только о том, что хочу вызвать, и не даю мозгу породить никакую другую мысль. Мозг – это такой же орган, как и рука; нужно только развивать силу его мышления и заставить послушно работать.

– А возможно на этом зеркале воспроизводить с таким же совершенством сложные картины?

– Несомненно! Всякая твоя мысль может отражаться здесь. При навыке со временем в этом зеркале, как в панораме, будет проходить целый ряд картин. Сейчас я покажу тебе несколько картин такого рода. Конечно, это гораздо трудней, чем воспроизвести изображение бутылки, а между тем то, что я покажу тебе, это только азбука великого искусства мыслить.

Все более и более заинтересовываясь, Супрамати стал смотреть в зеркало. Теперь оно, казалось, расширилось, увеличилось и в нем отразилась громадная, освещенная луной водная поверхность океана. Но вот из волн медленно выросла и приблизилась скала, на которой находился таинственный приют рыцарей Грааля.

Чудная картина эта стала постепенно бледнеть и расплылась в сероватый пар, уступив место храму братства во время совершения богослужения.

Да, это действительно была обширная зала с ее колоннами, тонкой резьбой и разноцветной мозаикой. В отверстие купола лились солнечные лучи, заливая светом

каменные плиты и белоснежные одежды рыцарей. На ступенях алтаря стоял старейшина братства, а перед ним сам Супрамати.

Это была сама жизнь; здесь ничто не было забыто; все дышало и жило. Каким великим артистом-мыслителем надо было быть, чтобы так воспроизвести природу и вызвать в этой мрачной лаборатории появление океана или залить его яркими солнечными лучами.

С чувством почти боязливого восхищения глядел Супрамати на Дахира, который странно неподвижным взором продолжал смотреть в магическое зеркало. Но вдруг он провел рукой по глазам и с улыбкой обернулся к своему другу; картина тотчас же исчезла, и зеркало приняло свой обычный черный цвет.

– Дахир! Ты достиг совершенства в этом великом искусстве, о существовании которого я и не подозревал. Мне кажется, что я никогда не добьюсь такого мастерства.

– Ты меня считаешь таким великим мастером только потому, что не видал пока ничего лучшего, – со смехом ответил тот. – Моя мысль не производит еще аромата, звука и пр. Вообще я далек еще от цели. Но так как твое восхищение льстит моему самолюбию, то я покажу тебе еще частицу своего искусства, а именно, сделаю мою мысль видимой для другого. Впрочем, эти явления случаются и у профанов, которые толкуют их вкривь и вкось и называют «*прижизненными призраками*».

Самый факт так часто проявлялся, что отрицать его уже невозможно. В минуту смерти или опасности многие являлись своим близким с реальностью живых людей; иногда даже к ним прикасались и говорили с ними.

В действительности же эти «призраки» – не что иное, как могучее проявление мысли, сделавшейся не только видимой, но и осязаемой.

Только у профанов феномены эти происходят случайно и бессознательно, я же могу вызвать их по своей воле.

Прибавлю еще, что *пассивная* мысль, то есть когда ты не думаешь ничего определенного, отражается в магическом зеркале в виде фосфорических линий, более или менее ярких, смотря по энергии мозговых вибраций. Но мысль не должна быть пассивной, а должна быть деятельной и трудовой. Только работа мысли должна быть гармонична, чтобы не утомлять мозга, так как всякий знает и испытал на себе, что бурные и взволнованные мысли вызывают страшное истощение всего организма.

Теперь же пойдем в соседнюю комнату и подышим чистым воздухом, а потом я покажу тебе мою мысль, видимую на расстоянии.

– Ты устал? – спросил Супрамати, с наслаждением вдыхая чистый и свежий морской воздух.

– Я-то не устал, но у тебя – совершенно растерянный вид, хотя то, что ты видел, не должно бы так волновать тебя. Даже ваша «официальная» наука начинает убеждаться в осязаемости

мысли; ее даже фотографируют. Без сомнения, эти опыты еще слабы и плохо удаются, как это бывает всегда при новом открытии. Тем не менее люди находятся на пути подчинения научному контролю самого бурного и своевольного из человеческих чувств.

Даже нам дисциплинировать мысль и ее орудие – мозг – представляет громадный труд. Казалось бы, что ученые, труженики ума, могущие умственно решать самые сложные проблемы, уже сделали этот первый шаг; а между тем, если бы им понадобилось сконцентрировать всю свою волю на изображении одного предмета, ты увидел бы, какие зигзаги отразятся в магическом зеркале.

Для тебя, Супрамати, безусловно, необходимы занятия, к которым ты сегодня приступаешь, так как ты должен мысленно воспроизводить все каббалистические знаки и магические символы заклинаний, причем все это ты должен делать быстро и точно, без малейшей тени колебания.

После часового отдыха они вернулись в лабораторию и, став перед магическим зеркалом, Дахир сказал:

– Сейчас я буду приветствовать Эбрамара, а ты смотри в зеркало. Конечно, вряд ли мне

удастся придать себе вполне реальный и жизненный вид, так как это требует громадного сосредоточения воли, но ты все-таки увидишь меня.

Нахмутив брови, с надувшимися от усилия воли жилами на лбу, Дахир облокотился на спинку кресла, на котором сидел Супраматти, и тот вскоре увидел в центре зеркала блестящий круг, быстро расширившийся в гигантский диск лунного света. Затем перед его пораженным взглядом показалась терраса его дворца в Гималаях.

У заваленного книгами стола сидел Эбрамар, склонившись над связкой папируса; рядом, на ковре, лежала белая борзая собака.

Как очарованный смотрел Супраматти на хорошо знакомую ему картину: на зеленую лужайку, усеянную яркими цветами, на фонтан, чистая струя которого сверкала бриллиантовыми брызгами, на снежные вершины гор, обрамлявших горизонт. Вдруг на темной лазури неба появилось и стало быстро приближаться вращающееся красноватое облако.

Собака насторожила уши, села и устремила умный взгляд на хозяина, а тот, поднял голову, казалось, стал к чему-то внимательно прислушиваться.

Красноватое облако спустилось теперь на террасу, и Супраматти увидел, что это был Дахир. Фигура его была воздушна, контуры тела не совсем определены, но голова вырисовалась ясно и была вполне узнаваема.

Супраматти невольно повернул голову и вздрогнул. Дахир стоял по-прежнему облокотясь на спинку кресла; только смертельно бледное лицо его и стеклянные глаза напоминали труп. Супраматти с ужасом смотрел на широко открытые потемневшие глаза его и похолодевшую, неподвижную руку, принявшую восковой оттенок. Да, это действительно было тело, покинутое жизненной силой.

С ледяной дрожью он перевел свой взгляд на зеркало. Там по-прежнему расстился веселый пейзаж индийского дворца. Эбрамар встал, приветливая улыбка осветила его доброе лицо, и он подал Дахиру руку.

По движению губ обоих Супраматти заключил, что они разговаривают. Затем Эбрамар взял из ближайшей вазы пурпуровый цветок и вложил его в руку Дахира. Вся сцена происходила так близко, что Супраматти казалось, что ему стоит только протянуть руку, чтобы прикоснуться к руке Эбрамара. В эту минуту тот обернулся, улыбнулся и сделал приветственный знак, как будто видел молодого доктора; затем он снова сел на свое место, облокотился на стол и устремил задумчивый взгляд на фигуру Дахира.

Последняя отступила назад и снова превратилась в красноватое облако.

Минуту спустя картина побледнела и исчезла – и Супраматти услышал у себя за спиной тяжелый и глубокий вздох.

Он быстро обернулся и встретил блестящий взгляд приятеля, который с доброй улыбкой подал ему цветок и сказал:

– Эбрамар кланяется тебе и прислал это на память. Супраматти вскочил со стула и сжал голову руками.

– Ах! – вскричал он хриплым от волнения голосом. – Это уже не проявление мысли, а настоящая *магия*. Это просто волшебная сказка!

Дахир покачал головой,

– Нет, мой друг! То, что тебе кажется волшебством или чудом – не что иное, как простое проявление мысли и астрального тела, выделенного при помощи воли из телесной оболочки. Впрочем, то, что я показал тебе, сущие пустяки в сравнении с тем, чего можно и *должно* достигнуть. Когда я научу тебя тому немногому, что сам знаю, мы оба сделаемся учениками Эбрамара. Под его руководством мы будем изучать *высшую магию*, и перед нами откроются иные горизонты.

– Дахир! Это гордость, прикрытая скромностью, заставляет тебя говорить, что ты мало знаешь, когда ты достиг уже совершенства, – сказал Супраматти, снова спускаясь на стул и прижимая ко лбу чудный цветок, наполнивший ароматом всю лабораторию.

Дахир задумчиво и важно покачал головой.

– Ты дурно судишь обо мне потому, что не имеешь никакого понятия о неизмеримости знания, которое остается нам постичь. Эбрамар, конечно, исполин знаний, в сравнении с которым я – жалкий пигмей; а и он, мудрый великий ученый, для которого, по моему мнению, во вселенной нет больше тайн, побледнел, говоря мне однажды: «Когда я бросаю взгляд на бесконечные тайны, которые мне предстоит еще изучить, я дрожу от своего невежества и чувствую себя слепой и ничтожной пылинкой!»

– Прости меня, брат, за мои глупые и обидные слова,- сказал Супрамати, обнимая Дахира. – Но у меня иногда кружится голова в этом странном мире, куда меня так неожиданно бросила судьба.

– Я несколько не обижаюсь и отлично понимаю состояние твоей души, так как сам прошел через все это. Но на сегодня довольно! Ты утомлен и очень взволнован. Пойдем к Наре: ее присутствие лучше всего успокоит тебя.

С этого дня Супрамати с новым жаром принялся за работу. Особенно он жаждал дисциплинировать свою Мысль и целые часы проводил перед магическим зеркалом; а когда металлический диск впервые отразил правильный и слегка окрашенный зеленый лист, Супрамати почувствовал такую наивную радость, что Нара и Дахир от души хохотали.

Зато изучение магических формул, в которых он ничего не понимал, разных каббалистических знаков и длинного списка

странных имен было ему в высшей степени скучно, и только постоянным усилием воли он заставлял себя приобретать эти знания, казавшиеся ему совершенно бесплодными. Часто он ослабевал и чувствовал глубокое утомление, не имевшее, впрочем, никакого отношения к его физическим силам, так как он неизменно оставался сильным и здоровым; но умственная работа становилась иногда для него невыносимой, хотя он и старался мужественно побороть подобную слабость.

Дахир внимательно следил за состоянием души своего ученика и в тяжелые минуты помогал ему: или прерывал работу на несколько дней, которые посвящались отдыху и развлечениям, или менял предмет занятий, что тоже всегда давало отличные результаты.

Прежняя специальность несколько не потеряла для Супрамати своего интереса; странные и совершенно новые взгляды на искусство исцелять и разрушать, которые открывал ему его учитель, так же живо интересовали его, как и искусство думать, которое он с таким жаром изучал.

Однажды, когда они долго говорили о лечении различных болезней, Супрамати неожиданно спросил:

– Объясни мне, ради Бога, Дахир, почему необходимо быть хорошим врачом, чтобы сделаться колдуном или магом хотя бы низшего порядка?

– Потому что тело является главным объектом, на котором практикуется злополучное знание колдуна; а между тем это необходимое орудие души – очень сложная и требовательная машина. Поэтому магу обязательно надо знать все средства, служащие для исцеления, а также и для разрушения тела. Как доктор, ты знаешь, что для образования человеческого тела природа употребляет минеральные, растительные и животные вещества, которые поглощаются матерью во время беременности и служат затем для поддержания пламени той капли первоначальной материи, которою родители одаряют будущее существо в минуту зачатия. Действие других очень могущественных агентов, каковыми есть цвет, звук, аромат и пр., еще мало известны современной науке. Между тем истинная врачебная наука заключается в умении пользоваться всеми средствами для удаления из организма излишних веществ и для введения в него недостающих.

Поэтому тебе следует научиться находить всюду – и в атмосфере, и в разных царствах природы действующие силы, способные поддерживать жизненность всякого создания; а в то же время ты должен изучить средства разрушения, как оккультные, так и материальные.

– Я всегда интересовался ботаникой и чудесными свойствами растений; но то, что я уже слышал от тебя, доказывает, что я очень мало знаю об этом, – задумчиво заметил Супрамати.

– Это вполне естественно, так как наука в лечении отводит растениям второстепенное место. В своем жалком невежестве человек попирает ногами скромных благодетелей человечества, растущих у его ног; а ведь природа по своей мудрой предусмотрительности дала необходимое средство против каждого недуга. Если бы доктора обладали лупой, похожей на наши магические очки, они были бы крайне удивлены сделанными ими открытиями. Для доказательства я покажу тебе некоторые травы и корни под магическими очками, так как твое духовное зрение еще не развилось.

Дахир подошел к большой дубовой шкатулке с металлическими углами на бронзовых ножках и открыл ее. Вся внутренность шкатулки была разделена на отделения, наполненные травами, сухими цветами, кореньями, пузырьками и драгоценными камнями.

Супрамати наклонился и с любопытством стал рассматривать содержимое шкатулки; Дахир же вынул из двух смежных отделений растения и положил на стол.

– Ты хочешь показать мне арнику и валериану? – с удивлением спросил Супрамати.

– А ты ожидал увидеть какое-нибудь незнакомое, необыкновенное уже по одному своему виду растение? – с улыбкой ответил Дахир.- Я с намерением выбрал эти хорошо знакомые травы, за которыми даже ваша «гордая» наука признает целебные свойства, хотя и относит их к *народным* средствам. Теперь возьми магические очки и полюбуйся этими двумя великими представителями растительного царства во всем их оккультном блеске. То, что ты увидишь, это – высшая степень открытого Гелленбахом света, который издают предметы, и который он назвал – «Одом». Тебе известно, что это открытие еще сильно оспаривается; пока самое большое, что допускается как факт, это то, что из кончиков пальцев и из кристаллов исходят световые лучи различной окраски. При помощи этого инструмента ты увидишь астральную силу, исходящую из каждого предмета. *Посвященные* видят ее непосредственно, своим спиритуализованным зрением, которое тотчас же позволяет им судить, здоровое это вещество или вредное.

– Позволь мне еще раз осмотреть простым глазом этих великих целителей растительного царства, чтобы я мог лучше отдать себе отчет в той разнице, какую затем увижу, – сказал Супрамати, внимательно осматривая маленькие цветы арники и потемневшие корешки валерианы. – Мои слепые и невежественные глаза не могут открыть ничего особенного в этих двух представителях растительного мира, – с улыбкой заметил он, надевая странные очки.

И вдруг крик удивления и восхищения сорвался с губ Супрамати, до такой степени скромное растение изменило свой вид. Маленькие желтые лепестки арники казались золотыми звездами, а сердцевина преобразилась в шар синеватого света, который беспрестанно вибрировал. Из желтых лепестков исходили маленькие, точно электрические иглы, которые, проходя сквозь голубоватое облако, казалось, ткали в атмосфере тонкую, как паутина, ткань, покрывавшую растение светящимся покровом, который вибрировал и был изборужден молнией.

– Видишь ты удивительную работу? Это – флюидический ткач. Он возобновляет и исправляет повреждения ткани, как флюидической, так и материальной, причиненные ранением, ударом и пр. Отсюда его чудные свойства, излечивающие раны и предупреждающие дурные последствия переломов и ушибов. Живительный аромат арники немедленно же дезинфицирует поврежденное место, а маленькая электрическая машина разгоняет скопившуюся от удара кровь, заменяет, где нужно, жизненное вещество и возобновляет ткань. Кроме того, арника обладает способностью привлекать и скоплять в себе громадное количество солнечного тепла. Ты можешь сам представить себе, какое могучее действие производят силы этого скромного целителя на организм человека, животного и даже растения, когда умеют употреблять его для лечения сломанных, измятых и умирающих от истощения цветов. Однако не скрою от тебя, что изучение всех целебных свойств этого растения и их употребления представляет громадный труд. Теперь перейдем к осмотру валерианы, – прибавил Дахир, убирая в шкатулку арнику.

Молча и сосредоточенно наклонился Супрамати над корешком, который тоже изменил

свой вид. Корень был теперь красен, как кровь. По нему проходили толстые жилы с электрическими узлами. Каждый из корней, казалось, был осыпан искрами, а в центре горело небольшое мерцающее пламя, от которого по всем жилкам протягивались огненные нити. Из всего растения исходил пурпурный свет с золотистым отливом, который образовал вокруг него широкий ореол.

– Астральный огонь, скопившийся в этом растении, будучи введен в тело, возбуждает жизнедеятельность, успокаивает и согревает организм, действуя главным образом на функции мозга и работу сердца, – сказал Дахир, снимая с приятеля магические очки и убирая их в футляр.

– Вероятно, другие растения менее богато одарены, чем эти два князя растительного царства? – заметил Супрамати.

– И да и нет! Некоторые растения имеют специальное назначение; но нет ни одной былинки, ни одной травы, которая не обладала бы каким-нибудь зловредным или благотворным качеством. И это вполне естественно, так как растение черпает себе силы из всего, что его окружает; атмосфера, токи звезд, земля с ее минералами, вода с ее солями – все служит для его образования.

Все эти элементы с их неистощимыми богатствами, целебными и разрушительными, находятся в распоряжении *высшего мага* и дают ему почти фантастическое могущество, если еще прибавить аромат, звук и цвет – этих великих двигателей вселенной, которыми он один может и умеет управлять. Мы же можем только научиться пользоваться лишь первичными силами, изучая скрытые основы могущественного зла, скрывающегося в окружающем нас хаосе.

Итак, нам необходимо научиться делать зло, но мы не смеем никогда пользоваться этим могуществом, а должны изучить разрушительные силы, подчинить их себе и пользоваться нашим знанием для их укрощения.

– Если я тебя хорошо понял, то мы находимся в положении всякого «честного» человека, который знает, что можно воровать для приобретения, но смотрит на воровство, как на позорное преступление; или который понимает, что можно убить для удовлетворения жажды мести, но ни за что на свете не замазает своих рук убийством.

– Ты очень точно сформулировал мою мысль, дорогой Супрамати! Знакомство с *окультным злом* дается не для злодеяния, что было бы недостойно разума, стремящегося к свету. Обладать могуществом делать зло и никогда не причинять его, это отличительное достоинство *высшего* посвящения.

– Почему допущены сношения земного мира с ужасным миром низших духов? – заметил Супрамати. – Если бы только высшие и добрые духи общались с людьми и наставляли их, сколько бы зла было избегнуто!

Дахир покачал головой.

– Твой вопрос доказывает полное незнание с загробным миром. Невозможно воздвигнуть стену между двумя мирами, так тесно связанными между собой.

Существа, освободившиеся от тела и перешедшие в иной мир, остаются привязанными к земле бесчисленным множеством фибров любви, ненависти и привычек, которые влекут их к тому месту, где они жили. Смерть не может разбить этих уз, так как всякая вещь, всякая мысль, всякое чувство, – доброе или дурное, – выделяет астральное вещество, создающее прочную связь. Так называемые «мертвые», это – невидимые, но не отсутствующие существа; и для спиритуализованного взора те, кого считают навсегда исчезнувшими в неведомой бездне, находятся среди нас.

Когда ты посетишь окружающий нас со всех сторон невидимый мир, уголок которого видел Данте, и который вполне заслуживает название *ада*, тогда только ты будешь в состоянии составить себе понятие о царящей там жизни, о происходящих там битвах и о бушующих бурях, шум которых наше грубое ухо не воспринимает. Не слыша и не видя ничего вокруг себя, кроме ясной и спокойной атмосферы, будто бы населенной самое большее бактериями и атомами пыли, человек наивно воображает, что он *один* живет и царит

в необъятном пустом пространстве, образующем, по его понятиям, вселенную.

– Нара мне уже показывала множество существ, толпящихся вокруг нас. Признаюсь, я содрогнулся при виде этого странного мира с его поразительными тайнами, – ответил Супрамати.

– Да, первая сфера, окружающая нашу планету, – место далеко не приятное; а ты еще видел только ее поверхность. Я рассчитываю скоро познакомить тебя с некоторыми главарями адских корпораций – «демонами», по мнению людей. В этом мире я могу составить тебе протекцию. В высшие же сферы тебя введет когда-нибудь Эбрамар, или кто-нибудь другой из посвященных того же ранга.

– О! Когда же ты представишь меня господам демонам?

– Очень скоро, так как я вижу, что тебя уже утомило заучивание наизусть каббалистических слов и символических знаков, в которых ты ничего не понимаешь, – со смехом ответил Дахир.

– Да, это правда! Признаюсь, меня страшно раздражает затверживание, подобно попугаю, бессмысленных слов, – согласился Супрамати. Затем он прибавил с легким колебанием:

– Скажи, очень страшны на вид эти адские существа? Дахир покачал головой.

– Первое впечатление, которое выносишь из посещения этой адской сферы, – ужасно! Я знал человека, который без достаточной подготовки проник в этот мир и умер через двадцать четыре часа, а волосы его в несколько часов побелели, как снег. Тебе же нечего бояться чего-либо подобного. Ты – бессмертен, и твои темные кудри не рискуют потерять своего прекрасного цвета.

Это хорошо, иначе мне пришлось бы остаться седым на всю планетную жизнь, – со смехом сказал Супрамати.

– О, нет! Есть средство вернуть даже у простых смертных волосам их прежний цвет, а организму силу молодости.

– А тебе известны подобные средства, Дахир?

– Я имею некоторые указания; настоящий же рецепт этих поистине чудесных средств, которыми обладают высшие посвященные, мне еще неизвестен.

По этому поводу я расскажу тебе один довольно комичный случай, свидетелем которого я был, и который иллюстрирует мои слова.

Однажды я провел несколько месяцев у Эбрамара. Ежедневно мы совершали прогулки в окрестностях, во время которых он поучал меня своим всегда интересным разговором.

Во время одной из таких экскурсий, мы зашли дальше обыкновенного и у меня явилось желание отдохнуть и выпить чего-нибудь.

Эбрамар, который, как тебе известно, читает мысли, тотчас же сказал:

– Здесь, недалеко живут бедные люди. У них мы и отдохнем. И действительно, через несколько минут ходьбы мы увидели тонувшие в зелени хижинки.

Мы вошли в первую попавшуюся лачугу, принадлежавшую очень старой женщине. Женщина эта поспешно подала нам хлеб и молоко. Уходя, я дал ей золотую монету.

Пока она рассыпалась в благодарностях, Эбрамар с улыбкой наблюдал за ней.

– Я тоже, бабушка, не хочу остаться неблагодарным за твое гостеприимство. Проси у меня чего-нибудь: я маг и могу исполнить твое желание.

Старуха с любопытством и недоверием посмотрела на него, а затем боязливо и лукаво сказала:

– Мой добрый господин! Если ты действительно *маг*, то сделай, чтобы у меня выросли зубы. Если бы ты знал, как трудно есть черствый хлеб, имея всего только один зуб.

– Только-то? С удовольствием! – ответил Эбрамар. С этими словами, он вынул из кармана мешок, который ты знаешь и который он всегда носит с собой, достал оттуда пузырек, и влил несколько капель в глиняный горшок с водой.

Вода приняла меловой оттенок.

– Храни этот горшок в темном и холодном месте, – сказал Эбрамар. – В течение девяти

дней полощи рот этой водой по три раза в день: утром, в полдень и вечером. Через шесть недель, несмотря на твои года, ты будешь в состоянии грызть орехи и есть корки.

Я был очень заинтересован и решил сходить через шесть недель узнать о действии лекарства. Но в то время у меня было так много занятий, что прошло несколько месяцев, прежде чем я мог совершить предположенную экскурсию.

Старуху я застал сидящей перед хижинкой. Она, казалось, помолодела и с аппетитом ела большой кусок хлеба, как показалось мне, не первой свежести.

– Ну что? Как зубы? – спросил я. Она быстро вскочила, простерлась и радостно вскричала:

– Да будет благословен Брама и его посол – божественный *маг*! Благодаря его лекарству у меня такие зубы, что им могут позавидовать мои внуки.

Старуха открыла рот и показала мне два ряда белых, как жемчуг, зубов, которые составляли странный контраст с ее старым, морщинистым лицом.

– Я так экономно полоскала, что смогла уделить часть этой чудесной воды моей старой сестре. У нее теперь тоже прелестные новые зубы, – прибавила она.

Вернувшись домой, я рассказал про этот случай Эбрамару и просил его дать мне рецепт или, по крайней мере, флакон этого чудесного вещества. Эбрамар посмеялся над моим экстазом, но отказал.

– Не думаешь ли ты составить себе в Европе состояние, надевая зубами негодных кутил или беззубых кокоток, так как ты не рискуешь потерять зубы? – лукаво заметил он.

На этом дело и кончилось. Но я знаю, что он обладает положительно необыкновенными средствами, которые привели бы в недоумение врачей.

Так, во время наших прогулок, я видел, как он излечил с поразительной быстротой и без всякой операции нескольких слепых, из которых двое страдали катарактой. Что же касается исцеления паралитиков, то это для него детская игра.

– Как же он излечивает катаракту? – спросил Супраматти, побледнев от волнения.

– Он смачивает глазное яблоко прозрачной, с зеленоватым оттенком жидкостью. Затем он завязывает глаза платком и кладет больного на землю в такое место, куда не достигают солнечные лучи. Через известный промежуток времени, между четвертью часа и полутора часами, смотря по важности случая, больной встает зрячим и совершенно здоровым.

Несколько дней были посвящены отдыху в обществе Нары, а затем Дахир и Супраматти снова переселились в лабораторию, чтобы подготовиться к предположенному свиданию с сановниками загробного мира.

Они выдерживали особый режим в пище, который не особенно понравился Супраматти, так как все подаваемые блюда имели острый и пряный вкус. Кроме того, все время он должен был оставаться в темноте, а масло единственной освещавшей комнату лампы издавало сильный и раздражающий запах. Наконец Дахир предписал очень теплые ванны, в воду которых он клал ароматические травы, что всегда вызывало у Супраматти удушье.

Если бы он не интересовался так свиданием с существами «иного» мира, он стосковался бы; но разговоры с товарищем поддерживали его и еще больше возбуждали интерес, так что он уже с лихорадочным нетерпением ждал, когда окончатся девять суток, назначенные для приготовления.

Наконец настал назначенный день. Незадолго до полуночи оба они надели черное трико и чепчики вроде средневекового капора, такого же цвета, плотно облегавшие лицо и совершенно скрывавшие волосы. Затем Дахир повесил себе на шею магический жезл, и оба они прошли в лабораторию.

Здесь они зажгли четыре свечи и треножники с ароматическими травами, которые с треском горели, распространяя острый и густой дым. Затем Дахир с товарищем вошли в середину магического круга, вне которого стояли два кресла.

Подняв обе руки, Дахир произнес размеренным тоном формулы заклинаний, уже известных Супраматти, и почти тотчас же на конце жезла вспыхнуло кроваво-красное пламя. Тогда, пользуясь магическим жезлом, как пером, Дахир начертал в воздухе

каббалистический знак, линии которого, фосфоресцируя, вибрируя и потрескивая подобно фейерверку реяли в воздухе.

Через минуту в воздухе образовалось облако, быстро сгустившееся в спираль черного дыма, который раздался, открыв исполинскую фигуру человека; плотно облегающая волосатая одежда вырисовывала его могучие формы и широкую грудь.

Кроваво-красные крылья высились у него за спиной, а с плеч ниспадал воздушный сероватый плащ, который широко расстилался позади и терялся в сумраке. Этот плащ соткан был точно из бесчисленного множества человеческих лиц, неясные контуры которых сливались воедино, и только фосфоресцирующие глаза их, как бриллианты, горели в облачной массе.

Правильные черты длинного худощавого лица дышали хитростью и могучей силой; глаза сияли жгучим огнем, а два широких фосфоресцировавших луча, исходившие из его чела, имели вид согнутых рогов.

– Привет тебе, Сармиэль! – сказал Дахир, кланяясь странной личности, имевшей вид вполне живого человека.

Затем, повернувшись к Супрамати, который молча и с ужасом смотрел на этого гостя, он прибавил:

– Дай руку, брат, твоему новому союзнику, повелителю духов, блуждающих в первой сфере нашей планеты. Ему подчинены миллионы злых, невидимых, недовольных, строптивых и вредных существ, отброшенных в пространство после жизни, полной излишеств и преступлений. Он послужит и поможет тебе, когда понадобится.

подавив внутреннюю дрожь, вызванную видом этого необыкновенного существа, Супрамати подал ему свою руку.

В ту минуту, когда их пальцы соединились над магическим кругом, из жезла Дахира брызнуло пламя, которое подобно огненной стреле пронизало их руки, запечатлев таким образом заключенный союз.

Загадочная усмешка скользнула по бронзовому лицу страшного демона, а его огненный взор на минуту точно впился в бледное, но решительное лицо Супрамати.

– Не бойся меня! – сказал он грудным, звучным голосом. – Когда ты познакомишься с моими подданными, ты убедишься, что в их мрачных душах звучит столько же добра, сколько и зла. Нам не созидают часовен, в нашу честь не курится ладан, нам не поют благодарственные гимны; а между тем не одно преступление, не один пожар и не одно несчастье остановлено нашими руками. Мы только «демоны», и никто не знает тяжелой работы этих демонов на благо наших братьев по человечеству. Впрочем, так всегда и бывает! Благодарность принадлежит *патентованным*, канонизированным благодетелям; палачей проклинаят, а судей прославляют.

Невыразимая насмешка звучала в словах великана. Отказавшись резким жестом сесть в кресло и продолжать разговор, дух сделал шаг назад. По зале со свистом пронесся холодный порыв ветра, и видение исчезло в столбе черного дыма.

Когда рассеялся последний клочок черного пара, Дахир произнес новое заклинание и начертал в воздухе новый каббалистический знак. Минуту спустя у магического круга появился новый призрак.

Он не был исполином, подобно своему предшественнику. Это был высокий и стройный молодой человек; красная, плотно облегающая одежда вырисовывала его чудные формы. Бледное и прозрачное лицо его отличалось выдающейся, но зловещей красотой. В больших темных и непроницаемых глазах его светилось выражение непобедимой энергии, смешанной с холодной жестокостью. Улыбка, игравшая на его пурпурных губах и открывавшая белые, как жемчуг зубы, таила в себе что-то действительно дьявольское.

Плотно облегающий чепчик покрывал его голову, и надо лбом, между двумя огнями в форме рогов, высился блестящий крест. На шее у него была надета разноцветная цепь, с которой свешивалась на грудь большая золотая звезда. На руке у него висела свернутая вроде лассо веревка с огненной стрелой на конце. За ним был обширный ореол, точно зарево

пожара. Там, окутанные дымчатым паром, стояли два существа в черном трико с красными поясами, длинным мерцавшим пламенем за спиной и маленькими крестами на лбу.

Вновь явившийся протянул свою тонкую и белую классически прекрасную с тонкими пальцами руку, а Супраматти почти машинально подал свою – и молния тотчас же запечатлела их союз.

На этот раз Дахир поклонился с видимым почтением и сказал:

– Тот, с кем ты сейчас заключил союз, мой брат, есть царь ларвов. Имени его тебе не нужно, потому что достаточно священных знаков и формул, чтобы ты мог призвать себе на помощь в нужную минуту его, его помощников или одного из его подчиненных. Ты еще не имеешь истинного понятия о том, что такое *ларвы*, эти отвратительные и вредные твари, населяющие невидимый мир и стерегущие живых, чтобы губить их. Для укрощения их необходим такой могущественный владыка, как твой новый союзник.

Более общительный, чем его предшественник, повелитель ларвов сел в кресло и слушал, играя кольцом, украшенным красным, точно капля крови, камнем.

При последних словах Дахира полунасмешливое, полуусталое выражение скользнуло по красивому лицу духа.

– Твои слова – это еще мертвая буква для твоего ученика, Дахир, – сказал он с легкой усмешкой. – В нем еще слишком живы «ветхий человек» и современный психиатр, чтобы он мог сразу войти в наш мир, так категорически отрицаемый «непогрешимой» наукой, допускающей только то, что можно осязать, взвесить и рассечь скальпелем.

– Ты прав! Брат Супраматти еще слеп во многом, но у него есть охота и рвение, – ответил Дахир. – Чтобы верить и понимать – надо видеть. Я рассчитываю скоро побывать с ним в ваших владениях и надеюсь, что ты сможешь показать ему зловредную деятельность ларвов, а также как ты их умиряешь.

– Приходите, и я с удовольствием покажу вам свое царство, – ответил с улыбкой странный посетитель. – Вы прекрасно выбрали время для посещения. Земля в изобилии отправляет нам чудные экземпляры этих «очаровательных» существ, а воплощенные употребляют всевозможные усилия, чтобы угодить их вкусам. У нас дел – по горло, так как ты сам знаешь, что нет ничего трудней, как оторвать людей от хорошо сервированного стола. До свидания.

Он встал, сделал прощальный жест и, казалось, потонул в красном сумраке, который затем быстро рассеялся.

Я показал тебе двух страшных блюстителей, *повелителей армии зла*, – сказал Дахир, улыбаясь при виде недоумевающего и взволнованного вида Супраматти. – Теперь мы вызовем еще некоторых глав рабочих корпораций и низших духов, как-то животных и прочих тварей.

Перед удивленным, но уже более смелым взором Супраматти продефилировал целый ряд существ, одни страннее других, по своему виду и цвету. Его глазам открылся совершенно незнакомый и поразительный мир.

Он чувствовал, что должен был, вероятно, чувствовать первый ученый, открывший при помощи микроскопа новый мир, недоступный простому глазу.

Наконец разнообразие и множество знаков и формул, которые Дахир произносил со смелой уверенностью (все посетители его знали, и он знал всех), утомили Супраматти; несмотря на лихо-

радный интерес, с которым он слушал и смотрел, он почувствовал что-то вроде слабости.

Заметив это, Дахир объявил, что на сегодня довольно, и когда оба они вернулись в свою комнату, он дал Супраматти выпить кубок вина, а затем приказал ему взять ванну.

– Теперь, прежде чем приступить к чему-либо другому, я даю тебе отпуск для отдыха. Пойдем! Нара ждет нас ужинать. Ты вполне заслужил удовольствие увидеться с ней, – со смехом сказал он.

Супраматти, как во сне, последовал за Дахиром. У него кружилась голова от всех

вынесенных впечатлений. Грезил он или все им виденное действительно существовало? Он боязливо сжал руками свой лоб, покрытый холодным потом, и в голове шевельнулась мысль: не сошел ли он с ума, не находится ли уже в доме сумасшедших и не создание ли его больного мозга вся эта странная эпопея с эликсиром жизни и всеми последствиями его встречи с Нарайяной.

Громкий смех Дахира вывел его из задумчивости.

– Не бойся! Ты – не сумасшедший. Все, включая и твою очаровательную жену, есть реальная действительность.

Минуту спустя оба они входили в столовую, где их уже ждала Нара.

Хозяйка была весела и, как всегда, очаровательна. Она поцеловала мужа, но когда он хотел начать рассказывать ей обо всем, что видел и слышал со времени их разлуки, Нара со смехом перебила его:

– Пойдем ужинать! Свои впечатления ты расскажешь мне после. Дахир так скудно кормил тебя, что ты, наверное, очень голоден.

– Действительно, наше меню оставляло желать многого, – весело ответил Супраматти.

После ужина, показавшегося Супраматти восхитительным, все перешли в гостиную. Когда они удобно усадились перед камином, Нара спросила:

– Ну что? Видел ты *Его Ларвское Величество*? Как он красив, не правда ли? Он был бы вполне обольстительным, если бы только на нем не лежала такая противная обязанность.

– Не хочешь ли ты заставить меня ревновать, так открыто восхищаясь красотой царя ларвов? – с улыбкой заметил Супраматти, целуя руку жены.

Затем, минуту спустя, он прибавил:

– Мне очень хотелось бы составить себе более ясное понятие о ларвах. Все, что я до сих пор знаю о них, очень недостаточно.

Нара сделалась серьезна.

– Ларва, мой друг, – это Нарайяна; это – существо, которое, подобно гиене, подкрадывается к человеку, чтобы питаться его жизненным соком, внушать ему свои собственные неутоленные страсти и увлечь его в бездну нравственной нищеты и физических страданий. Тот, кого ты видел – великий *благодетель* человечества. Имя его неизвестно на земле, никто не знает, сколько жертв избегло гибели благодаря энергии этого духа – неутомимого труженика, который поддерживает, спасает и освобождает несчастных.

Его надо видеть в деле. Смелый и хладнокровный, он побеждает и покоряет самых подлых, опасных, зловредных и отвратительных существ, которые блуждают в насыщенной разложением земной атмосфере. Труд противный, представь, что тебе пришлось бы бороться грудь в грудь с прокаженным, и это искупление, которое он наложил на себя, иногда кажется ему превышающим его силы, но его поддерживает железная энергия.

– Да, энергией и, кроме того, жестокостью веет от него, – заметил Супраматти.

– В той среде, где он действует, нужно и то, и другое. Ты не можешь себе представить, что происходит в первом атмосферном слое, окружающем наш земной шар.

– Разве это хуже того, что ты показывала мне в Венеции?

– О, да, и к тому же еще в другом роде! – со смехом ответила Нара.

– Нара! Нужно действительно иметь очень крепкую голову, чтобы не сойти с ума от подобных приключений. Когда я думаю обо всем, что видел в последнее время, мне кажется, что все это было во *сне*.

Нара, улыбаясь, протянула ему руку и, усадив его рядом с собой на диван, дружески сказала:

– Не есть ли вся наша жизнь, мой возлюбленный, один непрерывный сон? Даже события нашей *вековой* жизни проходят мимо, подобно меняющимся картинам театральных декораций; едва показавшись, они снова исчезают.

Супраматти, волнуясь, рассказал все, что увидел и почувствовал.

– Чем больше я узнаю тайн, управляющих человеческой жизнью, чем больше я знакоюсь со страшными законами бесконечности, тем более пристрашаюсь к изучению

их, – закончил Супрамати.

– И ты хорошо поступаешь! Знание – это якорь спасения нашей долгой жизни. Одно оно может примирить их с нравственными страданиями бесконечного существования, которое отказывает нам даже в необходимом могильном отдыхе. Для нас работа – это поддержка, забвение, прогресс, если мы не хотим пасть, как пал Нарайяна, – задумчиво заметила Нара.

С этого дня Супрамати со все возрастающим жаром снова принялся за работу. Его занятия до такой степени поглотили его, что он забыл обо всем остальном. Его интерес к внешней жизни окончательно угас, и он жил исключительно в причудливом мире оккультного знания, открывавшего ему все новые горизонты. Теперь Дахир должен был даже останавливать его, чтобы он время от времени давал себе несколько дней отдыха.

В старом замке дней не считали. Там ничто не изменилось, и по-прежнему царила спокойная роскошь, тишина и уединение. Несколько старых слуг исчезли и были заменены другими, тоже старыми, молчаливыми и скромными. Супрамати едва замечал эти перемены, так как управление домом всецело лежало на Наре. Он же был погружен в изучение магических формул, которые скоро не имели от него тайн. Он мог уже приступить к вызываниям и проникать в области черной магии с ее страшными наставлениями и ужасным могуществом делать зло.

Супрамати не пренебрегал также и медициной. Только он изучал теперь совершенно новый метод лечения и употребления новых средств. Магнетизм, ясновидение и гомеопатия играли при этом выдающуюся роль. Но с особенным старанием он предавался упражнению воли. Дисциплинированная мысль его вызывала в магическом Зеркале все более совершенные и более сложные образы. Его могучая и гибкая воля никогда не изменяла ему и повелевала низшими духами и разрушительными силами.

В неподвижной среде, в которой жил Супрамати, изменился только он один и только он один не замечал, что от прежнего доктора Ральфа Моргана не осталось почти ничего. Скептическая улыбка совершенно исчезла с губ ученого мага; мир с его пошлыми радостями, шумными развлечениями и мелочными интересами, казалось, более не существовал для него, а в его больших темных глазах горел тот странный огонь, который некогда поразил его во взгляде прочих членов бессмертного братства.

Однажды вечером Супрамати удачно довел до конца одну магическую, очень сложную операцию, которая требовала столько же знания, сколько и энергии. Дахир радостно пожал ему руку и сказал:

– Мой труд закончен! Ты, брат, приобрел *первое посвящение*. Мы исследовали зло, изыскали его корни и изучили противоядия. Теперь ты находишься на пороге белой магии. После необходимого отдыха, мы можем вернуться к Эбрамару и уже под его руководством приступить к изучению *науки света*.

На следующий день, когда после обеда все общество перешло в небольшую гостиную, Супрамати стал говорить об их отъезде в Индию, но Нара перебила его:

– погоди, – со смехом сказала она. – Прежде чем хоронить себя в Гималаях, нам необходимо отдохнуть, вернуться в свет и совершить несколько небольших путешествий.

– Какая нужда терять даром время на то, чтобы сходиться с глупой толпой и бесцельно путешествовать! – заметил Супрамати, пожимая плечами.

– Ты глубоко ошибаешься, мой друг, и забываешь, что для того, чтобы наше знание сделалось *живым*, мы должны применять его к тем самым людям, которых ты называешь «глупой толпой». Прежде чем приняться за новое изучение, мы должны снова погрузиться в свет, чтобы убедиться, что страсти и вихрь удовольствий не властны над нами и чтобы возобновить связывающие нас с человечеством узы, которые никогда не должны обрываться, если мы не хотим стать смешным живым анахронизмом.

– Боже мой, Нара, как ты все преувеличиваешь! За каких-нибудь три или четыре года, которые мы провели здесь в одиночестве, мы не могли уже так отстать от общества. Но раз и ты, и Дахир считаете это полезным и даже необходимым – давайте путешествовать и вести

светскую жизнь! Слава Богу! У нас нет недостатка во времени. Но куда же мы поедем?

– Прежде всего в Париж, а оттуда в Венецию. Мы можем также сделать небольшую экскурсию в ледники и посетить склад, хранителем которого ты состоишь. Затем мы отправимся в замок братства ко времени, когда все собираются туда, чтобы отдать отчет в наших трудах, и начертать программу на будущее. Бедная Лора будет очень счастлива снова увидеть Дахира, которым завладели на такой долгий срок. Теперь, господа, если вы одобряете мои планы, позвольте мне приготовить все необходимое для нашего отъезда и позаботиться о наших костюмах. Когда все будет готово, я вас уведомя. А пока можете свободно заниматься вашими обычными работами.

Предложение это было со смехом принято. Результатом всего этого было то, что Нара имела конфиденциальный разговор с Тортозом, вследствие которого последний в тот же вечер уехал из замка.

Глава четвертая

Прошло около трех недель со времени только что описанного нами разговора. Однажды утром Нара объявила, что все приготовления закончены, и что на следующий же день они уедут из замка.

Весь остальной день мужчины посвятили приведению в порядок лаборатории и укладке вещей, которые собирались взять с собой. Одним словом, они хотели все устроить на время своего долгого отсутствия.

На следующее утро слуга Супрамати подал своему господину новое платье, значительно разнившееся по своему виду и покрою от тех, какие он обыкновенно носил.

– Это последняя лондонская мода, ваша светлость, – сказал Тортоз, заметив недоверчивый взгляд своего господина. – Посмотрите! Мой костюм имеет такой же покрой.

– Гм! Как я вижу, мода значительно изменилась. Очень любопытно взглянуть на костюм Нары, – проворчал Супрамати, застегивая длинный суконный сюртук цвета летучей мыши.

Затем, схватив остроконечную фетровую шляпу, он почти бегом направился в комнату жены.

Нара стояла перед зеркалом и оправляла шляпу. На ней было надето узкое суконное платье с разрезами по бокам, что позволяло видеть панталоны с буфами, черные чулки, рельефно вырисовывавшие ноги, и маленькие башмачки с высокими каблуками.

– Нара! На кого ты похожа? Твое платье неприлично, а эта шляпа с тремя перьями и громадным бантом просто смешна! – вскричал Супрамати.

– Это – последняя парижская мода! – уверенно ответила молодая женщина.

Затем с насмешливой улыбкой она прибавила:

– Не воображаешь ли, что ты красив в этом халате и остроконечной шляпе? Ты положительно похож на расфрантившегося жида из Галиции. А ты еще не хотел вернуться в свет и посмотреть, что там делается!

– Черт возьми! Я начинаю верить, что мы встретим там не один сюрприз, – со смехом возразил Супрамати.

Позавтракав с Дахиром, одетым в такой же костюм, как и Супрамати, все трое вышли. Во дворе их дожидались фургон, запряженный парой, и изящный экипаж без лошадей, кучер которого сидел сзади на высоком сидении.

Автомобиль быстрее, чем лошади, помчал наших путешественников к небольшой станции железной дороги.

Пустынная местность, окружавшая замок, не изменила своего вида, но деревни, которые они при приезде видели вдаль, необыкновенно разрослись, а высокие дымящиеся трубы указывали, что здесь возникли фабричные центры.

Станция тоже сильно изменилась. Из маленького строения, затерянного в окружавшем его просторе, она превратилась в громадный вокзал, выстроенный исключительно из железа

и стекла, и стояла теперь в центре нарядного городка, большие дома и изящные, окруженные садами коттеджи которого раскинулись далеко вокруг.

Задумчивым и все более и более удивленным взглядом смотрел Супрамати на то, что его окружало, и в нем с каждой минутой крепло подозрение, что он провёл в старом замке гораздо больше времени, чем предполагал.

Первое время своего пребывания в Шотландии Супрамати получал и читал журналы, но затем, увлекаясь все более и более своими занятиями, он стал пренебрегать этим чтением. Политика потеряла для него всякий интерес, светские события, волновавшие общество, с которым у него не было уже ничего общего, сделались для него безразличны и даже противны. Но в настоящую минуту им овладело желание снова ознакомиться с современной жизнью, и как только они вошли в вокзал, он стал искать глазами газетчика.

Газетчика нигде не было. Зато он увидел большой павильон, вращавшийся вокруг своей оси. В каждом отделении, на которые был разделен павильон, находились номера нескольких журналов. Внизу отделений был устроен автоматический аппарат, указывавший цену журнала.

Минуту спустя Супрамати держал в руках номер газеты «Таймс» и жадно искал глазами дату дня.

Вдруг он побледнел и сложил газету. Нервная дрожь пробежала по его телу. Он прочел: 30 сентября 1940 года, а в старый замок он приехал в августе 1900 года. Следовательно, со времени его прибытия в Шотландию прошло сорок лет, а не четыре или пять, как он думал.

Возможно ли это? Не грезит ли он?

Супрамати не имел времени решить этот вопрос, так как в эту минуту без всякого шума к платформе подошел поезд с локомотивом совсем иной конструкции. Так как остановка была очень коротка, Нара, по-видимому, нисколько не взволнованная, взяла мужа под руку и увлекла его к одному из вагонов, куда все трое поспешно вошли.

Пораженный Супрамати бессильно опустил в кресло и на минуту закрыл глаза. У него кружилась голова. Он никак не мог прийти в себя от волнения, перенесенного им, когда узнал, что почти полвека прожил в лаборатории. Снова им овладели сомнения.

Он поспешно вынул из кармана бумажник и стал в нем рыться. Супрамати помнил, что там у него хранились некоторые бумаги, помеченные числом, относившимся ко времени его отъезда в Шотландию. Первый листок, попавший ему в руки, оказался счетом на несколько покупок, сделанных им накануне их отъезда из Венеции. Он сравнил дату счета с датой газеты. Не могло быть ни малейшего сомнения: он незаметно для себя прожил сорок лет в лаборатории, и теперь ему уже семьдесят четыре года. Кто поверит этому? Еще сегодня утром, одеваясь, он любовался в зеркале своим юношеским видом. Впрочем, он знал, что его юность вечна, а в сравнении с годами Нары он был моложе грудного младенца. Однако, несмотря на столько протекших веков, нежная красота его жены не претерпела никакого изменения, и только глаза ее, задумчиво устремленные в пространство, выдавали иногда утомление и разочарование долгой жизнью. Очевидно, работа сокращает время, и Нара была глубоко права, говоря, что для *бессмертных* более, чем для всякого другого человека, труд служит якорем спасения.

В эту минуту Супрамати почувствовал какое-то теплое веяние. Он поднял глаза и встретил любящий взгляд жены, которая улыбалась ему, грустно и лукаво.

Супрамати выпрямился. Он провел рукой по лбу, как бы желая отогнать докучавшие его мысли, и весело сказал:

– Простите меня, друзья, что я, несмотря на все ваши уроки, никак не могу отделаться от прежних глупостей. Такой пустяк, как быстро и незаметно пролетевшие сорок лет, причинил мне головокружение и я с ужасом высчитал, что мне теперь уже семьдесят четыре года. Но вот все уже и прошло. Я снова нахожусь на высоте моего положения и постараюсь как можно скорей ознакомиться с действительностью. На будущее время я всегда буду стараться поддерживать сношения с миром, чтобы не казаться среди людей выходцем с того света.

– Все мы в первый раз пережили такие же сюрпризы и отлично понимаем тебя, – ответил, смеясь, Дахир.

– А теперь читай свою газету, чтобы хоть немного ориентироваться, – прибавила Нара.

Супрамати углубился в чтение, но разобраться было гораздо труднее, чем он предполагал. Очевидно, глубокие перемены произошли в политическом устройстве мира. Имена людей, управлявших судьбами народов, были совершенно незнакомы Супрамати. Но что особенно ясно бросилось в глаза ученому и будущему магу, так это тот неоспоримый факт, что более чем когда-нибудь *случай* царит на земле, что еще беспощаднее *сильный* гнетет и эксплуатирует *слабого*, и что жестокий эгоизм давит общество, уравнивая все положения и выдвигая одно только божество – *золото*.

В Лондоне наши путешественники пробыли всего неделю. Дахир и Супрамати употребили это время на то, чтобы ознакомиться с событиями, совершившимися в течение протекавших сорока лет. Что же касается Нары, то она, казалось, была лучше осведомлена обо всем и занялась разыскиванием некоторых лиц, судьбою которых интересовалась.

Супрамати тоже хотел посетить свою бывшую квартиру, но древнее здание времен Кромвеля исчезло вместе со своим садиком, уступив место колоссальному пятнадцатипятиэтажному дому; а сам квартал, некогда бывший окраиной, очутился в центре громадной части города, разросшегося во все стороны.

Клиника для душевнобольных еще существовала, но была втрое больше, чем прежде, и переполнена больными, ввиду того, что случаи душевных заболеваний возрастали из года в год в пропорциях, внушающих серьезные опасения. Как и следовало ожидать, никто, конечно, не помнил доктора Ральфа Моргана.

Супрамати приобрел различные ученые труды и целую коллекцию всевозможных «Review». Тщательно просмотрев приобретенные книги, он быстро ознакомился с историческими событиями, случившимися со времени его удаления от светской жизни, а также составил себе ясное представление о социальном, коммерческом и религиозном состоянии общества на ту минуту, когда он снова появился в нем.

Все, что он прочел, произвело на него невыразимо тягостное впечатление, так как все ясно говорило о падении нравов человечества, которое, обезумев от пороков и жадности, неудержимо, казалось, стремилось к своей гибели.

Несколько гуманных попыток погасить пламя войны кончились полной неудачей. Два раза мир был залит кровью и усыпан трупами. В одну из этих губительных кампаний побежденная Англия потеряла часть своих колоний, к выгоде Америки, которая, подобно пауку, всюду протягивала нити своей ненасытной алчности.

Торг во всех видах служил центром, вокруг которого вращались всецело интересы человечества. *Золото* – самая ужасная из дьявольских сил – вышло из мрака и открыто, полновластно царило, как единственный кумир вселенной; подрывало троны, расштало церковь, уничтожило нравственность, заменило справедливость грубым насилием богатства. Самые грязные руки, если они были только вооружены золотом, могли безответственно осквернять самые чистые алтари и глумиться над всяким правом и честью.

По мере того как развертывалась эта печальная картина и яснее вырисовывались все ее подробности, все более глубокая грусть овладевала Супрамати.

Накануне отъезда из Лондона, прочтя отчет о нескольких процессах, в которых продажность суда и бесстыдная несправедливость бросались в глаза, Супрамати с отвращением оттолкнул книги и журналы, с ужасом спрашивая себя, к чему все это приведет.

Вдруг ему вспомнилось древнее предсказание, сделанное одним магом, которое он прочел в очень древней магической рукописи. В его памяти почти дословно восстали пророческие слова:

«Из недр земли явится демон, который делается могущественным союзником *зла*. Он будет желт и блестящ, а его вид и аромат будут возбуждать самые низкие страсти.

Неудержимо станет он скользить между рук людей, задерживаясь только у некоторых.

Там, где он остановится, будет изобилие удовольствий, наслаждений и почестей, но там же очерствеют человеческие сердца, а божественный огонь угаснет под тяжелой рукой демона, девиз которого будет: «Наслаждение во что бы то ни стало!»

Затем наступит время, когда, наскучив жить лишь у своих избранных, этот ужасный неуловимый демон появится на общественной арене, ища могущества, почестей и обожания.

Возведенный на трон своими адептами и подданными, он все покорит, все купит и насмеется над общим уничтожением.

В своей бессмертной гордости, не сдерживаемый никакой уздой, бессовестный демон потребует, чтобы добродетели пали ниц перед ним, а великие истины служили бы ему, как рабы. Он будет грозить гневом своим подданным, если они не приведут к нему осмеянную, загрязненную добродетель, некогда столь почитавшуюся.

И воля его исполнится. Правосудие, покрытое грязью, с полным золотой пены ртом, связанное грязными руками, потеряет способность провозглашать истину и беспристрастно судить. *Любовь*, извращенная и продажная, превратится в отвратительный разврат, и ей будут плевать в лицо; *милосердие* сделается просто предлогом для злоупотреблений, условным термином, чтобы выманывать подачки и пособия у глупцов; наконец *вера* - эта божественная утешительница - гонимая и осмеянная, не будет больше озарять лучом надежды истерзанные сердца и лица, искаженные сомнением, возмущением и беспорядочными страстями.

В эту эпоху золотой телец будет царить над миром, а у его ног будет пресмыкаться униженное человечество. Тогда настанет минута, когда истинному Богу, Создателю вселенной, наскучат столькие преступления, и Он восстанет на обманщика, который отверг Его, занял Его место, говорил от Его имени и насмеялся над Его светлыми служителями.

И гнев Божий обрушится на это двуногое стадо, и голос, подобно грому, прогремит в бесконечном пространстве:

– Если золотой демон, безумные, составляет для вас все, то оставайтесь с ним и наслаждайтесь его дарами; все же то, что Я дал вам, – Я же и отниму у вас. И Господь созовет все свои творения, не поклонявшихся демону, и спросит их, хотят ли они остаться на земле или предпочитают следовать за Ним.

Тогда спрошенные существа воскликнут со слезами:

– Уведи нас, Господи! Тебе Единому мы поклоняемся и надеемся только на Твое милосердие. Демон – это наш враг и преследователь. Он всюду хватает нас и губит.

И начнется великое переселение. Птицы, рыбы, домашний скот и дикие звери – все, что населяло воздух, воды, леса и равнины, все, что питало, одевало и развлекало людей, исчезнет с земли. Затем исчезнут цветы, деревья и зеленая трава; за ними последуют источники вод и реки. Все они убегут и найдут приют в лоне Предвечного. А бесплодная земля обратится в пустыню, где будут надменно красоваться великолепные дворцы, полные сокровищ, но не будет насущного хлеба.

Тогда при виде надвигающейся со всех сторон смерти крик ужаса вырвется из груди преступного человечества. Человечество воззовет к демону, но тот останется глух к его жалобам и упрекам, так как он был велик, могуществен и насмешлив только до тех пор, пока эксплуатировал созданную Богом природу, пока пользовался и злоупотреблял Его творениями.

Доведенные до отчаяния люди будут кататься по слиткам золота, но тщетно будут они искать пищи; а бесстрашный и беспощадный демон будет глумиться над их бессилием. Они продавшие и унижавшиеся ради горсти золота, не будут уметь даже молиться. Господь же, видя Свои храмы пустыми, а Свое Имя забытым, не смягчит Своего гнева и предаст неблагодарный род сей жестокой смерти, которую тот сам себе уготовил»...

Супрамата вздохнул. Это предсказание вполне сходилось с пророчеством, сделанным Эбрамаром; а все, что он читал и изучал, ясно доказывало ему, что люди быстро стремятся к предсказанной гибели. И ему суждено было быть очевидцем этой ужасной катастрофы, этой страшной агонии целого мира!

– О предатель Нарайяна! И зачем только выпил я соблазнительный кубок жизни? – пробормотал Супраматти.

На следующий день вечером наши путешественники прибыли в Париж, и ожидавший экипаж быстро доставил их во дворец Супраматти.

Электричество заливало улицы почти дневным светом.

Над улицами, по воздушным рельсам, бегали небольшие поезда, переполненные публикой, и всюду высились пятнадцати- и двадцатипятиэтажные дома. Очевидно, лихорадочная деятельность большого города еще больше возросла.

Супраматти и Дахир решили на следующий же день сделать прогулку по городу, чтобы основательно изучить новую физиономию Парижа. В Лондоне они мало выходили из дома, занимаясь главным образом чтением, предназначавшимся для ориентировки в новом мире, в который они вступали.

Дворец Супраматти несколько не изменился, из-за его стен по-прежнему виднелась пожелтевшая зелень вековых деревьев. Старое здание имело теперь странный, древний вид и выглядело каким-то анахронизмом среди колоссальных сооружений, давивших его со всех сторон.

Многочисленная прислуга собралась для встречи господ, но это были все новые лица. Все эти слуги, очевидно, имели большие претензии на изящные манеры. Кроме того, начиная с лакея, с достоинством кланявшегося, и кончая одетой в шелковое платье, с часами и кольцами на руках, камеристкой, которая приветствовала Нару придворным реверансом, все слуги, казалось, соблюдали между собой строгую иерархию.

Приказав, чтобы ужин был подан как можно скорей, Супраматти прошел в свою комнату переодеться; но скоро он опять вышел в столовую, где не без удивления увидел какого-то господина, который, очевидно, был дворецким, но имел вид чиновника министерства. Господин этот распоряжался дюжиной молодых людей, которые распаковывали корзины и передавали слугам готовые блюда изысканного ужина.

– Отчего приносят кушанья в корзинах? Разве повар не был предупрежден вовремя о нашем приезде? – спросил Супраматти.

Господин с легким удивлением посмотрел на него, потом ответил с низким поклоном:

– Разве ваша светлость не знает, что даже такие богатые лица, как вы, не могут более держать поваров? Этой категории домашней прислуги уже не существует больше. Есть профессора гастрономии, управляющие пищевыми фабриками, которые и снабжают все население кушаньями.

– Правда! Прожив долго в Индии, где все так консервативно, я еще не успел познакомиться с новыми обычаями Парижа. Много ли таких фабрик? Каким образом они удовлетворяют публику? – с улыбкой спросил Супраматти.

– Фабрики эти, ваша светлость, бывают трех родов: для кухни аристократической, буржуазной и народной. Профессора гастрономии, управляющие заведениями первой категории, получают сто тысяч франков, второй – шестьдесят, а третьей – сорок, но и их помощники также хорошо оплачены. Меню завтраков, обедов и ужинов печатаются каждое утро, а указанные блюда прямо доставляются абонентам при помощи пневматических проводов. По причине отсутствия вашей светлости дворец ваш еще не снабжен такими проводами. Поэтому я приказал доставить ужин носильщикам. Мой контракт обязывает меня наблюдать за всем, что относится к сервировке и столу вашей светлости. Остальное меня не касается.

– Все это прекрасно! Но отчего я вижу здесь столько лакеев? Мне кажется, их слишком много для того, чтобы служить нам троим.

– Это кажется только с первого взгляда. Каждый из этих лакеев – специалист, окончивший курс по своей специальности. Один, например, занимается только напитками и должен знать, какое вино соответствует какому блюду. Кроме того, принято, чтобы в высокопоставленных домах всегда были две смены прислуги, ввиду того, что приемы, многочисленность гостей и необходимость вставать рано, а ложиться поздно, делают службу

крайне утомительной, и очень трудно найти людей, которые согласились бы принять на себя такой тяжелый труд. Ваша светлость, надеюсь, ничего не имеет против того, что я прибегнул к обычному способу?

– Напротив, я желаю, чтобы все делалось сообразно принятому обычаю.

В эту минуту в столовую вошел Дахир, а за ним Нара, и все трое сели за стол.

Ужин был великолепно приготовлен, но состоял почти исключительно из мясных блюд, так что наши путешественники, отвыкнув от животной пищи, не решались их есть.

– На будущее время позаботьтесь, Гроспэн, чтобы нам подавали вегетарианские блюда. Надеюсь, что их можно получить на пищевой фабрике? – сказал Супрамати, обращаясь к дворецкому, который с важным видом руководил прислугой.

– Без сомнения, ваша светлость! С завтрашнего же дня ваше приказание будет исполнено. Это тем легче сделать, что большая часть населения вегетарианцы, так как количество скота и дичи уменьшается с ужасающей быстротой.

– Почему? Разве больше не занимаются скотоводством и птицеводством?

– Причины пока не выяснены, но факт несомненен; дичь уменьшается и сделалась необыкновенно редка, а некоторые виды рыб совершенно исчезли.

Супрамати обменялся многозначительными взглядами с Дахиром и женой. Симптомы *гнева Божьего* стали, значит, уже проявляться...

Супрамати с женой очень поздно легли спать. Вид комнат, которые он занимал, когда начинал новую жизнь «бессмертного», и многочисленные вещи, напоминавшие различные случаи во время его пребывания здесь, вызвали веселый и оживленный разговор. Нара не без лукавства спросила Супрамати, не думает ли он разыскать свою бывшую пассию – Пьеретту, – и даже предложила ему воспользоваться магическим зеркалом, чтобы он мог легче найти ее соперницу.

– Злая! В настоящее время соперница не может быть опасна. Что же касается магического зеркала, то я не хочу им пользоваться в своих поисках. Забудем на время и наши занятия, и магию, а будем прибегать только к обыкновенным человеческим средствам. Завтра же наведу справки о бедном виконте де Лормейль, который за это время должен был наделать много долгов, о Пьеретте, о Лилиане и о доброй Розали. Сопроводить себя я прикажу моему секретарю, который явится завтра.

– Он будет, вероятно, иметь вид, по крайней мере министра, – со смехом заметила Нара.

На следующее утро явился секретарь, скромный и симпатичный молодой человек, очень понравившийся Супрамати, и тот взял его с собой на экскурсию. Кроме того, ему нужно было побывать в различных банках, чтобы свести счета и взять необходимую сумму.

На этот раз они ехали на лошадах. От своего управляющего Супрамати узнал, что он владеет превосходной конюшней, но что этот способ передвижения является теперь только прихотью знатных господ.

По мере того, как они проезжали по хорошо знакомым ему улицам, Супрамати все больше убеждался, какой громадный шаг вперед сделали роскошь и комфорт. Всюду действовали электричество и пар, а машины сделали почти ненужным труд человека. А между тем люди не казались счастливее; бледные и истощенные лица, истрепанные одежды и все признаки нищеты встречались на каждом шагу.

– Великий Боже! Сколько бедноты! Неужели не стараются помочь беде, или общественная благотворительность не в силах облегчить участь несчастных? – спросил Супрамати.

– Общественная благотворительность, ваша светлость, совершенно не в силах бороться с ужасающей нищетой, а социальный вопрос обострился больше чем когда-нибудь, – ответил секретарь. – Капиталы финансистов и промышленников достигли колоссальных размеров. Жизнь страшно вздорожала, а предметы самой первой необходимости достигли неслыханных цен. Люди среднего состояния уже не могут жить, как прежде, и поэтому борьба за существование сделалась беспощадной. Один Господь знает, что готовит нам

будущее!

В эту минуту они проезжали мимо собора Богоматери. Древний собор имел заброшенный вид, и двери его были заперты.

– Отчего собор заперт? – спросил Супраматти.

– Собор всегда заперт во избежание кощунства или святотатства. Кроме того, Божественная служба совершается только по воскресеньям и большим годовым праздникам; но притом совершается, как говорится, за семью замками.

– Но по каким же причинам делается все это?

– По многим, ваша светлость! Во-первых, публичное отправление христианского культа воспрещено. Приход, не получающий более от государства содержания, сделался малочисленнее; число верных тоже уменьшается из года в год.

– Всех обуяло «свободомыслие»? – спросил усмехаясь Супраматти.

– Не совсем. У нас бесчисленное количество сект. Буддисты очень многочисленны и имеют много храмов. Что же касается синагог, то в одном Париже их насчитывается около двухсот. Очевидно, восточные народы крепче держатся своих религий, чем мы, – с горечью закончил секретарь.

– Ваши слова заставляют меня предполагать, что вы принадлежите к числу ревностных христиан.

– Да, ваша светлость! Я принадлежу к древней семье, которая остается твердой в вере своих отцов и прежних основах вероучения. Такие семейства еще встречаются, но их очень мало.

Только на следующий день Супраматти стал разыскивать своих прежних знакомых.

Прежде всего, он навел справки о Розали Беркэн. Она умерла лет пятнадцать тому назад, но ее помнили в квартале и, очевидно, жалели эту скромную благодетельницу бедных.

Ни о Пьеретте, ни о Лормейле Супраматти ничего не мог узнать. Отель виконта уже лет двадцать как был продан за долги и с тех пор он сам исчез.

Все попытки найти кого-нибудь из прежних знакомых были также бесплодны. Супраматти уже отчаялся найти какую-нибудь живую нить, которая связывала бы его с прошлым, как вдруг узнал в артистическом клубе, что бывший тенор Пэнсон был еще жив и получает пенсию от общества драматических и оперных артистов.

Супраматти взял адрес и тотчас же отправился в отдаленное предместье, где жил Пэнсон.

Ехать Супраматти пришлось далеко. Местожителство бывшего тенора находилось в предместье Парижа. Здесь встречались еще маленькие домики, окруженные садами, что придавало этой окраине деревенский и патриархальный вид.

Здесь жил скромный и работающий люд: небогатые или отставные служащие, гувернантки, приказчики и конторщики. Каждое утро целый рой велосипедов уносил весь этот народ в большой город, на их дневные занятия.

Домик, где жил Пэнсон, стоял уединенно, а сад при нем был окружен высокой стеной. Дверь Супраматти открыла молодая девушка. Сначала она объявила, что ее дедушки нет дома, но, окинув взглядом изящного посетителя и его великолепный экипаж, она пригласила Супраматти войти, прося подождать, пока она предупредит дедушку.

– Я попросил бы вас, сударыня, указать мне только, где находится господин Пэнсон. Я его старый знакомый и хотел бы сделать ему сюрприз.

Девушка провела его в сад, большая часть которого была занята огородом. Указав ему мужчину, одетого в нанковый жакет, с большой соломенной шляпой на голове, она сказала:

– Вот дедушка!

Затем она скромно удалилась.

Подойдя ближе, Супраматти увидел, что прежний певец был занят срезыванием артишоков. Большая корзина, стоявшая около него, была уже наполнена огурцами, кочанами капусты и другими овощами.

Несмотря на свои восемьдесят лет, это был еще очень бодрый и сильный старик.

При виде посетителя он пошел ему навстречу, и вдруг попятился, глухо вскрикнув. Садовый нож выпал у него из рук.

– Что же, Пэнсон? Я испугал вас, или вы меня не узнали? – спросил Супрамати, улыбаясь и протягивая ему руку.

– Клянусь Бахусом! Я думаю, что узнал вас. Таких людей, как вы, не забывают! Если же вы меня и испугали, то в этом нет ничего удивительного. Вот уже – да простит меня Господь, – прошло сорок лет, как мы не видались: следовательно, по законам природы, вам должно было бы быть лет семьдесят, а я знаю, как тяжело ложатся на плечи такие года. Вы же остались таким, каким и были – красивым тридцатилетним молодым человеком. После этого, если вы и не сам дьявол, то, во всяком случае, должны были получить от него средство, чтобы не стареть.

– О! В моей наружности дьявол ни при чем. Только мы, индусы, стареем не так быстро, – со смехом ответил Супрамати.

Видимо, польщенный этим посещением, артист отвел своего гостя на небольшую, прилегающую к дому террасу, и до тех пор не успокоился, пока не угостил его стаканом вина и сигарой.

Говорили о прошлом и настоящем. Супрамати стал расспрашивать о различных лицах, знакомых им обоим. Большая часть из них уже померла, когда же речь зашла о виконте, лицо старика омрачилось.

– О, да! Я знаю, что с ним случилось. На свое несчастье он еще жив, но не думаю, чтобы долго протянул. Ваш приезд для него – истинное благодеяние; я знаю вашу щедрость. Раз вы его разыскиваете, то, конечно, облегчите его последние дни.

– Таково, действительно, мое намерение. Но по какому стечению обстоятельств он впал в нищету? Где живет он?

– Здесь недалеко, во флигеле одного домика, где одна благодетельница-вдова дает убежище беднякам той же категории, т. е. я хочу сказать – разорившимся светским людям. Вы, вероятно, помните, что Лормейль любил хорошо пожить и притом еще был игрок. Перед своим отъездом вы щедро наградили его; но в течение нескольких лет он снова все спустил, а кредиторы продали его имущество, и он остался, таким образом, на улице.

Все отвернулись от него, так как он был скомпрометирован в некоторых неблагоприятных поступках. С тех пор он вел довольно темную жизнь: был крупье в Монако, затем служил агентом в каком-то страховом обществе и, наконец, стал клерком. Одним словом, спускаясь со ступеньки на ступеньку, он дошел до нищеты и совершенно больным был подобран благотворительницей, о которой я вам говорил.

Все это я узнал случайно и навестил его. С тех пор мы, по мере наших сил, помогаем ему, так как он нуждался положительно во всем. Моя дочь и внучка каждый день носили ему суп и из двух старых юбок сшили ему халат. Мы сами не имеем лишнего, но очень уж тяжело видеть в таком положении человека, знавшего лучшие дни.

Жалость и участие сжали сердце Супрамати.

– Далеко это отсюда? Не будете ли вы любезны проводить меня к виконту?

– Это в двух шагах, и я с удовольствием провожу вас, – любезно ответил Пэнсон.

Полчаса спустя оба они вошли в полуразвалившийся домик и темным узким коридором прошли в грязную и сырую комнату. Вся меблировка состояла из старого стола, двух деревянных скамеек и грубой кровати, на которой лежало человеческое существо, покрытое каким-то истасканным одеялом.

– О, несчастный! – подумал Супрамати, вспоминая роскошную квартиру изящного кутилы.

Подойдя к кровати, Супрамати наклонился над человеком, лежавшим с закрытыми глазами. Взглядом врача он сразу определил, что перед ним лежит умирающий; но Супрамати никогда не узнал бы Лормейля в этом иссохшем скелете, обтянутом кожей, похожей на пергамент и изборожденной глубокими морщинами.

– Виконт! – сказал он, дотрагиваясь до похолодевшей руки умирающего.

При звуке этого звучного и металлического голоса Лормейль вздрогнул и выпрямился, точно под действием гальванического тока. С минуту потускневшие и стеклянные глаза его недоумевающе смотрели на Супрамати, а затем вспыхнули радостным огнем. Протянув к нему свои дрожащие руки, виконт вскричал, дрожа всем телом:

– Супрамати! Мой великодушный покровитель!...

– Мой бедный друг! Как я жалею, что не приехал раньше или, по крайней мере, не знал, что вы так несчастны. Но не отчаивайтесь: все переменится, и я приму меры, чтобы ваша жизнь была бы окружена покоем и комфортом.

Выражение глубокой горечи скользнуло по бледному лицу умирающего.

– Благодарю вас, Супрамати, за великодушные намерения; но в этом мире мне нужен только гроб. Я преступно расточил свою жизнь и свое добро – и был жестоко наказан за это такой долгой жизнью и неслыханной нищетой. Я терпел голод и холод, ночевал по большим дорогам, просил милостыню и питался корками, которые бросали собакам...

Судорожные рыдания помешали ему говорить, но, быстро овладев собой, он продолжал хриплым и отрывистым голосом:

– Умереть... умереть... Я только этого и жажду. Послушайте, Супрамати! Если уж вы хотите оказать мне последнее благодеяние, то прикажите прилично похоронить меня, чтобы мое тело не бросили в общую могилу.

Глубоко взволнованный, Супрамати крепко пожал руку виконта.

– Клянусь вам в этом! Если же вы имеете еще какое-нибудь желание относительно вашего погребения, то выскажите мне его, и я все исполню в точности.

– Благодарю вас! В таком случае я желал бы быть похороненным на кладбище в моем поместье. Там, в этом холщовом мешке, вы найдете бумаги, содержащие необходимые указания. В этом имении я родился, там находятся могилы моих родителей и...

Голос старика перешел на шепот, лицо мертвенно побледнело и, охваченный внезапной слабостью, он опрокинулся на кровать.

Супрамати сочувственно и, видимо, что-то соображая, смотрел на виконта. Он испытывал глубокую жалость к этому грешнику, так жестоко наказанному, и в то же время у него мелькнуло желание спасти его при помощи нескольких капель эликсира жизни. Он тоже был умирающим, – и вот к нему явился незнакомец, спас его и сделал богатым, независимым и ученым. Может быть, и виконт, очищенный страданием, раскается и тоже сделается исследователем.

Никакой закон, никакое условие не запрещало адепту и обладателю первоначальной эссенции пользоваться ею по своему усмотрению и расширять цепь членов братства. Дахир говорил ему, что никакой ответственности не падает на того, кто, «под влиянием великодушного порыва или жалости», обессмертит людей, часто взятых наудачу, без всякого выбора.

Супрамати уже опустил руку в карман, чтобы достать крошечный флакон с таинственным веществом, как вдруг новая мысль остановила его.

Действительно ли он окажет благодеяние виконту, если даст ему бесконечную жизнь? Что, если, оказавшись способным к серьезному труду, он, будучи здоровым, и обладая громадным состоянием, снова впадет в свои прежние пороки и сделается вторым Нарайяной, еще более презренным и мелочным, чем первый? Не был ли виконт истинным представителем типа ленивого и развращенного люда, который, живет только для наслаждения и готов лобызать всякую, самую грязную руку, если только та дает ему золото? Нет! Мудр закон, уносящий в загробную жизнь порочные и бесполезные существа.

Все эти размышления, которые так долго описывать, длились всего несколько секунд. Бросив последний взгляд на почти неподвижно лежавшее перед ним тело, Супрамати повернулся и с глубоким вздохом вышел из комнаты.

Прежде чем сесть в экипаж, Супрамати поблагодарил Пэнсона, попросил его нанять для виконта приличное помещение и сделать все для облегчения его последних минут; он просил его также взять бумаги виконта, чтобы можно было исполнить последнее желание

несчастливого и похоронить его рядом с его родителями. Отставной певец принял поручение и обещал известить его, как только виконт скончается, что не могло долго заставить себя ждать.

С тяжелым сердцем направился Супрамати домой. Несмотря на убеждение, что он поступил хорошо, ему казалось, будто он подписал смертный приговор, и это тяжелое впечатление давило его весь остальной день.

Только вечером, оставшись наедине с Нарой, он рассказал ей, в каком положении нашел виконта и все, что прочувствовал и передумал по этому случаю.

Молодая женщина, задумчиво и печально слушавшая мужа, дружески пожала ему руку.

– Ты хорошо поступил, Супрамати, и не можешь упрекать себя за то, что не сохранил бесполезную и преступную жизнь, на несчастье самому этому человеку, совершенно неспособному к тяжелому испытанию почти вечной жизни.

Не забывай, что, не желая быть таким же, как Нарайяна, необходимо настойчиво трудиться и разрешать тяжелую проблему: *спиритуализоваться заживо*.

По правде сказать, наша судьба ужасна, и адептам не следует слишком увеличивать наши ряды. У меня самой лежит на совести несколько подобных грехов, но я давала эссенцию жизни только людям полезным и трудящимся, которые настойчиво и энергично поднимаются по узкой тропинке прогресса. А ты, не подумавший сохранить для бедных полезную жизнь Розали, – ты оплакиваешь, что не дал бессмертия негодяю!

– Это же самое говорил я сам себе. Но не знаю, почему мне было так тяжело видеть, как умирает этот человек, когда я знал, что в моих силах спасти его.

– Ты оказал бы ему очень плохую услугу. Бесконечная жизнь иногда бывает невыносимой казнью для людей, не способных приспособиться к ее необыкновенным условиям.

По этому поводу мне вспомнился один эпизод, который я сейчас расскажу тебе, и виновником которого был Нарайяна, неисправимый в своем преступном легкомыслии, несмотря на все, что он знал и видел из тайн жизни.

То, что я хочу тебе рассказать, произошло около 1340 или 1350 года. Мы провели с Нарайяной несколько месяцев в Италии и направлялись в Баварию, где он владел небольшим замком, от которого теперь не осталось и следа. Там Нарайяна намеревался заняться некоторыми магическими опытами вместе с одним из *наших*, жившим в окрестностях.

Хотя мы и пользовались всем комфортом, доступным в ту эпоху, тем не менее путешествовали крайне медленно, так как дороги были отвратительны и на ночь приходилось останавливаться.

Однажды, проезжая по Тиролю, мы захвачены были ужасной грозой и очутились в страшном затруднении, так как, насколько нам было известно, нигде поблизости не было никакого жилища. Вдруг один из конюших, уроженец страны, предложил нам проводить нас в небольшой замок, находившийся недалеко, но стоявший в стороне от большой дороги.

Нарайяна с радостью согласился, и тот повел нас крутыми окольными тропинками в уединенную долину к небольшому замку, лепившемуся на скале.

Мы были приняты с распростертыми объятиями владельцами замка, людьми простыми, добрыми и гостеприимными.

Все семейство состояло из рыцаря, его жены, троих детей и нескольких слуг патриархального вида.

Во время завязавшегося после ужина разговора Нарайяна стал расспрашивать рыцаря про жизнь и желания, какие имеет он сам и его жена.

Супруги ответили, что чувствуют себя вполне счастливыми. Прекрасный виноградник дает им достаточно вина, с полей они снимают необходимый хлеб, замок по своей солидности и положению вполне безопасен, дети добры и здоровы, владелица замка – образец жены и хозяйки и, наконец, слуги – все люди честные и преданные.

– Господь, по доброте своей, все даровал нам. Одно, что беспокоит нас, так это то, что

время все это изменит, что мы и наши слуги состаримся, что дети вырастут и оставят наше гнездо, и что смерть нас разлучит. Если бы случилось чудо и все могло бесконечно оставаться в таком же положении, если бы ни смерть, ни старость не грозили нам, – то все наши желания были бы исполнены, – со смехом закончил добрый рыцарь.

Я заметила странную улыбку, скользнувшую по лицу Нарайяны, но сразу не обратила на это никакого внимания. Даже позже, когда он рылся в багаже, у меня не зародилось никакого подозрения.

По просьбе наших хозяев мы отложили свой отъезд до следующего дня. Решено было, что мы уедем после обеда. Когда Нарайяна, садясь за стол, объявил, что и он в свою очередь хочет угостить любезных хозяев несравненным вином, какого они, без сомнения, никогда не пили, мною овладело предчувствие, и я сделала ему по-гречески замечание.

Нарайяна мне ничего не ответил, но со своим обычным упрямством тотчас же взял принесенную бутылку и наполнил кубки всех обедавших, не исключая детей. Кроме того, он попросил позволения угостить и слуг, что ему и было любезно разрешено.

Я была страшно взволнована и колебалась, не будучи в состоянии поверить, чтобы он злоупотребил доверием этих несчастных; но не успела я еще принять какое-нибудь решение, как вся компания осушила кубки. Увидев, что все упали, точно пораженные молнией, я поняла, что несчастье свершилось.

– Что ты сделал? – с негодованием вскричала я.

– Что я сделал? Дал им желанное счастье: они не состарятся и не умрут, – ответил он, смеясь.

Затем, намочив в ужасной влаге кусок хлеба, он дал его съесть двум охотничьим собакам, лежавшим под столом.

Когда час спустя мы уезжали, двое слуг, которые нас провожали и не получили рокового угощения, сочли своих господ мертвецки пьяными. Нарайяна подтвердил их догадку и приказал им не беспокоить хозяев, пока они не проснутся сами.

Сто восемьдесят лет спустя проезжали мы по тому же пути и Нарайяна, вспомнив про этот эпизод, объявил, что хочет посетить

замок. Я категорически отказалась сопровождать его и осталась в ближайшей гостинице, а он поехал.

Нарайяна вернулся на следующий день и весело рассказывал, что в замке его приняли сначала за дьявола; слуга, прислуживавший тогда за столом, бросился лицом на землю и стал призывать себе на помощь всех святых рая.

Смертельно бледный рыцарь грозил ему крестом, который носил на шее, а жена кропила его святой водой. Но Нарайяна сам осенил себя крестным знаменем и объявил, что он истинный христианин, не боится ни креста, ни святой воды, и что его крайне удивляет подобный прием.

– Если вы не дьявол и не антихрист, – грустно сказал рыцарь, – то, может быть, вы обитатель неба и пришли освободить нас, так как ваше посещение вызвало очень странные последствия, тяжелые для нас, которые заставляют опасаться за спасение наших душ.

Затем рыцарь рассказал, что ни он, ни его жена не стареют и не умирают, хотя ему в настоящую минуту уже двести пятнадцать лет, а ей двести шесть. Еще более странно, что они продолжают иметь детей, которые растут и умирают, как и все, тогда как трое первых остаются в том же положении и не выросли ни на волос. Двое слуг и даже две охотничьи собаки все еще живы. Все это – обстоятельства, неслыханные в летописях мира, которые обратили уже на них внимание духовенства.

– Было уже произведено следствие, и нас обвиняли в сношениях с дьяволом. Народ избегает и прокликает нас. Недавно мою жену грозили сжечь, как колдунью, и поджечь наш замок. Что тогда будет с нами? И без этого времени так изменились, что почти невозможно жить, – закончил бедный рыцарь, заливаясь слезами.

Я указала Нарайяне все неудобства, какие произойдут, если предоставить этих людей общественному любопытству, и он согласился, что необходимо, чтобы они скрылись, так как

посвятить их в тайну отняло бы слишком много времени, и, кроме того, на них было уже обратно общее внимание.

На следующий день Нарайяна вернулся в замок и убедил невольных бессмертных, что он откроет им тайну их необыкновенного приключения.

Приближается кончина мира, – сказал он. – Для борьбы с антихристом Господь избирает людей благочестивых и добрых, которых Он освободил от смерти. Эти люди составят воинство Господа, а потом будут взяты живыми на небо, как Энох и Илия.

Затем прибавил, что сам он, Нарайяна, принадлежит к числу избранных и явился за ними, чтобы вместе совершить паломничество в Иерусалим.

Смущенные, но счастливые, эти люди согласились. Несколько дней спустя они уехали с нами, Нарайяна поджег замок. Только вместо Иерусалима их отвезли в Индию.

– И они до сих пор живут там? – спросил Супраматти.

– Двое детей – да, все же остальные умерли...

– Как так?

– Да! Их тщетно старались посвятить в таинства. Слишком мало развитой ум их не был способен ни к какому изучению, и они чувствовали себя такими несчастными, и находились все время в таком отчаянии, что занимавшийся с ними маг нашел необходимым вернуть их в загробный мир, при помощи средства, аналогичного тому, к которому прибег Нарайяна. Из этого примера ты видишь, мой дорогой, как опасно давать бесконечную жизнь тому, кто не может воспользоваться ею для собственного совершенствования. Поэтому ты можешь только поздравить себя с тем, что устоял перед искушением сделать бессмертным виконта.

– Все это так, и я отлично понимаю, что смерть – это милосердный закон. А между тем человек всегда чувствует сильное горе, когда близкое или даже только знакомое существо переходит в загробный мир.

– А это очень естественно, – заметила с улыбкой Нара. – Жизненный флюид, распространенный в мире и заключенный в каждом атоме, в виде общего и присущего каждой твари влечения, образует прочную цепь. Поэтому, когда какое-нибудь существо отрывается от этой цепи, то те, кого соединяло это влечение, чувствуют пустоту, и причиняемое разрывом этой флюидической цепи горе бывает очень жестоко. Узы, создаваемые этим жизненным током, так могущественны, что даже вещи, долго служившие человеку, пропитываются им и делаются ему дорогими. Поэтому-то и бывает так трудно расстаться со старой мебелью, к которой привык, с квартирой, где долго жил, и прочим.

Несколько дней спустя Пэнсон явился сказать, что виконт скончался, и Супраматти объявил при случае певцу, что скоро уезжает в Индию, и на память подарил ему весьма солидную сумму на приданое его внучке.

И действительно, пребывание в Париже мало интересовало и даже тяготило Супраматти. У него был совсем иной характер, чем у Нарайяны, которым всегда овладевала рассеянная жизнь, несмотря на его занятия и уединение, к которому он иногда прибегал. Это происходило потому, что Нарайяна никогда не очищался. Материя всегда властвовала над ним и увлекала его на разные беспутства.

Супраматти же, по природе трезвый, чистый и серьезный, в течение лет, употребленных на первое посвящение, окончательно избавился от «ветхого человека». Приобретенное им оккультное могущество не служило ему забавой, и он не окружал себя ореолом кудесника, чтобы дивить и пугать праздную толпу. Напротив, он смотрел на свою власть как на первую ступень громадной лестницы знания, по которой ему предстояло подниматься. Все мысли его были заняты будущим, не давая ему много интересоваться настоящим.

Супраматти окончательно привык к уединению, упорной работе и сношениям с потусторонним миром. Иногда, когда он сидел, склонившись над астрологическим манускриптом и затруднялся разрешить какую-нибудь сложную проблему, он чувствовал чье-то легкое к себе прикосновение и теплое или холодное веяние. Тогда около него появлялись или воздушная и сияющая фигура, или плотная и темная; но Супраматти уже не боялся этих гостей пространства, а относился к ним или благосклонно, или с почтением,

смотря по тому, чего они заслуживали, но с благодарностью принимал их поучения.

Не раз в его уединенной лаборатории появлялись Эбн-Ари или какой-нибудь другой могущественный демон и, склонившись над столом, чертили какой-нибудь неизвестный ему знак и объясняли его могущество.

Понятно, что при таком характере и при таком направлении ума Супрамати скучал и чувствовал себя чужим в легкомысленной и тупой толпе, среди которой жил.

Кроме того, самый «свет», куда он снова вступил, сильно изменился и коробил его неизменные идеи и убеждения. Ему было противно направление *торгашества*, которое заполонило все, сравнив все общественные положения, но нисколько не уравнивая имущественного неравенства.

Еще больше коробил его религиозный хаос и множество сект, которые враждовали между собой; а вне их всякий имел свою собственную религию, каждый объяснял по-своему тайны жизни, искал наиболее удобное решение занимавших его вопросов, проповедовал различные парадоксы и, в сущности, ни во что не верил.

Не менее противен был ему и всеобщий цинизм, который женщины выставляли еще наглее мужчин. Всякая забота о сохранении хотя бы внешнего приличия, всякое чувство стыда, собственного достоинства и долга окончательно, казалось, были отброшены. На что сорок лет тому назад смотрели как на постыдное и унижительное, то приобрело теперь право гражданства. Никто не стеснялся жить, как ему нравилось, и никому до того не было дела. Было бы только *золото*, тогда можно было самому создавать законы, а не подчиняться им.

Понятно, что при подобных условиях «семья» – в прежнем смысле – почти что перестала существовать; статистика констатировала факт уменьшения населения в действительно ужасающей пропорции.

Аристократическое изящество Супрамати и его спутников, а также его богатство, не преминули создать им в обществе привилегированное положение и привлекли к ним всеобщее внимание. Дахир считался братом Супрамати, и им обоим одинаково льстили. Что же касается Нары, то все мужчины были от нее без ума и бесились из-за «забавной добродетели» такой очаровательной женщины.

Несмотря на свой грубый материализм, эти люди чувствовали, что от них троих исходило что-то особенное, а один старый дипломат, славившийся верностью определения людей с первого взгляда, объявил, что Супрамати и его очаровательная супруга похожи на «выходцев из преисподней».

– Все трое отличаются одинаковой матовой *бледностью* и одинаковым властным огненным взглядом, а в выражении их глаз и улыбке проглядывает что-то такое, что заставляет думать, будто они слышат чужие мысли.

Несмотря, однако, на такую «чертовскую» репутацию, все наперебой искали общества богатых иностранцев и жаждали познакомиться с ними.

Бывший Ральф Морган был слишком врачом в душе, чтобы не попытаться применить на практике приобретенные им новые медицинские познания. Сначала он вылечил нескольких бедняков, а затем кое-кого из высшего общества. Но эта серия чудесных исцелений быстро составила ему такую громкую славу и грозила столь многочисленной клиентурой, что Супрамати счел за лучшее поскорей убраться подальше. И в одно прекрасное утро все трое втихомолку покинули Париж и отправились в Венецию, соблюдая строжайшее инкогнито.

Глава пятая

В старом дворце, который, казалось, был так же крепок и неразрушим, как и его обладатели, Супрамати еще более был охвачен воспоминаниями.

После ужина он передал своим друзьям былые впечатления, когда вновь возведенный в принцы Супрамати прибыл в этот дворец и чувствовал себя крайне неловко в своем новом положении. Этот юмористический рассказ заставил много смеяться Нару и Дахира. Затем

решено было, что они пробудут в Венеции все время, какое остается в их распоряжении до отъезда на собрание братства.

– Ты хочешь делать визиты, Нара? Но ведь будет очень неловко, если кто-нибудь узнает нас, – заметил Супрамати.

– Успокойся! Никто никогда нас не узнает. Самое большее если скажут, что ты очень похож на одного из своих родственников, – со смехом ответила молодая женщина. – По этому поводу мне вспомнился комический случай с насмешником Нарайяной.

Вам известно, что этот дворец принадлежал ему с очень давних времен. Так как Нарайяна очень любил Венецию, то не упускал случая, хотя один раз в течение века, а иногда и чаще, проводить здесь по несколько лет.

Однажды, во время своего пребывания здесь в начале шестнадцатого века, Нарайяна заказал одному известному живописцу написать свой портрет; вы уже должны были заметить, что у него была мания в этом отношении. Все восхищались необыкновенным сходством портрета; затем мы уехали, и когда лет через восемьдесят снова вернулись в Венецию, Нарайяна не преминул повесить свой портрет в кабинете, где все обратили на него внимание. Один же старый нобили в восхищении сказал мне:

– Как ваш супруг похож на своего предка! Это просто баснословно! Если бы не костюм, то можно было бы подумать, что это он сам.

Нарайяна был в восторге от этого и тотчас же заказал новый портрет. Игру эту он продолжал и в 1740 году, когда мы опять приехали сюда. Его очень забавляли такие восклицания, а в результате каждый раз следовал заказ нового портрета. О! Нарайяна во многих отношениях был большой ребенок.

– Без сомнения, эти портреты еще существуют? – спросил Дахир.

– Конечно! Они все висят в кабинете, смежном с библиотекой, – ответил, вставая, Супрамати. – Пойдемте посмотреть их: это положительно выдающиеся произведения искусства.

Все прошли в указанный кабинет и стали рассматривать четыре портрета, писанных во весь рост в натуральную величину. В богатых костюмах прошлых веков красота Нарайяны выделялась во всем своем блеске.

– Как жаль, что существо, обладавшее такой необыкновенной красотой и богато одаренное, так мало воспользовалось преимуществами своей необыкновенной судьбы для развития своей души, интересуясь исключительно внешними пустяками, – заметил Супрамати.

– Будем надеяться, что он лучше воспользуется своим загробным существованием. Жестокие страдания и отвратительное состояние, следовавшее за его смертью, сделают его серьезнее, – задумчиво сказала Нара.

Затем она прибавила с легкой улыбкой:

– Во всяком случае, благодаря мании к портретам, он оставил нам очень интересную память о себе.

– Это правда! Я очень жалею, что он не передал тебе своего вкуса к портретам. Твоих портретов, Нара, поразительно мало.

– О! Я достаточно жертвовала собой в угоду его страсти. Доказательством этого служат фотографии, украшающие твое бюро, и портрет в твоём кабинете. Я действительно не люблю, чтобы с меня писали портреты. Единственное мое изображение, которым я дорожу – это моя статуя. Тогда я, действительно, была молода душой и телом. Теперь я уже не способна чувствовать порывы и увлечения, или переживать мечты о будущем, которые осаждали меня в те времена. Они улетели навсегда, как сны в летнюю ночь. Мое тело осталось молодо, но глаза выдают мою старость. Это выражение глаз не передаст ни один художник, и портрет останется простой рисовкой костюма.

Супрамати и Дахир ничего не ответили. С грустью смотрели они на изображение бывшего сотоварища, сумевшего в течение веков сохранить свежесть чувств и способность к наслаждениям.

– Но в нашей галерее действительно недостает одного портрета – твоего, гроза моряков, зловещий призрак океана! – неожиданно сказала Нара, положив свою маленькую ручку на плечо Дахира.

Тот, внезапно оторванный от своих мыслей, вздрогнул.

– Герой легенды потеряет весь свой ореол, если представит публике свой портрет или подаст визитную карточку, – ответил тот с грустной улыбкой.

– Я вижу, что ты очень дорожишь своим престижем «пугала»; но мы знаем, как и Вагнер знал, но по наитию, что Блуждающий голландец – очень красивый молодой человек, опасный только для женских сердец.

На следующий день, вечером, все трое решили ехать в театр. Давали какую-то оперу, и они хотели познакомиться с новым направлением итальянской музыки.

Занавес только что поднялся, и зрительный зал был погружен в полумрак, когда Нара и ее спутники вошли в ложу и заняли места. Они внимательно стали слушать музыку, более шумную, чем мелодичную, и с интересом смотрели представление, которое по своей реальности переходило далеко за границы дозволенного на сцене.

Во время первого антракта они стали осматривать залу, ища среди публики прежних знакомых. Но трудно было узнать в почтенных старичках и седых старушках с согбенным станом некогда красивых молодых женщин и изящных кавалеров, так настойчиво ухаживавших за Нарой. Некоторые из находившихся в театре этих почтенных остатков прошлого с понятным удивлением смотрели на Супрамати и Нару. Они помнили их, но сочли теперь за незнакомых и удивлялись феноменальному сходству с их бывшими друзьями.

Очень многие упорно смотрели на ложу Супрамати, но тот не обращал на них никакого внимания. Вдруг он вздрогнул и, наклонясь вперед, навел бинокль на противоположную ложу. Там сидела белокурая молодая женщина, очень красивая и нарядная, оживленно разговаривавшая с молодым человеком, очевидно, влюбленным в нее.

– Нара! Видишь ли ты эту женщину в белом платье с изумрудной диадемой на голове? Это Лилиана – жертва Нарайяны, историю которой я тебе рассказывал, – прошептал Супрамати на ухо жене.

Нара быстро навела бинокль на указанную ложу, но в эту минуту сидевшая в ней дама тоже заметила их. Она сильно вздрогнула, так что веер выпал из ее рук, и, смертельно побледнев, откинулась на спинку кресла. Ее смущенный и пораженный взгляд точно прирос к Супрамати.

– Несчастливая! Она снова принялась за свое отвратительное ремесло. Благодаря действию эликсира, она сохранила свою молодость и красоту, но в глазах ее что-то не светится счастье, – так же тихо ответила Нара.

Затем, минуту спустя, она прибавила:

– Ты должен повидаться с ней, Супрамати. Может быть, она потеряла или растратила свое состояние, и это снова толкнуло ее на путь разврата.

– Но если я пойду к такой особе, то это будет не особенно выгодно для моей репутации женатого человека, – заметил, смеясь, Супрамати.

– О! Я не буду ревновать такого примерного мужа, как ты, несмотря на пылкие чувства, какие ты внушил Лилиане, – лукаво возразила Нара. – Ступай смело, со спокойной совестью! Может быть, мы окажемся полезными этому несчастному созданию! Не забывай, что она – жертва Нарайяны, а это налагает на нас обязанности по отношению к ней.

– Ты права. Завтра же я навещу Лилиану. А теперь я пойду и узнаю ее адрес и какое имя носит она в настоящую минуту.

Через десять минут Супрамати узнал, что Лилиана превратилась в Андриен Леванти, что она появилась в свете всего три или четыре года тому назад и состоит любовницей маркиза Палестры, очень богатого тосканца.

Собрав эти сведения, Супрамати написал следующую записку.

«Завтра, в 11 часов утра, будьте одна. Я приду навестить вас. С».

Эту записку он послал в ложу куртизанки, где она так ловко была передана привратницей, сдобренной золотой монетой, что куривший в фойе маркиз ничего не заметил.

Лилиана была страшно взволнована, узнав в Супрамати своего благодетеля, спасшего ее от ужасного состояния, в какое погрузил ее Нарайяна. Она не забывала красивого и великодушного молодого человека, который удостоил ее своей любовью, и хотя тот никогда не давал ни малейшего известия о себе, он остался недостижимым идеалом ее сердца. Когда Лилиана неожиданно увидела его все таким же молодым и обольстительным, каким знала раньше, и к тому же в обществе очаровательной женщины, в ее душе поднялась настоящая буря. Горе, страсть и ревность душили ее. Записка Супрамати немного ее успокоила. Он узнал ее и хотел видеть – это было утешением! Только Лилиана чувствовала, что не в состоянии остаться в театре и поэтому, как только вернулся маркиз, она сослалась на внезапное нездоровье, что подтверждали ее бледность и расстроенный вид, и уехала домой.

Она провела бессонную ночь. В долгие часы одинокого раздумья в ночной тиши она снова пережила все прошлое, всю странную и необъяснимую эпопею своей жизни. Но еще дольше тянулись утренние часы, предшествовавшие приезду Супрамати. Стоя на балконе, Лилиана с нетерпением всматривалась в проезжих. Сердце ее усиленно забилося и дыхание захватило, когда у ее подъезда остановилась гондола, и из нее вышел Супрамати.

Лилиана приняла его в будуаре. Она так волновалась, что не могла произнести ни слова и, молча подав ему руку, указала на кресло.

– Я счастлив, что случай снова свел нас, и что я нахожу вас такой молодой и прекрасной, – сказал он, дружески пожимая ей руку. – А между тем, мисс Лилиана, я не могу скрыть, что мне очень грустно встретить вас снова на тернистом и унижительном пути, который, я надеюсь, вы навсегда покинули.

Темный румянец залил ее лицо.

– Вы касаетесь больного места; *но* вам, моему благодетелю, я обязана сделать полную исповедь и дать отчет в том состоянии, которое вы так великодушно...

– Нет, мисс Лилиана, вы не должны ни давать мне отчета, ни исповедоваться, – перебил ее Супрамати. – Но если вы хотите поверить как другу то, что произошло в течение долгих лет нашей разлуки, я буду вам глубоко признателен. Поверьте, я принимаю искреннее участие в вашей судьбе. Разве вы не жертва преступного легкомыслия моего брата Нарайяны?

– О! Я с радостью доверю вам все! Но затем и вы, в свою очередь, ответите мне на один вопрос и объясните тайны, происходящие в моем теле. Я передам вам просто неслыханные факты.

– Я догадываюсь, о чем вы хотите спросить меня, и отвечу вам по мере возможности.

– После вашего отъезда я старалась честно сдержать свое обещание и начала новую жизнь. Я училась, читала и совершенствовалась в пении и музыке. Кроме того, под руководством m-me Розали я занималась делами благотворительности и посещала церковь. Должна признаться вам, что все эти непривычные для меня занятия, которым я отдавалась как бы по обязанности, а не по собственному побуждению, не наполняли мою жизнь, оставляя сердце пустым. Мимолетное счастье, которое я испытывала, облегчая нищету какого-нибудь бедняка или видя свои успехи в игре на рояле, меня не удовлетворяли. Единственный человек, которому я хотела бы показать свои таланты и похвалы которого я жаждала, был далеко и не давал мне о себе ни малейшего известия.

– Если бы вы искали одобрения Господа, а не человека, такого же несовершенного, как и вы, ваше сердце было бы удовлетворено, – ответил Супрамати, полусмущенный и полувзволнованный.

– Я вовсе не стараюсь оправдать мои недостатки или мою слабость; я только признаюсь в них, чтобы лучше мотивировать ошибки, из них проистекающие, – с тяжелым вздохом ответила Лилиана. – Но продолжаю мой рассказ. В течение трех лет я вела уединенную и трудовую жизнь, не видя никого из знакомых, как вдруг неожиданно встретилась с виконтом Лормейлем, которого не видала со времени катастрофы, случившейся между мной и

Нарайяной. Виконт ничего не знал. Увидя меня, он обрадовался и объявил, что не отпустит, так как нам необходимо о многом поговорить. Мы зашли в сад одного кафе, который был почти пуст в такой ранний час, и там он рассказал мне, что Нарайяна умер, а ему наследовал его брат. Он рассыпался в похвалах вам. В заключение он рассказал, что вы женились в Венеции, а затем уехали в Индию...

Лилиана нерешительно остановилась, видимо, сильно взволнованная и смущенная.

– Ну, что же, мисс Лилиана? Продолжайте! Я догадываюсь, что вам неприятно было известие о моем тайном браке, – с улыбкой заметил Супрамати.

– Вы правы, – откровенно призналась она. – Я была взбешена и настолько глупа, что смотрела на ваш брак с очаровательной женщиной, по-видимому, вполне достойной вас, почти как на личную обиду. В своем бешенстве я считала себя как бы свободной от моего обязательства вести честную жизнь, не понимая в своем ослеплении, что добродетель, главным образом, полезна тому, кто ее придерживается.

Несмотря на просьбы и убеждения Розали, я, очертя голову, окунулась во все светские беспутства, но сердце мое продолжало оставаться пустым, а в часы одиночества меня терзали угрызения совести, что я пренебрегла советами моего благодетеля. Чтобы наполнить эту пустоту и заглушить мучительное сознание, я бросалась во все крайности. Я искала сильных ощущений; играла на бирже и в рулетку, а кончила тем, что растратила все свое состояние на одной рискованной спекуляции. Я потеряла все, что имела, но это не особенно огорчило меня. Моя красота, на которую, казалось, ни время, ни излишества не имели никакого влияния, давала мне неистощимый источник богатства. Я никак не могла понять, отчего моя красота не увядает. Хотя мне стукнуло уже пятьдесят лет, а зеркало все отражало лицо двадцатипятилетней женщины. Мне часто приходило на ум, что я – вторая Нинон де Ленкло.

Однажды, этому будет уже лет семь, я почувствовала сильное нездоровье. Это удивило и испугало меня, так как уже более тридцати лет я не была больна. Я ощущала страшную слабость, свинцовую тяжесть в членах и невыразимое отвращение к жизни. Приглашенный мною доктор не мог найти органической болезни и пришел к заключению, что, очевидно, моя расстроенная нервная система вызывает эти болезненные симптомы. Предполагая, что я приближаюсь к сорокалетнему возрасту, он прибавил, что года имеют свои требования, и предписал мне полный отдых в течение нескольких месяцев в каком-нибудь уединенном месте, куда бы не достигал шум светских развлечений. Я должна была жить преимущественно на чистом воздухе, проводить как можно больше времени в лесу, пить молоко, придерживаться вегетарианского

режима, ничего не делать и никого не видеть, чтобы дать своему организму полный покой.

Я последовала этому совету и поселилась на одной уединенной ферме в южной Германии. Хозяева мои были бедные, простые, благочестивые и честные. Их маленькое имение было окружено лесом, что, как вам известно, большая редкость в наше время; но соседний старик-помещик, человек тоже отсталый, ни за что не соглашался продать лес. Я поселилась в этой глуши.

Первые дни я чувствовала себя лучше, но вскоре тревожные симптомы со страшною силой появились снова: тяжесть конечностей сделалась невыносимой, зрение портилось, слух притуплялся, волосы на голове седали, стан сгорбился, а кожу, до того времени атласную и свежую, избородили морщины. Одним словом, в течение двух или трех недель – не могу точно определить время, так как была тогда как сумасшедшая, – я превратилась в отвратительную старуху. Мое состояние было ужасно. Я так привыкла всегда быть молодой и красивой, что забыла про свои настоящие годы. Тщетно я убеждала себя, что неожиданно наступившая старость вполне естественна, и что только какой-то непонятный случай так долго отсрочивал ее; все равно я никак не могла с ней свыкнуться.

Последняя фаза этого ужасного состояния была страшно тяжела. Все мое тело, казалось, высохло, волосы вылезали прядями и все зубы выпали. В каких-нибудь три дня рот

мой опустел, череп обнажился, а слабость достигла такой степени, что я не могла вставать и думала, что настал мой последний час. Мое состояние страшно беспокоило хозяев, и они хотели послать за доктором, но я энергично воспротивилась этому. Жить такой, какой я стала, – это было в тысячу раз хуже смерти. Я сделала только некоторые распоряжения относительно своих похорон и вручила им сумму, достаточную на погребение. Они не должны были никого извещать о моей смерти. Я хотела исчезнуть бесследно...

Это было вечером. Я лежала одна в своей маленькой комнатке, погруженная в тяжелое оцепенение, на которое, в минуты прояснения сознания, я смотрела как на предсмертную агонию. Но вдруг я почувствовала, как будто в том месте, где была рана, некогда нанесенная мне Нарайяной, вспыхнул огонь. Оттуда, казалось, брызнули огненные стрелы, которые пронизали мое тело по всем направлениям, производя всюду внутренние взрывы: то в руке, то в ноге, то в глазу, то в желудке. Я испытывала страшную боль, которая с поразительной быстротой переносилась с места на место. Наконец, голова моя точно разлетелась на части, и я потеряла сознание. Хозяйка рассказывала мне потом, что когда она пришла проведать меня, ей показалось, что я крепко сплю. Спала я так сорок восемь часов. Когда я проснулась, я чувствовала себя хорошо и только была очень голодна. Служанка принеся мне завтрак, объявила, что у меня очень хороший вид и что я помолодела на тридцать лет.

Короче сказать, еще скорей, чем я состарилась, ко мне вернулись мои молодость и красота. Мало-помалу у меня прорезались и выросли зубы, – и я сделалась такой, какой вы меня видите. Моя добрая хозяйка сначала смотрела на меня с каким-то суеверным страхом, а потом успокоилась и призналась мне, что считает мою необыкновенную болезнь колдовством, наведенным на меня кем-то, роковое действие которого было уничтожено святой реликвией, которую она, незаметно от меня, поставила в головах моей кровати. Я не возражала, так как сама не могла понять, что такое происходило со мной.

Когда я совершенно поправилась, я должна была снова взяться за свое скверное ремесло, чтобы жить, как я привыкла. Только я не хотела появляться под своим старым именем и особенно там, где я прежде жила. Поэтому я приняла имя Андриенн Леванти и уехала в Америку. Оттуда меня привез в Венецию один друг – итальянец. Остальное не представляет никакого интереса.

Теперь объясните мне неслыханный факт, который я передала вам. Вы, над которым время не имеет никакой власти, вы должны знать ключ к этой тайне и можете сказать мне, когда кончится эта неестественная молодость и ненавистная жизнь, которая давит меня, как невыносимое бремя... Мне все надоело, у меня нет цели в жизни, и я даже ни на что не гожусь. Хоть из жалости скажите мне: когда и каким образом придет моя смерть?...

Взволнованный Супраматти с удивлением слушал этот длинный рассказ. Только теперь он понял слова Эбрамара, который сказал, что эссенция жизни, будучи введена в организм Лилианы

тем способом, которым ввел ее Нарайяна, действует совсем иначе и намного увеличивает продолжительность жизни, не делая ее, однако, вполне вечной. Но каким образом? Эбрамар объяснений не дал, и Супраматти положительно не знал, что ждет Лилиану в будущем. Способ, каким обновился организм Лилианы, был новостью для него и указывал только, как разнообразно действие чудесного и ужасного вещества.

– Вы спрашиваете у меня более, чем я могу сказать вам, мисс Лилиана, – ответил Супраматти после минутного молчания, – правда, есть неведомое вещество, удлиняющее жизнь на более или менее продолжительное время и поддерживающее силы и юность; но преступно пользоваться таким опасным средством легкомысленно, и я считаю Нарайяну преступником по отношению к вам, так как не спросив вашего согласия и не обсудив, способны ли вы на такое испытание, он осудил вас на жизнь, конца которой я не знаю, но которая, по моим предположениям, будет очень продолжительна. И все это Нарайяна сделал ради удовлетворения своих животных страстей!

– Видя, что Лилиана смертельно побледнела и с ужасом смотрит на него, Супраматти прибавил:

– Успокойтесь и смело смотрите в будущее! Все, что зависит от меня, я сделаю для облегчения вашей участи.

Прежде всего я снова дам вам состояние, которое избавит вас от необходимости торговать своей особой. Капитал я помещу таким образом, чтобы случайные спекуляции не могли его отнять у вас. Во-вторых, я могу только повторить мой совет, который уже раз дал вам, а именно: жить ради какой-нибудь благородной и полезной цели, а не для мелочного тщеславия. Нам необходимо победить разнузданные чувства, которые кипят в нашей душе, а не пользоваться ими, как законным предлогом для совершения всевозможных глупостей.

Я не могу поверить, чтобы такая унижительная жизнь, какую вы ведете, удовлетворяла бы вас. Вы сами заявили, что все вам опротивело. Да иначе и не может быть! Вложенная в нас божественная искра толкает нас вперед – от мрака к свету. В этом и состоит назначение души, это и есть тот путь, по которому мы должны подниматься, чтобы соединиться с нашим Небесным Отцом.

Посвятите себя труду и самосовершенствованию, и эта жизнь, которая так пугает вас, покажется вам не столь долгой, а вы менее будете чувствовать пустоту этого скоротечного мира, где смерть косит все вокруг, оставляя в живых только одну вас.

– Все, что вы говорите, – правда; а между тем, когда я думаю об ужасе такого будущего, мне кажется, что я теряю рассудок, – пробормотала Лилиана, закрыв лицо руками.

Затем, быстро выпрямившись, она прибавила:

– Вы говорите, чтобы я трудилась и совершенствовалась. Но как? Каким путем? Уединение и благотворительность не удовлетворяют меня и не вносят никакого интереса в мою жизнь.

– Я позабочусь дать вам более существенные занятия, – с улыбкой заметил Супрамати. – А пока прежде всего я устрою ваши имущественные дела. До свидания! Скоро вы получите от меня известие.

Вернувшись домой, Супрамати рассказал Наре о результате своего визита и стал обсуждать с ней, что можно сделать для облегчения участи несчастной жертвы Нарайяны, осужденной, очевидно, на долгую жизнь.

После зрелого размышления Нара посоветовала попробовать заинтересовать Лилиану оккультными науками. Может быть, эти занятия завлекут ее и даже приготовят в будущем из нее им помощницу. Нара хотела сама поговорить с молодой женщиной и объяснить ей, в чем дело.

Согласно с этим решением, она пригласила Лилиану приехать к ней.

Лилиана приехала, движимая столько же ревностью, сколько и любопытством, но все эти чувства быстро исчезли в горьком сознании своего подавляющего ничтожества перед этой выдающейся женщиной.

Тут впервые она вполне поняла, почему Супрамати, будучи мужем Нары, не мог полюбить ее. Но в то же время она чувствовала себя побежденной его нежной добротой, и в ней проснулось желание трудом и нравственным очищением приблизиться к этой избранной чете.

Лилиана с благодарностью приняла предложение отдаться изучению оккультных наук, а несколько феноменов, показанных Нарой, в высшей степени заинтересовали ее.

При помощи Дахира, имевшего на континенте различные знакомства, снеслись с одним стариком немцем, жившим близ Нюрнберга в небольшом уединенном замке и занимавшимся эзотерическими науками. И он, и жена его согласились принять в свой дом Лилиану в качестве ученицы, а один из высших адептов, живший в Лондоне, обещал наблюдать за неофиткой и руководить ею.

Когда все приготовления были окончены, Лилиана уехала в Нюрнберг, снабженная новым состоянием и воодушевленная наилучшими намерениями учиться и совершенствоваться. Сердце ее было покойнее, а признательность внушала ей желание оправдать заботы и заслужить уважение своих благодетелей.

Глава шестая

Однажды вечером, после отъезда Лилианы, Супрамати сидел один в своем кабинете. Дахир куда-то ушел, а Нара работала в своей комнате, приводя в порядок свои заметки, просматривая дневник, который она аккуратно вела в течение нескольких веков и который, конечно, представлял самые интересные мемуары, какие когда-либо были написаны человеком.

Лежа на диване, Супрамати перелистывал новые романы. Ему хотелось познакомиться с новой итальянской литературой, но ему скоро надоело это глупое и пустое чтение. Он бросил книги на стол и задумался.

Пребывание в этом уединенном кабинете всегда приводило его в какое-то особенное настроение духа. Здесь его толпой осаждали воспоминания о его первом прибытии в этот дворец и тех разнообразных ощущениях, тогда когда бедный и скромный Ральф Морган был неожиданно перенесен в сказочную обстановку «Тысячи и одной ночи».

Сорок пять лет прошло с тех пор; но иногда ему казалось, что прошло столько же веков, до такой степени он изменился. Какие горизонты открылись его уму, в какие тайны он проник и какое могущество приобрел! Его воля не была уже колеблющимся тростником; мысль не была уже мерцающим пламенем, которое мог загасить порыв ветра. Теперь его мышление стало гибким огненным током, который, подобно стреле, вылетал из дисциплинированного ума и достигал намеченной цели.

Лукавая улыбка скользнула по губам Супрамати. Подобно школьнику, с уверенностью повторяющему хорошо затверженный урок, он на минуту сконцентрировал свою волю, смотря сверкающим взглядом на свечу, стоявшую на бюро. Тотчас же в воздухе пронеслась искра, и свеча вспыхнула. Минуту спустя один из томов, лежавших на диване, поднялся в воздух и как бы несомый какой-то невидимой силой, лег ему в руки.

Бесчисленное количество раз с успехом проделывал он подобные же опыты, но только в тиши своей лаборатории. С тех пор, как он снова вступил в свет и ежедневно сталкивался с легкомысленной и невежественной толпой, ему иногда казалось, что все его знание осталось там, в шотландском замке, где как во сне протекло для него полвека, и где работа так поглощала время.

Но нет! Он ничего не забыл и ничего не потерял. Его воля была гибка, послушна и могущественна, а оккультные силы покорно повиновались ему. Нет, он не сделался снова *тем*, чем был!

Невольно мысль Супрамати перешла к тому, кому он обязан был своей странной и чудесной судьбой. В этой комнате все еще напоминало Нарайяну. Эту мебель он сам выбирал, в этой шифоньерке находятся еще положенные им же вещи, а там над бюро висели портреты его и Нары.

Вздых участия и сожаления вырвался из груди Супрамати. От всей души жалел он своего предшественника, которого увлечения и страсти толкнули на преступные деяния и привели к такому печальному концу. Что делает он теперь? Находится ли он все в том же отвратительном состоянии, в котором он видел его здесь, в этом самом дворце? Теперь он не испугается его; теперь он уже более не трус, падающий в обморок при виде загробного существа! Он победил все ужасы, которыми дракон ограждает вход в невидимый мир, и располагает оружием, покоряющим низших опасных духов, населяющих бездны загадочного потустороннего мира.

В эту минуту, продолжая смотреть на портрет Нарайяны, Супрамати заметил маленький, сапфирового цвета шар, который, казалось, бегал по холсту, а потом превратился в небольшое облако и приблизился к нему, вращаясь и фосфоресцируя. В ту же минуту он почувствовал, точно паутина скользнула по его лицу и ощутил запах крови.

Оккультные труды обострили чувства Супрамати; поэтому он услышал неуловимое для всякого другого легкое потрескивание, производимое, вероятно, присутствием духа Нарайяны. Не хочет ли тот что-нибудь сказать ему? Не хочет ли он о чем-нибудь спросить?

Не нуждается ли он в помощи? Как бы то ни было, Супрамати счел своим долгом ответить на обращенный к нему призыв, и поэтому мысленно спросил:

– Ты хочешь, чтобы я вызвал и материализовал тебя, Нарайяна?

Голос прошептал ему на ухо:

– Прошу тебя...

Супрамати тотчас же встал и принес из спальни шкатулку, наполненную различными порошками и флаконами. Шкатулку эту он поставил на бюро и достал серебряный треножник, большой поднос из такого же металла, подсвечник с семью рожками и широкий хрустальный сосуд.

Выдвинув стол на середину комнаты, он поставил на него поднос, шандал и треножник, на который наложил угли. Хрустальный сосуд он наполнил свежей водой и поставил рядом с ним кубок, вылив в него из флакона красную эссенцию, распространявшую приятный и живительный аромат.

Окончив эти приготовления, он погасил электрический свет и достал из-под одежды магический жезл. Поклонившись на север, юг, восток и запад, он стал нараспев читать магические формулы, сопровождая их таинственными знаками, которые чертил в воздухе над столом.

Едва исчезли фосфоресцирующие контуры иероглифов, как воздух с треском прорезало пламя и зажгло семь свечей и угли с порошком, который Супрамати раньше насыпал на них. Порошок вспыхнул пламенем белым и ярким, как огонь магния, осветив самые отдаленные уголки кабинета. Потом пламя это стало переливать всеми цветами радуги, и наконец все погасло с легким взрывом.

Только что произведенное явление стоило некогда ему труда и усилий, но Дахир требовал от ученика владения этим искусством, необходимого всякому, кто хочет сделаться господином в области оккультного знания, так как магические предметы нельзя зажигать обыкновенным огнем, а необходимо вызвать огонь пространства. По этой причине заурядные колдуны, не обладающие силой вызвать такой огонь, стараются что-нибудь зажечь от молнии, и тщательно поддерживают этот огонь для пользования им при занятиях магией.

Опустив жезл, но продолжая размеренное пение, Супрамати отступил от стола, около которого появилось большое сероватое пятно, прозрачное, как паутина. Порывы холодного ветра сотрясали это облако.

По мере того как уменьшалось и угасало белое пламя, серое пятно сгущалось и вытянулось, приняв форму человеческой фигуры. Это существо, с неясными контурами и двумя фосфоресцирующими точками вместо глаз, пошатываясь и колеблясь во все стороны, придвинулось к столу. Воздушная рука отделилась от этой облачной массы и схватила кубок, который странное существо залпом осушило. Почти тотчас же человеческая фигура уплотнилась, и появилась покрытая черными волосами голова, которая несколько раз окунулась в хрустальный сосуд; затем это существо омочило в этом же сосуде и обе руки.

Теперь можно было ясно видеть высокую фигуру человека, закутанного в широкий серовато-белый плащ. Когда фигура эта обернулась, Супрамати очутился лицом к лицу с Нарайяной, протянувшим ему обе руки.

– Благодарю тебя, друг Ральф, что ты тотчас же ответил на мой призыв и вызвал меня к действительной жизни, – сказал Нарайяна звучным голосом.

Супрамати сердечно пожал ему руку.

– Это я обязан тебе, – горячо ответил он. – Чем другим мог бы я отблагодарить тебя за тот неоцененный дар, который ты преподнес мне? Я счастлив, что мои знания позволили мне вызвать тебя и дали возможность поговорить с тобой. Позволь мне поздравить тебя с переменой, происшедшей в твоём состоянии. Мне было очень грустно, когда я видел тебя в последний раз. Ты должен был много поработать, чтобы очиститься до такой степени!

Нарайяна пододвинул кресло и сел. С минуту взор его задумчиво блуждал по окружавшим его предметам. При свете семи свечей Супрамати заметил, что красивое лицо

его предшественника носило следы крайнего утомления; зато выражение адской злобы и небольшие красные рожки, выглядывавшие прежде из массы черных, как вороново крыло, волос, совершенно исчезли. В данную минуту Нарайяна имел вид вполне живого человека.

Обернувшись к Супрамати, Нарайяна сказал полунасмешливо, полугрустно:

– Когда ты меня видел в последний раз, то в силу страдания я был очень отвратительным и злым существом. Да... Никакие слова не в силах передать тот ад, который я перенес! Я, несомненно, много грешил, но для человека с моим характером было страшным искушением жить сотни лет, будучи вооруженным удивительным и ужасным могуществом, ставившим меня выше всего человечества. Счастлив ты, Ральф Морган, что в твоих жилах течет спокойная кровь, а в сердце живет сильная любовь к науке. Ты высоко поднимаешься по лестнице знаний, и века увенчают твое чело звездой мага! Я же оставался рабом плоти, игрушкой своих разнузданных страстей, а в пространстве сделался рабом первоначальной материи, которая вливала потоки жизни во флюидические жилы моего астрального тела. Ты сам видел, как низко я пал. Сознание такого падения заставляло меня почти столько же страдать, сколько и физическая боль, терзавшая мое астральное тело. Тем не менее, я не напрасно обладал обрывками знаний, дисциплинированной, отчасти, волей и друзьями, среди которых был и старик, которого ты видел в гроте предков. Поддерживаемый ими, я принялся за работу, чтобы очиститься и хотя бы несколько искупить причиненное мною зло. Ты сам видишь результаты моих усилий. Я все еще остаюсь страждущим духом, но уже не нуждаюсь больше в пище, и мне не нужны материальные наслаждения. Крест Нары уже не заставит меня отступить. Но, кстати, о моей экс-супруге. Счастлив ли ты с ней?

– Для меня – она ангел!

– Тем лучше! В отношении меня она всегда была неблагодарна и бессердечна. Уж, конечно, она не подарила бы мне этого часа беседы! Право, я бесконечно благодарен тебе, что ты материализовал меня в этом кабинете, полном воспоминаний. Мне почти кажется, что я все еще владеец этого дворца.

– В моих глазах ты и остался им! Мне хотелось бы доказать лучше, чем этой безделицей, мою тебе благодарность.

– Если ты действительно желаешь сделать мне приятное, Ральф, или скорей Супрамати, как все теперь зовут тебя, то не откажи мне и оставь здесь одного на четверть часа помечтать и отдаться воспоминаниям, будто я все еще принадлежу к этому миру.

Сидевший в кресле Супрамати тотчас же встал.

– Я немедленно же оставляю тебя одного! Побудь здесь, Нарайяна, и считай себя хозяином этих комнат, еще полных тобой.

Супрамати сделал дружеский знак рукой и ушел в спальню, дверь которой запер за собой на ключ. Он не заметил странного и насмешливого выражения, вспыхнувшего в глазах призрака.

Но не прошло и нескольких минут со времени ухода Супрамати из кабинета, как противоположная дверь, ведущая на половину жены, быстро отворилась и в нее поспешно вошла Нара. Она была, видимо, чем-то взволнована и испугана.

– Что ты наделал! – вскричала она, подбегая к мужу и хватая его за руку. – Ты материализовал Нарайяну и оставил одного в кабинете? Разве можно делать такие безумства! Это непростительно! Ведь ты не профан, который забавляется, сам не понимая, что делает...

Супрамати с недоумением смотрел на нее. Не дожидаясь ответа, она бросилась к двери кабинета, но та в эту минуту открылась, и на пороге ее появился Нарайяна. Черные глаза его пылали, на губах блуждала гордая и торжествующая улыбка, а на бледных щеках выступил легкий румянец. Чудная красота его явилась в полном блеске.

Смущенный Супрамати с восхищением смотрел на него и не понимал причину гнева Нары; не понимал, какая беда может произойти от простой материализации или от желания духа остаться на несколько минут одному в комнате, где он так долго жил.

Но взгляд, брошенный случайно в кабинет, заставил его вздрогнуть. В стене, напротив которой сидел Нарайяна, оказывается, было отверстие, о существовании которого Супрамати

не подозревал, а на столе стояла открытая шкатулка, очевидно, вытянутая из тайника. Рядом со шкатулкой лежал флакон с золотой пробкой, содержащий в себе первоначальную материю. Дерзкий дух осмелился воспользоваться ею...

Супрамати побледнел. Но он не успел вымолвить ни слова, как Нарайяна смерил Нару насмешливым взглядом и сказал:

– Ты явилась слишком поздно, чтобы помешать мне, моя прекрасная экс-супруга! Несмотря на всю твою необыкновенную предусмотрительность, ты забыла предупредить Супрамати, сердце которого века не успели еще иссушить, как твое.

– Ты сам оказал себе плохую услугу, но твое легкомыслие положительно неисправимо, – ответила Нара, хмуря лоб.

– Не тревожься, я сам и буду нести последствия моего смелого поступка, а супружеские бури уж больше не страшат меня. К тому же, твои чары потеряли надо мной всякую власть, – насмешливо заметил Нарайяна. – Итак, успокойся, жестокая и очаровательная Нара: я не потребую никакого наследства, даже

тебя. Тебе лучше, чем кому-нибудь, известно, как мне тяжело будет теперь всякое сношение с людьми. Поэтому я удаляюсь во дворец на юг Гималаев и никого не буду беспокоить.

Нара пожала плечами и отвернулась, а потом вышла из комнаты, бросив мужу:

– Глупец! Трижды глупец!

– Не огорчайся, что я стоил тебе такого почетного титула, мой бедный друг и наследник. Ведь я один только слышал его. К тому же, в былое время меня награждали еще энергичней; но со стороны красивой женщины это пустяки! – с громким смехом вскричал Нарайяна.

– Ах, ты положительно неисправим! – сказал Супрамати, невольно смеясь.

Затем уже серьезным тоном он спросил:

– Что ты сделал?

– Только то, на что имел право: я воспользовался первоначальной материей, которую завещал тебе. Ты же не обеднеешь от нескольких капель, которые я истратил.

– Полно, Нарайяна. Все, что принадлежало тебе, так и остается твоим добром. Я ничем не воспользуюсь. Самый же драгоценный твой дар – посвящение – останется при мне.

– Ты хороший и честный человек, Супрамати! – дружеским тоном ответил Нарайяна. – Но знай, что я не нуждаюсь в земных благах, которые завещал тебе.

– Во всяком случае, все находится в твоём распоряжении. Только не думай, пожалуйста, что я сожалею о твоём воскрешении.

– Я знаю. Но пойми, Супрамати, что я не стал обыкновенным человеком, я – амфибия, вошедшая через обе двери в невидимый мир. Так, я не могу употреблять обыкновенные блюда, а должен питаться особой пищей, которая почти что ничего не стоит. Я просто приобрел способность не разлагаться благодаря первичной эссенции, которая одарила меня волей или жизненной силой, оставаясь в то же время духом. Так я, по желанию, могу быть видимым и невидимым. Сейчас я докажу тебе это.

Нарайяна взял Супрамати за руку и почти тотчас же исчез. Как тот ни оглядывался, он всюду встречал прозрачный воздух, а между тем продолжал чувствовать крепкое пожатие пальцев Нарайяны. Наконец, тот снова сделался видимым, явно восхищенный удивлением и недоумением молодого мага.

– Тебе еще неизвестны многие тайны, так как ты изучил только первые области науки, но изучил их, надо признаться, весьма последовательно; хотя явления, какие можно получить при помощи первоначальной материи, тебе почти совершенно неизвестны. Их разнообразие положительно бесконечно, так как этот агент с такою же легкостью сплавливает молекулы, как и рассеивает их. С четвертой частью того, что еще заключается в этом флаконе, ты можешь воскресить целое кладбище. Только это не будет то, что я сделал. Я привлек только из пространства некоторое количество молекул, которые гарантируют мне компактность, необходимую для получеловеческой жизни, лишенной, впрочем, всяких

плотских неудобств. Такую жизнь я предполагаю вести в прекрасном дворце, расположенном в Гималайских горах. Этого дворца ты не видел еще, но надеюсь, что наведишь меня там. Ты же, несмотря на свое бессмертие, чувствуешь тяготы материального тела и нуждаешься в тысяче вещей для своего комфорта, перемещения и прочее. Если ты не можешь умереть от голода, то все-таки должен чувствовать разные другие неудобства, от которых я избавлен.

Супрамати бессильно упал в кресло и провел рукой по лбу.

– Я положительно теряюсь в этом лабиринте чудес и непонятных тайн, источником которых служит первоначальная материя. Все более и более во мне крепнет сознание того, что я – ни что иное, как простой невежда, едва изучивший азбуку. Но ты, Нарайяна, искусен в этой науке, которая для меня совершенно неизвестна; ты изучил свойства первоначальной материи. Дай мне кое-какие объяснения и ответ на некоторые вопросы.

– С удовольствием сообщу тебе то небольшое, что сам знаю.

– В таком случае, прежде всего скажи, шутил ты или нет, когда говорил, что при помощи первоначальной материи можно воскресить целое кладбище?

– Я говорил серьезно. Это вещь вполне возможная.

– Я не понимаю этого. Благодаря нашей системе погребения, в могилах остаются одни только костяки; от сжигаемых же трупов остается лишь пепел. Каким же образом могут ожить и одушевиться такие останки?

Нарайяна погасил семь свечей, которые еще продолжали гореть. Затем он прошел в соседнюю комнату и сел на диван, предложив Супрамати занять место рядом.

– Я вижу, что ты собираешься долго расспрашивать меня и поэтому нам будет здесь гораздо удобнее. А теперь я отвечу на твой вопрос. Пока существует остов человеческого тела – есть объект, пропитанный жизненным флюидом. Это, если хочешь, составляет основание, около которого может быть сосредоточена молекулярная система, которая некогда составляла одно целое. Такое действие происходит всегда, и притом с поразительной быстротой, если в останки тела ввести частицу первоначальной эссенции, необходимой для агломерации.

– И воскрешенные таким образом существа становятся бессмертными? – спросил бледный и взволнованный Супрамати.

– Нет, нет! Они приобретают жизненность только на известное время, которое никогда не бывает очень продолжительно ввиду того, что материя сильно поглощается процессом, имеющим свои неудобства. Так, например, чтобы вернуть душу в тело, в котором она некогда обитала, иногда приходится вырывать ее из тела, которое она оживляет в данное время, что вызывает моментальную смерть этого субъекта, так как действующая сила не знает преград и проявляется неуклонно там, где оказывается сильнее. В занимаемом нас случае высшая сила всегда находится в разрушенном теле, так как доза материи зависит от оператора. Душа, приведенная таким образом в свое прежнее обиталище, теряет воспоминание о прошлом, безразлично, вызвана ли она из пространства или вырвана из другого тела. Впрочем, с помощью этой материи – истинной эссенции жизни – можно даже искусственно создать человека, только жизнь его будет кратковременна, потому что жизненная материя поглощалась бы слишком быстро. Такой человек обратился бы в пепел, как сгоревший уголь в золу, но, повторяю, дело это вполне возможное.

– Отчего же Дахир никогда не говорил мне о таком важном деле? – пробормотал Супрамати.

– О! Дахир очень осторожный и слишком методичный наставник. Он научил тебя магическим формулам, которые подчиняют низшие существа, развил твои оккультные чувства и дисциплинировал твою волю, но не познакомил тебя со свойствами первоначальной материи, оставляя это, вероятно, на будущее время. Я же всегда был строптивым учеником и не выносил слишком медленного обучения. Я стремился ориентироваться во всех областях знания. Теперь же я охотно поделюсь с тобой результатами моих занятий в этой области. Если желаешь, я покажу тебе несколько опытов,

иллюстрирующих то, что я говорил о свойствах и силе первоначальной эссенции.

– Еще бы не хотеть! От души буду тебе признателен, если ты просветишь меня немного относительно свойств необыкновенной материи, которой я владею как невежда, не умеющий пользоваться ею и рискующий причинить много зла там, где хотел бы сделать много добра.

– Мы можем немедленно же приступить к опыту воскрешения. Теперь едва полночь. Время благоприятное; а так как я, слава Богу, не рискую распасться, то и отдаю себя в полное твое распоряжение. Отправимся на остров мертвых. Там мы выберем нескольких покойников, которых вернем к радостям жизни. А так как они не будут знать, что мы являемся их благодетелями, то не будут в состоянии донести на нас и никогда не допустят мысли, что были мертвы, – со смехом закончил Нарайяна.

Супрамати в нерешимости задумался.

Возможность присутствовать при неслыханном опыте до крайней степени подстрекала его любопытство, а известного рода досада на Дахира и Нару, которые по ложкам отмеривали ему, как ребенку, знания, побуждала его принять предложение Нарайяны. С другой стороны, его честную и добрую душу беспокоила боязнь причинить вред, преступно воспользовавшись неизвестными законами.

Внимательно следивший за ним Нарайяна насмешливо рассмеялся.

– Ты колеблешься? Может быть, – ха, ха, ха! – ты боишься Нары или Дахира? В таком случае, оставим то, о чем я говорил. Боже сохрани, чтобы ты получил из-за меня нагоняй от своих строгих наставников.

Яркий румянец залил лицо Супрамати.

– Полно говорить глупости! Я ни от кого не получаю приказаний. Я хочу присутствовать при интересном феномене, который ты обещал мне показать, и следую за тобой. Дай мне только убрать вещи и захватить плащ.

– Как знаешь. Не забудь только взять с собой флакон с первоначальной материей и дай мне какой-нибудь плащ. Мне неудобно выйти на улицу в этом загробном костюме, – ответил Нарайяна, сбрасывая на пол бывший на нем плащ, который точно расплылся в воздухе.

Он оказался в фиолетовом бархатном костюме с широким кружевным воротником и в высоких сапогах со шпорами.

Супрамати с улыбкой посмотрел на него, а затем, поспешно убирая вещи, спросил:

– Скажи мне, почему Нара во что бы то ни стало хотела помешать тебе приобрести настоящее состояние? Ведь это же ей все равно.

Загадочная улыбка скользнула по губам Нарайяны.

– Спроси у нее. Может быть, она и откроет тебе причину своего недоброжелательства ко мне. Я же не желаю еще больше раздражать ее, возбуждая, может быть необоснованные подозрения.

Десять минут спустя оба ушли из дворца через тайную лестницу, выходящую на боковую лагуну. У подножия лестницы стояла лодка.

– Я изменил свой план, – объявил Нарайяна, садясь в лодку и тщательно закутываясь в плащ, принесенный Супрамати. – До острова мертвых слишком далеко, да к тому же там очень трудно достать костяк. Я придумал гораздо лучше. Недалеко отсюда, – он назвал один из небольших боковых каналов, – есть старый полуразвалившийся палаццо. Владелец его, носящий древнее имя, совершенно разорен и прозябает в одной из комнат первого этажа, где скоро и подохнет, но продать свои развалины он не хочет. В этом дворце некогда находилась капелла, под которой был устроен ныне уже забытый склеп. Там мы и найдем то, что нам нужно.

– Хорошо! – ответил Супрамати, схватывая весла и направляясь к указанному месту.

Это был древний квартал Венеции. Дома, обрамлявшие небольшой канал, имели по большей части пустынный и покинутый вид. Наконец Нарайяна указал на большое, более других разрушенное здание и сказал:

– Вот этот палаццо! Приставай к маленькой двери слева.

Супрамати причалил к древнему бронзовому кольцу, вделанному в стену, и стал

подниматься по ступеням. Нарайяна впереди него. Под давлением руки последнего дверь со скрипом открылась и почти тотчас же захлопнулась за ними.

– Здесь темно, как у дьявола в глотке,- сказал Супраматти. И с этими словами он вынул из кармана стеклянный шар на бронзовой ручке; шар этот издал яркий свет.

– А! Значит, узнали секрет вечных ламп, тайна которых так интересовала ученых с того времени, как они найдены были в римских могилах?- заметил Нарайяна.

– Да, эта тайна разгадана лет тридцать тому назад. Теперь они в большом ходу. Ну, Нарайяна, иди вперед и указывай дорогу, так как тебе известно расположение этого дома.

– О, в совершенстве! Я видел этот дворец в его лучшие времена, а именно около 1560 года. Тогда это был роскошный дом.

Они быстро прошли целую анфиладу пустых зал. Яркий свет лампы освещал обнаженные стены, покрытые мохом фрески и потрескавшиеся плафоны, грозившие обрушиться. Тяжелый контраст представляла вся эта нищета, и разорение с великолепными каминами из белого и желтого мрамора, с мраморными и мозаичными полами, покрытыми пылью и всевозможными обломками.

Шаги Супраматти гулко раздавались по каменным плитам; Нарайяна же бесшумно скользил рядом с ним.

Вдруг странное и тягостное чувство сдавило сердце Супраматти. В этой глубокой ночной тишине, в этой тоскливой обстановке разрушения в нем проснулось что-то, напомнившее прежнего Ральфа Моргана. На какое странное приключение отважился он в обществе не менее странного спутника, явившегося из загробного мира?

– Ах! Не предавайся ты своим глупым мыслям! – неожиданно вмешался Нарайяна. – Думай лучше о том, что мы намерены сделать. Мы приближаемся к цели. Если я не ошибаюсь, то в конце этой галереи мы выйдем на небольшой двор, где прежде бил фонтан, а по другую сторону находилась капелла.

И действительно, после нескольких минут ходьбы они очутились перед небольшой дверью, которая вела на двор, выстланный каменными плитами и обнесенный галереей с арками. В эту минуту луна выглянула из-за туч, покрывавших небо.

При слабом свете луны на противоположном конце двора вырисовывалось небольшое строение с куполом, увенчанным крестом.

– Капелла имеет также выход с другой стороны в переулок, но, без сомнения, та дверь заперта изнутри, так как в этой часовне уже давно не совершаются Богослужения, – сказал Нарайяна.

– Просто удивительно, как ты хорошо помнишь топографию и все, что касается этой развалины, – заметил Супраматти.

– Нарайяна рассмеялся.

– Я имел здесь друзей и одно время был частым гостем в этом доме. Но идем! Нам нужно войти в ризницу, служившую входом для владельцев дворца, которые сами были строителями этой часовни.

Они прошли через двор, остановились перед небольшой дверью, источенной червями, и Супраматти ударом плеча выбил эту дверь. Ризница была совершенно пуста, как и сама часовня, имевшая невыразимо унылый вид.

Стекла в двух высоких и узких стрельчатых окнах были выбиты, алтарь обнажен. Несколько больших надгробных плит украшали стены. Нарайяна прошел вглубь часовни, где влево от алтаря находилась каменная плита со вделанным в центре бронзовым кольцом. Он наклонился и без видимого усилия поднял плиту. Тогда, при свете лампы, обнаружилось узкие ступени каменной лестницы.

– Это вход в склеп, – сказал Нарайяна, начиная спускаться по лестнице.

Супраматти с лампой последовал за ним. Скоро оба они очутились в небольшом подземелье, предшествовавшем склепу. Бронзовая дверь склепа была закрыта на засов, на котором висел большой замок. Супраматти поднял валявшийся в углу кусок железной полосы и несколькими ударами сбил замок. Затем он отодвинул засов – и дверь со скрипом

открылась. Из склепа пахнуло спертым воздухом, насыщенным удушливым запахом сырости. Супрамати не обратил на это внимания и вошел в склеп. Свет лампы, которую он держал в руке, осветил ряд больших и маленьких гробов, стоявших на каменных подставках вдоль стен.

Некоторые из них сгнили и истлевшие доски их обвалились на землю, вперемешку с костями; другие гробы были целы. Нарайяна прямо направился к большому и очень массивному гробу из почерневшего дуба с металлическими углами.

– Здесь, – сказал он, – поживает та, которую я хочу воскресить. Бедная Лоренца была очень красивая женщина. Ее муж – старое чудовище – задушил ее в припадке ревности за то, что она предпочла ему молодого и красивого возлюбленного. Эта история не выплыла на свет Божий только потому, что старый негодяй Марко приходился родственником дожу.

Продолжая говорить, Нарайяна начал снимать тяжелую гробовую крышку, которая не без труда поддавалась его усилиям и с шумом упала на землю. Из гроба поднялось целое облако пыли.

Затем Нарайяна сбросил истлевшее от времени покрывало и Супрамати увидел лежавшее в гробу тело.

Это не был скелет, так как почерневшая и высохшая кожа покрывала кости, вырисовывая все их неровности; вместо глаз зияли только черные впадины; безгубый рот скалил зубы и вся голова, окруженная пышной массой волос, имела вид черепа.

Нарайяна сделал гримасу.

– Немного же осталось от красавицы Лоренцы! Но ты сейчас увидишь, что синьору Марко простительно было принять на совесть преступление. А что великолепно сохранилось, так это платье. Обрати внимание на эту пурпурную парчу. Она толста и прочна, как кожа, несмотря на то, что пробыла здесь более трех веков. Вашим фабрикам не худо было бы принять ее за образец.

Супрамати пощупал действительно отлично сохранившуюся материю. Только золотые кружева, украшавшие корсаж с широкими рукавами, совершенно почернели.

– Однако нам пора приниматься за дело. Я только схожу за водой к фонтану, – объявил Нарайяна.

С этими словами он ушел, а смущенный и взволнованный самыми разнообразными чувствами Супрамати прислонился к стене.

Совесть упрекала его за то, что он решается на преступный опыт, который, в случае удачи, явится страшным испытанием для существа, над которым будет произведен; но противовесом этому чувству явилось до крайности возбужденное любопытство «ученого», которое и заглушало все угрызения. С лихорадочным

нетерпением он спрашивал себя: не сказки ли это, придуманные Нарайяной? Неужели руки скелета, держащие крест черного дерева, могут сделаться руками живого человека, а этот разложившийся труп выйти из своего гроба?

Приход Нарайяны прервал его тревожные мысли. К его крайнему удивлению, тот принес кружку воды и зажженный фонарь древней формы, которому было по меньшей мере полтора года лет.

– Вот! – самодовольно сказал Нарайяна, поставив кружку и фонарь на один из соседних гробов.

– К чему этот фонарь? По сравнению с моей лампой это просто светлячок, – заметил Супрамати.

– Твой шар именно своим ярким и ослепительным светом будет вредить феномену. Прошу, заверни его и спрячь в карман, – ответил Нарайяна.

– Это я могу так же хорошо сделать и при свете фонаря. Но как ты зажег его? – спросил Супрамати, пряча светящийся шар.

– А вот как, – ответил Нарайяна, поднимая руку. Тотчас же на его руке вспыхнул мерцающий огонек, который погас, как только он опустил руку.

Супрамати достал флакон и капнул три капли в воду. Из кружки тотчас же брызнуло

большое красное пламя, а вода превратилась словно в расплавленную массу.

– Вылей все из кружки в гроб! – приказал Нарайяна. Супрамати повиновался. Послышался треск, точно вылили воду на негашеную известь.

– Теперь отойдем в тот темный угол. Оттуда мы можем все видеть, не будучи сами видимы.

Молча, с подавленным сердцем, Супрамати прислонился к стене и смотрел на гроб, где что-то трещало и кипело, а вверх подымался густой беловатый пар, изборожденный огненными зигзагами.

Затем отовсюду – с потолка, стен и пола появилась масса блестящих фосфорических искр, которые, подобно каскаду падающих звезд с сухим треском сыпались на массу, кипевшую в гробу.

Сердце Супрамати билось со страшною силой, а от волнения у него захватило дыхание. Почти со страхом взглянул он на Нарайяну, который стоял рядом с ним, но лица того не было видно, так как он в эту минуту закрылся с головой плащом. Плащ же его был покрыт фосфоресцирующим туманом, который ясно

вырисовывал на темной стене фигуру Нарайяны; рука же с длинными и тонкими пальцами, придерживавшая складки плаща, была вполне рукой живого человека. С невольною дрожью Супрамати отвернулся и снова стал смотреть на гроб.

Там произошли перемены. Беловатый пар превратился в красное, как кровь, облако, которое быстро исчезало внутри гроба. В эту минуту с потолка, подобно блуждающему огоньку, спустилось большое пламя, стрелой пронеслось через склеп и потонуло в гробу, увлекая за собой остатки красного облака. Затем все угагло, и в древнем склепе, освещенном слабым светом фонаря, настала мертвая тишина.

Вдруг в этой глубокой тишине что-то зашевелилось и раздалось шуршание шелковой материи. Потом послышался человеческий вздох, такой жалобный и болезненный, что ледяная дрожь пробежала по телу Супрамати. Но вот на краю гроба появилась белая рука, а затем голова и торс женщины, которая с трудом приподнялась и села, тяжело переводя дыхание. Это лицо, которое за четверть часа перед тем было черепом, выражало теперь безумный ужас, а глаза боязливо блуждали по зловещей обстановке.

– Великий Боже! Пресвятая Богородица! Итак, это не было ужасным сном, что Марко хотел задушить меня? И меня сочли умершей! – пробормотал дрожащий голос.

Женщина быстро выпрямилась, приподнялась и осторожно встала из гроба. Вдруг она вздрогнула и, подняв ногу, внимательно посмотрела на нее.

– Скажите пожалуйста, какие рваные башмаки надели на меня! – продолжала она на чистом тосканском наречии.

Охваченная внезапною слабостью, она села на ступеньку и сжала голову руками, видимо, стараясь собраться с мыслями.

Жадно следивший за ней Супрамати увидел теперь, что это была совсем еще молодая стройная женщина, с роскошными черными волосами. Охваченная несомненно ужасом, какой внушало ей зловещее место, где она находилась, Лоренца встала и схватила фонарь.

– Кто мог принести сюда этот фонарь? Конечно, он, чувствуя, что я жива. Но где же он? – шептала она и радостная улыбка появилась на ее губах.

Затем она повернулась и быстро вышла из склепа.

– Боже, какое очаровательное создание! Но что с ней будет? – пробормотал Супрамати с восхищением и жалостью. – То, что ты сделал, Нарайяна, это дело дьявольское! Уж не ты ли этот «он», которого она ждет? – с волнением прибавил он.

– Ты – сама воплощенная пронизательность, друг Ральф. Теперь же я должен возложить на тебя бремя покровительства Лоренце. Надеюсь, что Нара не будет ревновать тебя: ведь ты такой добродетельный и верный супруг! – с сухим смехом ответил Нарайяна. – Впрочем, даже рискуя рассердить мою экс-половину, я не могу сам заняться воскресшей красавицей. У меня нет ни человеческих прав, ни прав духа; но она не поймет этого, если увидит меня, и ее любовь причиняла бы мне только одни затруднения. А теперь – до

свиданья! Ступай наверх! Бедная малютка во дворе и никак не может понять перемены, произошедшей с ее дворцом. Предложи же ей свои рыцарские услуги. Кстати, вернуться к лодке ты можешь другим, более прямым и кратким путем, чем тот, которым мы пришли. В зале, где находится камин, украшенный головой Аполлона, есть слева дверь. Она выходит в галерею, которая приведет вас прямо в вестибюль. Я оставляю также плащ, который ты дал мне. Он пригодится, чтобы прикрыть не совсем модный костюм Лоренцы.

Минуту спустя Супрамати был уже в склепе один, а Нарайяна исчез.

Супрамати поднялся по лестнице и увидел во дворе Лоренцу. Она, видимо, была испугана и стояла в нерешительности, не смея двинуться вперед.

– Синьора! – сказал он, подходя к молодой женщине. – Позвольте мне проводить вас туда, где вы сможете отдохнуть.

Супрамати говорил по-итальянски.

Лоренца подняла на него свои большие черные глаза и с видимым недоверием оглядела его высокую фигуру, закутанную в темный плащ, с большой фетровой шляпой на голове. Вдруг она отступила назад и боязливо пробормотала:

– Убийца?!

Невольная улыбка скользнула по губам. Супрамати.

– Успокойтесь, синьора! Я нобили, а не убийца. Я хочу отвезти вас к моей жене. Остальное мы обсудим позже, – прибавил он, набрасывая плащ ей на плечи и беря фонарь.

– Понимаю! Вас послал Нарайяна. Он найдет меня и возьмет под свое покровительство, – ответила Лоренца, опуская капюшон. – Но я не хочу идти через дом: Марко может узнать это. Мы можем выйти через капеллу.

– Не бойтесь ничего, синьора! Никто не увидит и не остановит вас. Вы можете смело довериться мне.

Оробевшая Лоренца последовала за ним. Но когда она проходила по пустым и разрушающимся комнатам, ею овладел такой ужас, что она схватила Супрамати за руку и вскричала задыхающимся голосом:

– Что это значит? Весь дом разграблен. Что же могло случиться здесь в несколько дней?

– Вы скоро все узнаете, синьора! Здесь не место для длинного разговора, – ответил Супрамати, увлекая спутницу к выходу.

Во время переезда не было произнесено ни слова; но когда Супрамати причалил к своему дворцу, Лоренца крикнула глухим голосом:

– Вы замышляете предательство, синьор незнакомец? Вы везете меня во дворец Нарайяны? Здесь он не станет прятать меня. Отвезите меня к нему! Я хочу его видеть! – Прибавила она, разражаясь рыданиями.

Ироническая и грустная улыбка скользнула по лицу Супрамати.

Вместе с жизнью в душе несчастной пробудилась и любовь к предавшему ее человеку, который был причиной ее печальной кончины и который вырвал теперь ее из гроба только для того, чтобы произвести «интересный опыт» и доказать, что он может воскрешать мертвых.

В кратких, но решительных выражениях он убедил Лоренцу выйти из лодки и молча провел ее в гостиную Нары, где и попросил подождать его. Сам же он прошел прямо в спальню жены, чтобы сообщить ей о происшедшем.

Нара не спала. Она, по-видимому, была раздражена и в беспокойстве ходила по комнате. Когда вошел муж, она смерила его мрачным взглядом.

– Ну, что скажешь нового? Какую еще новую глупость сделал ты? Соучастником какого нового бесчестного поступка сделал тебя Нарайяна? – презрительно спросила она.

– Прости меня, Нара, – сказал Супрамати, беря ее руку и поднося к губам. – Это правда! Я позволил себе увлечься опытом преступным, но до такой степени необыкновенным, что...

– Понадобилось убить живое существо и облечь в траур целую семью, чтобы

воскресить скелет, а Нарайяне дать возможность показать свое «знание»! Право, нет конца его адской злобе, и той дерзости, с которой он забавляется человеческими жизнями, словно пешками, созданными для его развлечения. Ты выбрал себе опасного учителя. Это ученый без совести. Он пользуется страшными законами не для полезной цели и не с благоразумием, как всякий истинный посвященный, а с самой преступной беззаботностью.

– Может быть, и я был неблагоразумен, но меня увлекло желание знания. Я хочу наконец знать свойства той первоначальной материи, которой я владею! Вы же с Дахиром оставляете меня в неведении, отмериваете мне знание по каплям, как лекарство, – с легкой досадой возразил Супрамати.

– Кто хочет только учиться, должен постепенно двигаться вперед; ты же, Супрамати, несмотря на все твои хорошие качества, – ужасный ребенок! Разве не увлекло тебя сегодня твое безрассудное, ни перед чем не останавливающееся любопытство на жестокий и бесполезный поступок? Какова будет судьба женщины, которую вы, так сказать, воссоздали? Что будет она делать, очутившись в непонятных для нее условиях, в этом мире, где она никого не знает?

Супрамати покраснел, а потом привлек Нару к себе и поцеловал в щеку.

– Ты права, как и всегда, моя прекрасная и мудрая волшебница. Но раз зло сделано, помоги мне исправить его в пределах возможного. Я привез бедную Лоренцу сюда. Нельзя же было ее бросить на улице. Теперь она в твоей гостиной и, признаюсь, у нее вид немного сумасшедшей.

– Я полагаю. По правде сказать, безумие было бы для нее благодеянием. Хотя добрая Лоренца и не заслуживает моего участия и помощи, но ввиду протекшего времени и двойной смерти, которую ей предстоит пережить, я прощаю тебя, и постараюсь облегчить ее участь.

– Ты знала Лоренцу?

– О, конечно! Ее выдали замуж за одного старого, очень богатого нобили, который безумно любил ее, но Нарайяна увлек ее и обольстил. Связь их была так скандальна, что слухи о ней дошли наконец до синьора Марко, и тот в припадке ревности задушил жену. Мучили ли его угрызения совести, или волнение было слишком сильно для него, только по совершении преступления с ним случился апоплексический удар, а через шесть месяцев он умер. Что же касается нас, то мы уехали из Венеции – и вся история была замята. Теперь я пойду к живой покойнице, а ты, ненасытный «искатель истины», ступай к Нарайяне. Может быть, он научит тебя, как создать при помощи первоначальной материи человека. Он и это умеет делать. И если вы с ним не населите целую пустыню, то, может быть, навяжете мне заботы о какой-нибудь новой жертве ваших «опытов».

Не дожидаясь ответа, Нара повернулась и вышла из комнаты.

Лоренца сидела в гостиной, закрыв лицо руками; в голове ее бушевал хаос мыслей, и ей казалось, что она сходит с ума.

Очевидность указывала ей, что с той минуты, как она потеряла сознание, до того времени, как очнулась в склепе, произошла необыкновенная перемена во всем, что ее окружает.

Она ясно помнила, как вернулась к гондоле, наполненной цветами, которые в изобилии бросал ей Нарайяна во время корсо на Большом канале.

Она с трудом таила свою страсть к обольстительному Нарайяне, который был чужеземцем только по происхождению, но по костюму, манерам и даже христианскому благочестию ничем не отличался от венецианских синьоров, за исключением, может быть, своей щедрости сатрапа. С какой деликатной изобретательностью находил он всегда возможность осыпать ее подарками с тех пор, как сделался ее любовником!

После этого чудного вечера настала ужасная ночь. Муж устроил ей бешеную сцену. Она с дрожью вспомнила искаженное лицо, налитые кровью глаза, смотревшие на нее с дикою ревностью, и ледяные пальцы Марко, которые, как клещами, сдавили ее горло.

Все это произошло всего лишь несколько дней тому назад, а между тем великолепный дворец обратился в развалины, улицы изменили свой вид, костюмы прохожих не были

похожи на те, к

которым она привыкла, и даже эта комната, куда привел ее неизвестный покровитель, дышала чем-то новым, неведомым. Все было ей чуждо здесь, начиная с огня, горевшего в каких-то стеклянных трубочках, и кончая мебелью странной формы, обтянутой атласом.

Острая боль сдавила ей череп и она, как разбитая, поникла головой на стол.

Прикосновение чьей-то руки заставило Лоренцу вздрогнуть. Она выпрямилась и вскочила на ноги.

– Мадонна Нара! Это вы?! – пробормотала она и тотчас же сконфуженно умолкла.

– Да, это я, мадонна Лоренца! Пойдемте в мою комнату и там мы можем объясниться.

Смущенная Лоренца послушно пошла в будуар Нары, где на маленьком столике была приготовлена еда, состоявшая из овощей, молока и хлеба, тут же стоял кубок вина.

– Прежде всего, подкрепите едой свои силы, – сказала Нара, заставляя сестр свою посетительницу.

Вид кушаний сразу возбудил аппетит Лоренцы. Она выпила вина и отведала всех блюд. Но когда она хотела начать объяснения, Нара остановила ее.

– Прежде, чем приступить к беседе, вам необходимо взять ванну и переменить платье. Никто не должен видеть вас в этом костюме. Итак, пойдемте в мою уборную.

Лоренца молча повиновалась, чувствуя себя утомленной и неспособной рассуждать. Она послушно разделась и погрузилась в ванну, куда Нара налила что-то из небольшого флакона. Пока ее гостя с наслаждением мылась, Нара принесла из гардеробной белье и приготовленный для нее пеньюар, так как не хотела будить камеристку.

Ванна освежила Лоренцу, а когда она надела батистовое белье и широкий шелковый пеньюар, отделанный кружевами, то почувствовала себя совсем хорошо.

– Теперь надо поспать, – с улыбкой сказала Нара.

– Но прежде я поблагодарю вас за вашу доброту ко мне. Я так мало заслужила ее и очень виновата перед вами, – пробормотала Лоренца, краснея и опуская глаза.

– Вся ваша вина передо мной прощена и забыта, так как с умершими не считаются. Для первого объяснения многих вещей, которые кажутся вам непонятными, я должна сказать вам, маркиза, что ваша летаргия длилась гораздо дольше, чем вы предполагаете. За это время Нарайяна умер...

Лоренца страшно побледнела и вскричала глухим голосом:

– Нарайяна умер, а я жива!

Заливаясь слезами, она продолжала отрывисто:

– Зачем Господь дал мне пережить его! Как ни преступна моя любовь, она связывает меня с ним всеми фибрами моего существа. Ради него я готова была все перенести.

Видя, что Нара молчит, печально и задумчиво глядя на нее, Лоренца пробормотала, стараясь подавить рыдания и побороть свое отчаяние:

– Простите мне такое слишком живое выражение горя, которое равносильно для вас оскорблению. Мое единственное извинение заключается в том, что сердцу нельзя приказывать и что он говорил мне, будто разошелся с вами, что вы не любите его больше и равнодушно смотрите на его любовь к другой женщине. Правда ли это? Возможно ли не любить такого человека, как он?

– Это правда. Я не могла любить Нарайяну. Меня отталкивали от него беспутная жизнь, безнравственные принципы, измены и жестокое легкомыслие, с какими он бесчестил женщин. Его поведение по отношению к вам и вашему супругу было недостойно. Он выдавал себя за друга маркиза и воспользовался его кратким отсутствием, чтобы обольстить вас. Вы были так молоды и хороши собой, что легко могли возбудить каприз гуляки; ваш же муж искренно любил вас. Когда вы погубили его счастье и честь, он дошел до преступления и умер.

– Как? Марко тоже умер? – пробормотала Лоренца, бессильно падая в кресло.

– Да, вам остается только молиться за него и за вашего обольстителя. Господь даровал вам жизнь, чтобы вы раскаялись и посвятили остаток ваших дней молитве и очищению

души.

– Скажите же, отчего он умер, и как долго я лежала в летаргии? Одним словом, объясните мне все, что произошло с того времени, как я... лишилась сознания, – робко попросила Лоренца.

– Только не теперь; на сегодня и так довольно волнений. Мне нужно будет передать многое, что сильно волнует вас, а вы действительно нуждаетесь в отдыхе.

Видя, что Лоренца собирается протестовать, Нара сказала властно:

– Без возражений! Примите вот эти успокоительные капли, ложитесь в соседней комнате на диван и спите. Завтра вы узнаете все, что пожелаете.

И действительно, Лоренца сама не сознавала, что силы ее окончательно истощены. Ужасный «опыт», какой вынесли ее душа и тело, давал себя знать. Поэтому, едва она легла на диван, как принятое ею наркотическое средство погрузило ее в глубокий сон.

Нара задумчиво и печально смотрела на красивое лицо, которое в течение веков было прахом, и теперь оживлено преступной волей. Тяжелый вздох вырвался из ее груди.

– Несчастная! Какие нравственные муки ждут тебя при пробуждении. Когда же, Нарайяна, поразит тебя небесное правосудие? Когда осознаешь ты преступность легкомыслия – играть страшным знанием, попавшим в твои руки? – пробормотала она.

– Ты ненавидишь меня, а потому так беспощадно осуждаешь,- произнес звучный и хорошо знакомый голос.

Нара быстро обернулась, и ее спокойный, ясный взгляд встретился с пылающими глазами Нарайяны.

– Ты явился полюбоваться на свое дьявольское дело? Неужели тебя не мучает совесть, что ты снова так жестоко поступил с этой жертвой своих прихотей?- с упреком заметила Нара. – Но, – продолжала она, – ты отлично знаешь, что я не ненавижу тебя, так как степень моего посвящения исключает такое дурное чувство. Я только жалею тебя и упрекаю, что ты, держа в руках кубок знания, предпочел ему кубок наслаждений. Мне жаль, что ты не захотел стряхнуть с себя прах пошлого человека и пользуешься обрывками приобретенных знаний только для того, чтобы делать зло и глупости. Ты сам знаешь, что на твоём прошлом лежит больше проклятий, чем благословений.

– Это ты все намекаешь на воскрешение Лоренцы?

– Не только о нем. Вспомни, сколько совершил ты оккультных злоупотреблений, забывая, что грозный, творящий и разрушающий двигатель доверен нам для того, чтобы мы были его безмолвными и верными хранителями, а вовсе не для того чтобы пользоваться им ради забавы или для удовлетворения личных

фантазий. Статус братства, членом которого ты был, строго запрещают употреблять первоначальную материю для нарушения действующих общих законов, как-то: для воскрешения мертвых, что создало бы ужасный беспорядок и вызвало бы неслыханные осложнения. Если бы каждый из нас пользовался известными свойствами таинственной эссенции подобно тебе, мы перевернули бы всю планету.

– Ты права, Нара, и, однако, все-таки заблуждаешься. Воскрешение одного существа не воспламенит мир и не поколеблет мудрого закона, обрекающего смерть все живущее. Точно так же никому не принесет вреда, что я принял несколько капель эссенции жизни.

– Для тебя последствия этого будут очень тяжелы.

– Эти последствия я и буду нести сам. Но можешь ли ты, зная законы, которым я подчинен, так строго осуждать меня? Тебе известно, что вследствие долгой жизни мое астральное тело чересчур пропитано первоначальной материей и что в течение времени, которое трудно определить, я не могу снова воплотиться. Таким образом, я осужден на блуждание.

Но так как меня не допускают в высшие сферы, то я должен влачить свое существование в людской среде, а ты сама понимаешь все невыгоды подобного состояния. Какое человеческое воображение способно придумать более ужасный ад, чем блуждание около земли! Пляска мертвых, людей, и животных, атмосфера отчаянной борьбы миллиардов

существ, ищущих равновесия, беспорядочные стоны, картины преступлений, наполняющий все адский вихрь смертей и рождений – нет, существовать в таких условиях у меня не хватает сил.

Бедное человечество и так достаточно страдает, чтобы увеличивать эти страдания. Продолжать же существование бродячей собаки я не хочу ни за что на свете. Поэтому-то я и решил снова наполовину войти в человечество, чтобы быть в состоянии скрыться, когда этого пожелаю, от удовольствия созерцать окружающее и прозябания в вонючей атмосфере первой сферы.

Полудух, получеловек, я буду жить в Индии подобно йогу и буду подкреплять свои силы необходимыми жизненными токами, но не стану никому делать зла, не считая, конечно, шуток над негодяями, не заслуживающими ничего лучшего. Обещаю тебе больше не пользоваться первоначальной материей, а буду забавляться лишь своей двойственностью. Вообрази только, как будет смешно, если какая-нибудь старая леди, не видя меня, наступит мне на ногу, а я крикну «ай!» и вырву у нее ридикюль; или, например, если я крикну: «Ха! ха!» на ухо какому-нибудь обожателю, когда он объясняется в любви своей возлюбленной.

– И подобные глупости могут развлекать тебя? Право, ты достоин сожаления, Нарайяна! Великий Боже! Кому же будет дано внушить тебе любовь к истинному знанию! – вздохнула Нара.

– Успокойся! Я не буду заниматься исключительно глупостями. Как только я прилично устроюсь, – ведь тебе известен мой девиз: «если жить, то надо жить хорошо», – и немного позабавлюсь, ослепляя людей своим блеском и заинтриговывая их окружающей меня таинственностью, я обосную небольшую школу посвящения. У меня будет несколько учеников, которых я обучу если не высшей магии, то во всяком случае, феноменам, вызываемым полумагом. И ты увидишь, что меня будут уважать не меньше, чем Супраматри, который одарен всеми качествами, чтобы сделаться настоящим магом, что без малейшей зависти я и признаю. А теперь – до свидания, моя прекрасная экс-супруга! Приглашаю тебя вместе с Супраматри навестить меня. Вы будете желанными гостями, особенно ты, так как отказавшись от прав мужа и от всех сопряженных с ними удовольствий, я сохраняю за собой права кавалера и постараюсь вниманием второго загладить все ошибки первого.

– Шут! – сказала Нара, пожимая плечами и невольно смеясь.

В своей комнате Нара застала взволнованного и встревоженного Супраматри. Он тотчас же спросил про Лоренцу. Нара рассказала ему, что она сделала, и прибавила, что видела Нарайяну, упрекавшего ее в ненависти к нему, вследствие которой она будто бы слишком строго судит его.

– Я тоже думаю, что ты к нему недоброжелательна, – заметил Супраматри. – Ты очень рассердилась, когда я дал ему чуточку эликсира, а между тем не все ли тебе равно?

– Конечно, все равно, за исключением некоторых флюидических неудобств, проистекающих от уз, какие образовались между нами в течение веков. Я просто считала бесполезным и опасным вводить Нарайяну в искушение. Если бы он оставался в состоянии блуждания, то отвращение к своему страждущему положению все-таки толкало бы его вперед по пути очищения и серьезного труда. Теперь же он остановится на одном месте, будет забавляться и ничего не делать.

– В таком случае, я искренне сожалею о своей непредусмотрительности, – с сожалением сказал Супраматри.

– Теперь уже никакие сожаления не помогут. Нет, мой друг, я вижу, что тебе надо еще много учиться, прежде чем ты приобретешь не только знания истинного мага, но и его благоразумие.

Глава седьмая

Для Нары настали тяжелые дни. Ей надо было объяснить бедной Лоренце неслыханные вещи, а именно: что она спала более трех веков и что ничего не осталось от того, что она

знала и любила.

Самое грустное заключалось в том, что ум воскрешенной положительно не мог понять того, что она считала невозможным.

Сначала Лоренца упорно подозревала злую мистификацию; но подавляющая действительность скоро рассеяла последнюю иллюзию, и это вызвало такое безумное состояние, что только искусственный сон на время прерывал его.

Наконец после недели самого бурного отчаяния и потоков слез Лоренца впала в глубокую апатию. Целыми часами лежала она на диване, отказываясь от пищи и питья, или, сидя у окна, смотрела на канал таким подозрительно злобным взглядом, как будто задумала что-нибудь отчаянное.

Нара с беспокойством наблюдала за ней; Супрамати же был совершенно подавлен последствиями своего «научного опыта». Для обоих состояние духа воскрешенной тем более было тяжело, что приближалось время их отъезда в братство, а они не хотели бросить Лоренцу, пока не пройдет такой опасный нравственный кризис.

С согласия Дахира было решено отвезти Лоренцу в Индию и поместить ее в общину женщин, судьба которых была одинакова с ее судьбой. Там постарались бы развить ее ум и создать ей новые условия существования в занятиях и труде. Если бы она оказалась неспособной найти счастье и покой на этом пути, то можно было бы постараться выдать ее замуж, как только она приобретет достаточно спокойствия, чтобы войти в свет под новым именем и не выдать тайны своего странного и необыкновенного прошлого.

Однажды утром Нара отправилась к своей пациентке, чтобы попытаться еще раз внушить ей благоразумие. Не обращая внимания на мрачный и озабоченный вид Лоренцы, Нара села рядом и строгим тоном, каким еще ни разу не говорила с ней, заметила, что покорность истинной христианки с верой и доверием преклонилась бы перед путями Провидения, как бы непонятны они ей ни казались.

Видя, что Лоренца покраснела и смутилась, наставница напомнила ей, какой ужасный грех предшествовал ее летаргии, - что она была мертва, так и осталось для нее тайной, - и что Господь, наказывая ее, был настолько милосерден, что соединил ее с Нарой, которую она знала, и обеспечил ей новое будущее. Она прибавила, что Супрамати дает ей весьма солидное состояние, а это избавляет ее от всяких денежных забот. Поэтому она, по своему усмотрению, может вернуться в свет и выйти замуж под новым именем, или ехать с ними в Индию и отдохнуть среди друзей до той минуты, пока не успокоится достаточно, чтобы решить свое будущее.

Этот разговор не остался без результата. Уверенность, что она не нищая, видимо, успокоила Лоренцу, и в конце концов она выразила желание помолиться в церкви. Нара свозила ее в церковь Св. Марка.

Вид церковной службы, которая совершалась так же, как и прежде, подкрепил бедную женщину. С этого дня Лоренца сделалась благоразумней и выразила желание сопровождать Нару и ее мужа в Бенарес. Остальное время до отъезда она ходила по церквям и разыскивала могилы своих современников, у которых подолгу молилась. Особенно долго она молилась у мавзолея мужа, который ей удалось-таки разыскать.

Две недели спустя все уехали из Венеции и остановились на острове Кипр, где оставили Лоренцу с Тортозом. Там она должна была дожидаться их.

Молодая женщина была грустна и серьезна, но спокойна. Теперь нечего было бояться нескромности с ее стороны, так как она поняла, что ее прошлое не из числа тех, о которых можно говорить.

В темную и бурную ночь вышла из гавани маленькая лодка. В ней сидели трое бессмертных, которые не боялись ни волн, ни бурь и смело направлялись в открытое море. Как только последние фонари гавани исчезли в тумане, показался корабль-призрак, который под парусами дожидался своих пассажиров.

Сколько времени длилось путешествие, Супрамати не мог определить. Разнообразные чувства волновали его душу, когда они приставали к затерянной в океане скале, которая в

гранитных недрах своих таила сокровенные тайны.

Церемониал приема был такой же, как и в первый раз, а затем все разошлись по назначенным им комнатам.

На следующее утро, одетый в белоснежную тунику, сосредоточенный и полный тревоги, отправился Супрамати на божественную службу, торжественность которой снова произвела на него глубокое впечатление.

Старец-Первосвященник, совершавший службу, как и полвека тому назад, подзывал присутствующих по одному и выливал на их головы по несколько капель таинственной влаги, содержащейся в чаше. Супрамати, Нара и Дахир были последними.

Старец приказал им стать у подножия ступеней, а сам отнес чашу на алтарь. Затем он вернулся, привлек в свои объятия Супрамати и сердечно поцеловал его.

– Я счастлив, брат мой, приветствовать тебя здесь как полезного и достойного члена нашего братства. Ты сдержал свое обещание. Богатство не приковало тебя к материальному миру, не увлекло тебя своими наслаждениями и не сделало тебя ненасытным в отношении тех пошлостей мирских, которые всегда остаются одни и те же под новыми именами и извинительны едва ли даже для существ, живущих и умирающих, как насекомые; но для бессмертного они составляют преступление и несчастье. Ты возвращаешься к нам не загрязненный нечистыми страстями; ты хорошо работал и прошел первые ступени знания. Теперь ты готов вступить на тернистый, но славный путь высшего посвящения. Но я вижу в твоей душе боязнь и смущение при виде громадного поля труда и знания, которое еще предстоит тебе одолеть.

Успокойся, мой брат! Как ни тяжел путь, желание и воля сглаживают все трудности, а лихорадочная деятельность заставляет забывать время. После каждой раскрываемой тайны встречается запертая дверь новой, ключ к которой приходится искать. Таким образом, переходя от одной области к другой, и поднимаются по лестнице света, которая ведет к неведомому центру, где царит Непогрешимое Существо-Творец бесконечности. И чем выше будешь ты подниматься, тем более душа твоя будет наполняться гармонией и приобретать могущество.

Нашему брату, Эбрамару, поручаем мы руководить тобой в изучении высшей магии, и пусть он научит тебя использовать приобретенные тобой знания. Испытание мага кончается только тогда, когда он может произвести что-нибудь полезное для общего блага и умеет сознательно пользоваться великими двигателями вселенной. Помните вы, здесь собравшиеся друзья, что *бессмертие* - это тяжелое бремя, что наше назначение – облегчить агонию нашего старого умирающего мира и колонизировать новую планету. Пусть же сознание такой ответственности поддерживает тебя, Супрамати, и вооружит мужеством и настойчивостью, которых ничто не могло бы поколебать!

Старец сделал Наре знак приблизиться и продолжал:

– Ты тоже, дочь моя, хорошо трудилась! Ты очистилась, и вихрь плотских влечений, в который бросил тебя твой неосторожный союз с Нарайяной, не имеет больше на тебя влияния. Тебя ждет важное и полезное дело под руководством Эбрамара. Выполни его с честью и усердием – и ты поднимешься еще ступенью выше.

– Наконец, тебе, Дахир, я могу сообщить благую весть. Последнее из тяготевших над тобой проклятий изгладилось. Жертвы, простившие тебя, сделались твоими друзьями; мрачные же души, упорствующие в своей ненависти, бессильны над тобой. Разрушающий, исходящий от них флюид падает на их же головы. Чистый и свободный от всякой связи с твоим преступным прошлым, переступишь ты порог высшего посвящения.

Сияющий и обновленный счастьем, Дахир преклонил колена и поцеловал край сверкающей туники Первосвященника, а тот положил руку на его склоненную голову и благословил. С минуту еще стоял Дахир на коленях, погруженный в восторженную молитву. Потом он встал и спросил неуверенным голосом:

– А моя жертва, Лора? Долго еще продолжится ее наказание? Ее участь тяжелым камнем давит мою душу. Старец улыбнулся.

– Пусть эта забота не смущает твоего восхождения к свету. Уже давно ненависть Лоры превратилась в любовь. Размышление, молитва и покорность судьбе завершили дело ее очищения. Она жаждет следовать за тобой; но так как предпринимаемые тобой занятия исключают всякие сношения, кроме духовных, то Лора тоже посвящает себя труду и учению. Под руководством Нары она пройдет посвящение, чтобы быть в состоянии сделаться твоей подругой в работе и преданной ученицей к тому времени, когда на земле начнутся тяжелые испытания и ужасные катаклизмы, которые с таким безумным легкомыслием готовит слепое человечество. Итак, друзья мои, отдыхайте у нас сколько вам будет угодно. Потом, Дахир, твой корабль-призрак отвезет тебя в назначенное место, и твои друзья будут твоими последними пассажирами.

Целых три месяца провели Супраматти с женой и Дахиром в таинственном убежище Грааля. Невыразимая гармония и небесный покой царили в этом очарованном месте; теперь Лора жила вместе с ними. Она была и счастлива, и грустна, так как земная любовь, какую внушил ей Дахир, еще болезненно звучала в ее душе. Но братское участие и привязанность к ней молодого адепта, а также знания, которые он в ней развил, открыли ей иные светлые горизонты. Она увлеклась ими, а мелочные земные чувства потемнели и исчезли.

Когда Дахир с друзьями уезжал, его прощание с Лорой было не так тяжело, как в первый раз. Лора хотела было сопровождать его, но Старейшина общины приказал доставить ее в Индию.

Наши путники не заезжали на Кипр. Супраматти послал Тортозу приказание ехать с Лоренцой в Калькутту и там дожидаться их во дворце. Корабль-призрак доставил наших путников в маленькую гавань на острове Цейлон.

Не без смутного чувства грусти покидал Дахир палубу судна, бывшего свидетелем его преступлений и искупления. Стоя в маленькой шляпке, он не спускал глаз со старого товарища, гордо качавшегося на волнах. Вдруг корабль потемнел, точно огни св. Эльма, как говорят моряки, пробежали по его такелажу, а затем все расплылось и исчезло в атмосфере.

С тяжелым вздохом Дахир опустился на скамейку и задумался. Друзья не тревожили его. Только когда они вышли на берег, он провел рукой по лбу, как бы желая отогнать надоедливые мысли, и заговорил о путешествии.

С этой минуты наши путники уже пользовались обыкновенными способами сообщения, чтобы добраться до Калькутты, где Супраматти нужно было привести в порядок некоторые дела до отъезда в Бенарес.

Во время этого переезда ко всем вернулось хорошее расположение духа, немного смущенное пребыванием на призрачном корабле. Они старались забыть прошлое и говорили только о будущем и предстоящей им работе.

– Изучать под руководством Эбрамара – это наслаждение, – заметила однажды Нара. – Он так ясно объясняет самые трудные проблемы, что они кажутся простыми и легкими. Правда, он очень строг и, главное, требует такой дисциплины ума, что считает непростительной небрежностью всякую праздную мысль. Но к этому мало-помалу привыкаешь. Кроме того, сознание могущества дисциплинированного и сознательного мышления, которое можно сравнить только со стихийной силой, налагает обязанность быть всегда господином этого страшного оружия, убивающего подобно молнии. Тебе и Дахиру придется еще много поработать над приобретением этой способности, но обстановка, в какой вы будете находиться, значительно облегчит вам ваш труд.

– Ты права, Нара, и я с наслаждением вспоминаю о моем пребывании у Эбрамара. В этом полном покое и невыразимой гармонии душа набирается сил и чувствуешь, словно у тебя вырастают крылья. Это настоящее предвкушение райского блаженства.

В Калькутте наши путники пробыли всего несколько дней, чтобы устроить Лоренцу в женской общине, находившейся под управлением посвященной. Община эта должна была скоро переселиться в окрестности Бенареса, чтобы быть ближе к таинственным мудрецам, живущим в тайниках Гималайских гор.

По мере того, как Супраматти приближался к Бенаресу, он становился все озабоченнее.

Это происходило от того, что во дворце, куда он вез Нару, жила Нурвади и его сын, которого он сделал бессмертным; тому теперь должно было быть около 42 лет.

Как признаться Наре, что под одной кровлей с нею живет его бывшая возлюбленная, та самая, ради которой он более чем на два года забыл свою законную супругу?

Когда поезд миновал последнюю станцию и быстро приближался к священному городу индусов, тяжелая озабоченность Супрамата достигла своего апогея.

Облокотясь на подушку, Нара молча наблюдала за выражением разнообразных чувств, которые отражались на лице мужа.

Наконец она встала, положила руку на плечо Супрамата и сказала с лукавым взглядом:

– Полно мучиться из-за такого старого греха! Ты был тогда свободен и так скромно пользовался этой свободой, что я была бы неблагодарной, если бы сердилась на тебя за такие пустяки. Я знаю историю Нурвади и от души жалею это бедное создание, которое любит тебя глубокой и чистой любовью. Я не хочу ни смущать ее, ни возбуждать ее ревность. И потому скажи ей, пожалуйста, что я твоя сестра. Это позволит мне видеть ее и говорить с ней. Несчастливая бессмертна, и грешно оставлять ее прозябать в полном невежестве. Я хочу попытаться развить ее и открыть ей путь к знанию.

Супрамата прижал к губам обе руки Нары. Он был и доволен, и сконфужен.

– Мне будет стыдно сказать твою великодушную ложь,- пробормотал он.

– Это будет ложь только наполовину, так как оба мы отдаемся высшему посвящению, которое не допускает никакой земной связи. Наша любовь превращается в чистое единение душ, и эта привязанность, лишенная всего материального, становится вечной и нерушимой, – ответила она с добрым и теплым взглядом.

В Бенарес они приехали после полудня. Когда все почистились немного после дороги, Нара послала мужа к Нурвади.

– Ступай, ступай! Будь добр и нежен к ней, она заслуживает этого. А потом приведи ее к ужину и познакомь со своими братом и сестрой, – прибавила она, чистосердечно смеясь над смущенным видом мужа.

Находясь еще под впечатлением смешанного чувства стеснения и досады, Супрамата направился в дальний флигель дворца, где жила Нурвади. От служанки он узнал, что Нурвади на террасе, и что там же находится молодой принц, только что вернувшийся из поездки в Гималаи на встречу со своим отцом.

Супрамата был немного удивлен. Каким образом его сын мог узнать о его приезде, если только его не предупредил об этом Эбрамар? Но он никогда ничего не говорил тому о своей связи.

Он быстро прошел ряд хорошо знакомых ему комнат, направляясь к террасе; мягкие ковры заглушали его шаги. Войдя в любимую комнату Нурвади, смежную со спальней, он тотчас же увидел молодую женщину. Она стояла спиной к нему на террасе и прижимала к своей груди мальчика, которому с виду можно было дать не более десяти лет.

Супрамата остановился в волнении. Тысячи воспоминаний заставляли усиленно биться его сердце. Голос его слегка дрожал, когда он тихо позвал:

– Нурвади!

Та быстро обернулась и с криком безумной радости бросилась в объятия Супрамата.

– Ты вернулся! Я снова вижу тебя! О! Если бы я могла в эту минуту умереть от радости!

Супрамата прижал ее к себе и поцеловал в лоб, но в этом поцелуе чувствовалась спокойная привязанность брата, а не страсть любовника, и Нурвади поняла это.

Она выпрямилась и боязливо заглянула в блестящие и ясные глаза Супрамата, с нежностью смотревшего на нее.

– Смотри, вот наш ребенок, – смущенно и нерешительно сказала она, указывая на мальчика, который молча стоял в стороне, опустив глаза.

Супрамата подошел к сыну, прижал его к себе и покрыл страстными поцелуями. Затем, отстранив от себя, он стал рассматривать его со смешанным чувством радости и грусти. Если

мальчик и отличался настоящей ангельской красотой, то все-таки это был ребенок, а не мужчина, каким ему следовало бы быть в его лета.

– Сандира! Твой вид радует, но и огорчает меня. Ты – не мужчина, каким я надеялся видеть тебя...

Мальчик поднял на него свои большие черные глаза и взгляд их заставил Супрамати вздрогнуть. Мысль, светившаяся в его бархатных глазах, была мыслью зрелого, развитого, сильного духом и волей человека.

– Я понимаю тебя, отец! Но то, что ты видишь – это дело твоих же рук. Мне не хотелось омрачать упреком наше первое свидание, но раз ты сам намекнул на мой наружный облик, который далеко не соответствует моим летам, позволь заметить тебе, что было крайне неосторожно с твоей стороны вводить в неразвитый организм то опасное вещество, которым ты обладаешь. Несомненно, тобой руководили любовь и боязнь потерять меня; к тому же ты не знал, на какие мучения осуждал меня. Если бы не Эбрамар и его божественное знание, я оставался бы еще долгие века грудным младенцем.

– Как? Ты знаешь Эбрамара? – вскричал Супрамати.

– Я его ученик и прошел под его руководством суровый и длинный путь посвящения. Только благодаря особому режиму и непрерывной работе, я понемногу рос. А теперь позволь мне приветствовать тебя и передать, что наш общий учитель ждет нас к себе.

Супрамати слушал, не спуская глаз с маленького, розового ротика, произносившего такие важные слова.

– Ты прав, мой сын! Я действовал с преступною непоследовательностью, когда воспользовался ужасной силой, не зная последствий моего поступка. Прости меня, что я причинил тебе столько незаслуженных страданий. Единственным утешением может служить только то, что мой неблагоразумный поступок доставил тебе покровительство Эбрамара. Мне хотелось бы сейчас же поблагодарить его за то, что он исправил сделанное мною зло. Впрочем, может быть, ты еще и выиграл, так как ты избежал всех земных искушений, всей той телесной и душевной грязи, с которыми сталкивается человек в мире. Ничто не препятствует твоему восхождению к высшему знанию.

Сандира улыбнулся.

– Дай Бог, чтобы ты был прав. О! Надо пройти еще громадное расстояние и мы знаем пока лишь точку отправления, но цель пути теряется в океане света священного, но непроницаемого центра, охраняемого семью гениями сфер. Там в последний раз восстает сомнение и шепчет неутомимому труженику, достигшему врат сияющей твердыни: «Какова-то будет награда за твои долгие усилия, за твой смело пройденный тернистый путь сквозь мрак и горе?» О, отец! Порой у меня кружится голова, и я спрашиваю сам себя: где же ты, светлый покой? Что за ужасная и неумолимая сила толкает нас вперед?

Взгляд юноши устремлен был в пространство, а маленькие руки его судорожно сжимали руки отца.

Супрамати с грустью смотрел на него. В его воспоминании Сандира остался грудным ребенком, которого он носил на руках; а сын, которого он видит теперь, – странный незнакомец, ребенок с виду, но мыслитель по развитию, которого волнуют уже великие проблемы существования.

Супрамати сел на диван и усадил рядом с собой Нурвади и Сандиру. Между ними завязался длинный разговор о прошлом и будущем.

Когда настало время ужина, он объявил собеседникам, что отведет их к брату и сестре, которые желают с ними познакомиться.

Супрамати с таким нетерпением стремился увидеть Эбрамара, что выразил желание ехать на следующий же день.

Нурвади просила позволения сопровождать его. Она не хотела сейчас же расставаться с ним и с сыном. Кроме того, Наре достаточно было нескольких часов беседы, чтобы совершенно овладеть умом Нурвади.

Она объяснила ей странность ее существования и необходимость создать себе иную,

более серьезную цель, чем занятие единственно спаньем и нарядами.

Нара сообщила Нурвади, что близ того места, где живет мудрец, руководящий Сандирой, устроена школа для женщин, тоже обреченных на долгую жизнь, и предложила поступить туда, на что та с радостью согласилась.

После нескольких дней приятного пути через гористую страну с восхитительными видами наши путники прибыли, наконец, к таинственному дворцу, где жил Эбрамар.

Их, очевидно, ожидали, так как входная дверь была открыта, и тот же управляющий, который сорок лет тому назад встречал Супрамати, встретил их радостно и почтительно.

Сандира объявил, что сам проведет их прямо в рабочую комнату мага.

Эбрамар встретил их на пороге комнаты и горячо обнял Супрамати с Дахиром, а затем с отеческою нежностью протянул обе руки Наре, которая смотрела на него светлым и признательным взглядом.

Когда улеглось первое волнение, все сели и завязался общий разговор. Эбрамар поздравил Супрамати с быстрым прохождением первого посвящения, а Дахира с избавлением от всех уз, сковывавших его с печальным прошлым. Он объявил, что дает им несколько недель свободы и полного отдыха, прежде чем укажет их новые занятия. Затем, обернувшись к Наре, он прибавил с улыбкой:

– Для тебя, сестра моя, я сохранил место Вайрами, которая желает предаться особому культу магии и удаляется в сферу созерцания. Итак, теперь ты будешь руководить школой женщин и первыми занятиями новых неофиток: Нурвади и Лоры, которые поступят туда. Первую я сейчас же передам Вайрами.

По приказанию мага, Сандира побежал за Верховной жрицей. Внимательно слушавший Супрамати спросил:

– Как, учитель? У тебя здесь есть школа для женщин? Вот чего бы я никогда не предположил!

– О! Здесь есть еще много, чего ты не видал. Я все покажу тебе в тот день, когда ты будешь осматривать свои владения,- с улыбкой ответил Эбрамар.

Супрамати покачал головой:

– Нет, учитель! Здесь, где все полно твоею мудростью и добротой, ничто не принадлежит мне, за исключением твоей дружбы и покровительства. Блажен этот дом, что в нем обитает такой мудрец, как ты! Блаженны те, кто может жить здесь, чтобы под твоим руководством достигнуть света высшего знания! Что мне миллионы, положенные во всех банках мира на имя Супрамати? Переступив этот порог, я оставил за собой все, что связывало меня с земною суетой. Я приношу с собой только частицу знания и горячее желание всеми силами работать, чтобы подняться к свету по опасному пути, откуда нет возврата, так как впереди будет сиять неведомая таинственная цель, но за мной развернется пропасть.

– Будь верен своей похвальной решимости, и ты не остановишься на полпути. Я твердо надеюсь, что с радостью возложу когда-нибудь на твою голову сияющий венец мага, – ответил Эбрамар, крепко пожимая ему руку.

Их разговор был прерван приходом Сандиры и молодой красивой женщины в белой одежде, закутанной в длинное и широкое газовое покрывало.

На правильном лице ее лежало строгое и спокойное выражение, а черные бархатные глаза горели восторженно. Скрестив руки на груди, она низко склонилась перед Эбрамаром.

– Я приказал позвать тебя, Вайрами, чтобы объявить о скором исполнении твоего желания посвятить себя уединению. Наша сестра Нара – он указал на молодую женщину,- будет руководить твоими ученицами. По разным причинам я не могу еще назначить день, когда передам ей ее новое дело, пока же, Вайрами, доверяю тебе нашу новую неофитку, Нурвади; возьми ее и помести у себя. Ты же, дочь моя, простишься с сыном. Ты будешь видеть его только по праздникам. Насчет же его судьбы можешь быть вполне спокойна.

Нурвади покраснела; глаза ее наполнились слезами, но она мужественно поборола свое волнение. Она обняла Сандиру и Нара, пожала руку Супрамати и поцеловала руку Эбрамару.

Вайрами горячо поблагодарила учителя. Затем она сняла свое покрывало, покрыла им голову Нурвади и ушла вместе с ней с террасы.

– Скажи, учитель, много ли бессмертных женщин в школе, которой будет заведовать Нара? – спросил Супраматти.

– В школе около двухсот воспитанниц, и все они бессмертны. Поэтому мы их и посвящаем в высшее знание. Маленькие общины, подобные той, в какую вы поместили Лоренцу, носят совершенно другой характер и преследуют иную цель,- ответил Эбрамар.

– Великий Боже! Более двухсот бессмертных! Кто же был так неосторожен и неблагоразумно наделал их такую массу? – вскричал Супраматти.

Нара покачала головой.

– Ты забываешь, мой друг, что прежде, чем сделаться магами, все те, кто обратил этих женщин в бессмертных, были просто людьми. То же чувство, которое побудило тебя дать сыну первоначальное вещество, руководило и другими. Здесь есть женщины, которых страстно любили; есть матери, дочери и сестры, с которыми не хотели в свое время расставаться. Вспомни, как ты сам жаждал дать эликсир жизни виконту Лормейлю. Кто знает, сколько грехов такого рода лежало бы на твоей совести, если бы ты еще дольше прожил в этом мире. По крайней мере, список жертв Нарайяны очень длинен.

– Настанет время, когда мы не будем считать себя слишком многочисленными. Когда разразятся катаклизмы, работа будет для всех. Когда вокруг нас, бессмертных, все умрет, нас едва хватит, чтобы заселить один город, – с грустью заметил Эбрамар.

Глава восьмая

Прошло около десяти дней, как наши герои прибыли к Эбрамару.

Сначала время протекало точно в очарованном сне. Гармония, царившая всюду, оказывала свое благотворное влияние на всех, а беседы с Эбрамаром производили чарующее впечатление. Но вот уже два дня, как Дахир и Супраматти были одни. Маг удалился к себе, объявив, что ему необходимо несколько дней, чтобы сосредоточиться. Нара тоже не показывалась и готовилась с Вайрами к своему новому назначению начальницы женской школы посвящения.

Приятели чувствовали пустоту и были грустны. Сидя на террасе, прилегавшей к комнатам Супраматти, они говорили о прошлом и будущем.

Уже давно спустилась ночь, и полная луна ярко освещала окружавшую их волшебную картину.

– Знаешь, Дахир, а ведь Нарайяна обманул нас! Он обещал дать знать о себе, а между тем не дает никакого известия, – неожиданно сказал Супраматти, который стоял, задумчиво облокотясь на перила.

– О! Это страшно неустойчивый человек. Может быть, он уже переменял свои намерения и не хочет открывать нам свое убежище,- с улыбкой ответил Дахир.

– А мне очень хотелось бы знать, что делает этот странный и загадочный дух – смесь пороков и добродетелей, науки и легкомыслия. Только мне стыдно спросить об этом Эбрамара.

Шум крыльев заставил их обернуться.

Молча и с удивлением смотрели они на великолепного белого павлина, который опустился на балюстраду и кокетливо распустил свой белый серебристый хвост, точно усыпанный разноцветными драгоценными камнями. Золотистый хохолок покачивался на его голове. Черные глазки его смотрели на Супраматти умным, почти человеческим взглядом.

– Боже! Что за чудная птица! Никогда еще я не видал подобной! – вскричал Дахир.

Павлин хлопал крыльями, прыгнул в сад и стал вертеть головой, точно приглашая их следовать за собой.

– Готов поклясться, что это посол Нарайяны! – сказал Дахир. Павлин быстро наклонил свой фосфоресцирующий хохол и забегал по аллее, все возвращаясь назад, точно желал

посмотреть, следуют ли за ним.

Супрамати пошел за таинственной птицей, но Дахир в раздумьи остановился.

– Может быть, приглашают тебя одного? – нерешительно сказал он.

Павлин тихо вскрикнул и дважды с нетерпением качнул головой.

– Честное слово, он понимает нас! Не будем же заставлять его ждать,- со смехом вскричал Супрамати, хватая Дахира за руку и увлекая за собой.

Павлин быстро продвигался вперед. Таким образом они прошли сад, длинную, почти темную аллею и очутились на открытом месте, поросшем густой и высокой травой. Не без труда продвигались они вперед. На их пути со свистом поднимались змеи, но тотчас же откидывались назад, так как ни одно животное не нападало на бессмертных. Занятые тем, чтобы не упустить из вида павлина, молодые люди даже не обращали внимания на отвратительных гадов.

В конце долины находилось глубокое ущелье, куда они спустились по крутой, едва видимой тропинке; внизу было совершенно темно, но бежавший впереди павлин вырисовывался во мраке белым облаком. Птица остановилась перед черной, покрытой мохом скалой, а затем медленно скользнула в узкую, почти закрытую кустарником расселину.

Дахир и Супрамати, не задумываясь, пустились за ним и очутились в узком коридоре, который неожиданно привел их в высокий и узкий, освещенный синеватым светом грот, образовавший род свода над каналом или подземной речкой.

Берега канала были высоки и круты. Высеченные в скале ступени вели к воде, где лодка, казалось, ждала обоих друзей. Это было что-то вроде длинной и узкой пироги, с высоко поднятым носом, украшенным золоченым павлином, с электрической лампой на его спине, лучи которой играли на сталактитах свода.

Дахир взялся за весла, Супрамати сел за руль, а павлин поместился на носу, за электрической лампой, спиной к ним.

По мере того как они плыли дальше, перед их глазами расстилались странные и чудесные виды.

Подземная речка шла все время изгибами; то с одной, то с другой стороны открывались глубокие гроты. Одни из них казались галереями и терялись вдаль, другие представляли громадные пещеры, но все озарены были разноцветным и необыкновенно нежным светом. Некоторые гроты, окутанные словно зеленоватой дымкой, казались исполинскими изумрудами; другие залиты были розовым, бледно-рубиновым светом, но большинство из них было озарено синим сапфировым светом, который наполнял главный канал и был так силен, что перед ним бледнел электрический свет. Откуда исходил этот свет – нельзя было определить. Можно было подумать, что он просачивался сквозь стены скалы.

Друзья как очарованные смотрели на эту волшебную, необыкновенно разнообразную картину. То со скалы низвергался ручей, похожий на расплавленный рубин, то на гладкой темно-синей поверхности воды появлялись удивительные водяные цветы, голубые, точно бирюза, белые с золотыми тычинками, или красные, как коралл. Иногда многочисленные разветвления реки ставили друзей в затруднение относительно выбора дороги; но павлин был начеку и всегда предупреждал криком, если они собирались уклониться от прямого пути.

– Ясно, что наш умный вожатый ведет нас к Нарайяне. Если его жилище по красоте равняется с ведущей к нему дорогой, то неисправимый повеса еще раз докажет свой несравненный вкус, – заметил Супрамати.

В эту минуту раздался громкий и насмешливый смех, который эхо разнесло под сводами – но притом прозвучавший так близко от них, что оба невольно обернулись и стали искать глазами Нарайяну, но тот оставался невидим. Только павлин распустил свой разноцветный хвост и пронзительно крикнул; этот крик прозвучал тоже хохотом.

В эту минуту свод понизился, а канал сузился и сделал крутой поворот. Теперь лодка скользила в низком и тесном проходе; лампа погасла и оба путника очутились почти в полной темноте. Вдруг сильное течение подхватило лодку и она стрелой понеслась по

черному и прямому, как канал пушки, проходу и неожиданно вышла на большое озеро, на серебристых водах которого радостно играли лучи восходящего солнца.

Перемена эта произошла так быстро, что молодые люди, ослепленные потоками света, на минуту закрыли глаза, но почти тотчас же у них вырвался единодушный крик восхищения и удивления.

Вода, на которой покачивалась их лодка, была так прозрачна, что можно было разглядеть всякую неровность и каждый камушек на дне. Рыба сверкала на солнце серебряной, золотой или ярко окрашенной чешуей.

Берега озера были высоки, скалисты, покрыты лесом и опоясаны высокими горами. Прямо перед ними, на острове или полуострове – пока этого различить еще нельзя было – окутанные роскошной изумрудной растительностью, виднелись стены и крыша дворца.

Подхваченная сильным гребцом, маленькая лодка стрелой полетела по гладкой поверхности озера и через несколько минут очутилась у мраморной лестницы, украшенной внизу двумя бронзовыми сфинксами. Наверху виднелся широкий портал с колоннами.

Встречать лодку на лестницу явились четверо красивых юношей. На них были белые туники с золотыми поясами и ожерелья на шее. Они притянули и привязали лодку. В ту же минуту павлин испустил три пронзительных крика, распустил свой хвост и исчез.

Дахир и Супраматти выпрыгнули на ступеньки лестницы. Но прежде чем они успели дойти до верхней площадки, появился сам Нарайяна, радостный, улыбающийся и более красивый, чем когда-нибудь.

На нем была надета длинная, стянутая шелковым шарфом одежда, вырисовывавшая его стройный стан; легкий тюрбан покрывал его голову.

– Добро пожаловать, дорогие друзья, в мою скромную хижину! – сказал он, сердечно обнимая прибывших.

– Шутник! – со смехом ответил Супраматти. – Волшебный дворец он называет скромной хижинкой!

– Если он нравится вам, то отдыхайте в нем сколько вам будет угодно или, верней, сколько позволит вам ваш строгий учитель, Эбрамар, – ответил Нарайяна, вводя во дворец своих друзей.

Они прошли целый ряд залов чудной архитектуры, убранных с царской роскошью. Было очевидно, что Нарайяна во все времена любил это убежище, так как наряду с роскошными произведениями восточного происхождения встречались европейские современные скульптурные работы и картины мастеров, вид которых в этом индийском дворце производил странное впечатление.

Нарайяна остановился в большой зале, убранной по-восточному низенькими диванами.

– Будьте здесь, друзья мои, как у себя дома. Рядом – ванная, и советую вам освежиться. Затем мы позавтракаем, отдохнем, а когда жара спадет, я покажу вам свое отшельническое жилище.

Сделав приветственный знак рукой, Нарайяна исчез. Супраматти и его сотоварищ прошли в смежную комнату, которая оказалась громадной залой с бассейном посередине. Бассейн этот был настолько обширен, что в нем могли свободно плавать два человека. Тут ждали два служителя, которые раздели их, а после ванны облачили в широкие и легкие белые туники, а затем провели их в комнату, выходящую в сад. Там у роскошно сервированного стола ждал их Нарайяна.

– Садитесь, друзья. Так как вы еще настоящие люди, то подкрепитесь, – сказал странный хозяин, садясь за стол и указывая гостям на стулья.

Меню состояло из великолепно приготовленных овощей, различного печенья, всевозможных фруктов, вина, молока и меда.

Дахир и Супраматти были голодны и отдали должную честь завтраку. Что же касается Нарайяны, то он ограничился маленьким стаканом молока и небольшим хлебом величиною с яйцо.

Наблюдавший за ним Супраматти спросил с улыбкой:

– Что, ты сделался вегетарианцем или особые условия твоего существования налагают на тебя такой строгий режим?

– Да, время хороших обедов и сытных ужинов прошло для меня с тех пор, как я добровольно лишил себя материальной жизни, – с гримасой ответил Нарайяна. – Впрочем, я не могу жаловаться: я не голоден и поглощаю только вещества, необходимые для обновления жизненного флюида, который циркулирует в моих жилах. Эликсир жизни – субстанция материальная, а не духовная, а потому для своего равновесия она требует своего рода топлива в организме.

– Я все больше и больше понимаю, какое обширное поле для работы представляет изучение первоначальной материи. Один уже ты, Нарайяна, в своем настоящем состоянии, представляешь трудно разрешимую загадку. Если бы мы рассказали кому-нибудь из наших современников твою или нашу историю, нас сочли бы трижды сумасшедшими, – заметил Супрамати. Нарайяна весело рассмеялся.

– Еще бы! Эти жалкие насекомые блуждают на земле каких-нибудь лет шестьдесят, а тщеславием запаслись вековым. Как только они наталкиваются на какой-нибудь неизвестный им и потому кажущийся новым закон или явление, они тотчас же кричат: «Это чудо!» «Это невозможно!», «Это несогласно с законами природы!», «Это против здравого смысла!». Луч света, неожиданно блеснувший, ослепляет ученого-автомата. Он боится этого нового явления, которое ниспровергает все его предвзятые идеи; он защищается, прячется за старые тексты, закрывает глаза перед очевидностью и предпочитает лучше изобретать самые невероятные предположения и гипотезы, чем допустить простую и понятную истину, но которая находится в противоречии с его узкими идеями. Нет! Не таким людям могли бы мы рассказать нашу подлинную историю! Даже великие открытия чуть не гибли подчас из-за слепоты толпы и тупого упрямства патентованных ученых.

– Ты прав! Как это ни странно, но все великие истины, как и великие открытия, всегда принимались враждебно. Может быть, это происходит потому, что ученые пирамид и пагод всегда скрывали высшее знание под покровом тайны, – заметил Дахир.

– Именно, и они поступали мудро. Что же касается жрецов современных религий, то они утратили ключ от тайн и основывают свой авторитет на слепой вере. Они слепы сами и кричат о «дьяволе» и «ереси» всякий раз, когда наука и человечество делают шаг вперед, – насмешливо сказал Нарайяна.

Затем он продолжал, внезапно одушевившись:

– Но для того, кто бросил взгляд за покрывало Изида, *невозможного* не существует. Все, что только может предположить человеческий ум, – все это явления возможные и осуществимые для того, кто знает и умеет привести в действие законы, управляющие ими. Христос провозгласил великую истину, указав, что *вера* может двигать горы.

Супрамати, задумчиво наблюдавший за подвижным и выразительным лицом своего странного собеседника, неожиданно спросил:

– Скажи, Нарайяна, каким образом ты, со твоим умом и знанием великих тайн, так мало заботился о своем нравственном совершенствовании и сам осудил теперь себя на неподвижное состояние?

Лицо Нарайяны сразу омрачилось; со звонким, пронзительным смехом вскричал он:

– Уверен ли ты, что двигаться вперед такое уж большое счастье? Сомневаюсь. Я, видишь ли, слишком долго жил и от скуки много изучал и не столько для нравственного усовершенствования, сколько для того, чтобы научиться практически применять воспринятые законы. У меня бывали мрачные часы, во время которых я готов был сделать визит в недоступную твердь самого неба, чтобы узнать, наконец, найдет ли хоть там себе покой несчастный, измученный и истерзанный огонек, который мы называем *душой*, и который создала самодержавная воля, не спрашивая его, желает ли он жить? Что делается за той огненной стеной, где царит полная победа над поработанной материей, где все исполнено всякого совершенства, где кипит неисповедимая творческая сила, которая скрывает Того, Кто должен быть нашим владыкой? Кого мы называем Богом и Кто

управляет нашими судьбами и нашими страданиями...

Взгляд Нарайяны пылал, а кулаки его яростно сжимались, когда он продолжил после короткого молчания:

– Да! Не раз у меня, объятых полным отчаянием, сомнением и ужасом этого круговорота восхождений и нисхождений, появлялось жгучее желание броситься на эту сияющую твердыню, силой ворваться туда и посмотреть, что там делается. Ни малейшего шума не доносится оттуда, не проявляется никакой видимой деятельности, и семь гениев, стоящих на страже вокруг этого таинственного центра вселенной, – немые.

Ты удивляешься, Супрамати, что я хочу остановиться на одном месте? Не думаешь ли ты, что восхождение – такое уж великое блаженство? Правда, хаос и буря борьбы и страданий, в которых бьется вначале разумная искра, стихают; но чем выше ты поднимаешься, тем более ширится вокруг тебя ужас, навевающий молчание. Учителя перестают направлять тебя, и ты вынужден руководиться добытым знанием. Необходимость толкает тебя вперед, а неумолимый закон притяжения влечет к тому таинственному центру, откуда ты вышел и куда должен погрузиться. С какой целью, какая участь и будущее тебя ждут, – этого никто не знает. И таким образом, болтаясь между невежеством протоплазмы и молчанием архангела, совершаем мы это славное восхождение, которого ты так жаждешь и которое пугает меня...

Затем, впадая снова в свой шуточный тон, Нарайяна прибавил:

– Но так как время еще терпит, то я предпочитаю приостановиться и насладиться некоторым отдыхом на какой-нибудь приятной станции, вроде вот этого дворца, где я чувствую себя прекрасно и с которым не думаю так скоро расстаться.

Настало довольно продолжительное молчание. Видя, что гости сделались молчаливы и задумчивы, Нарайяна встал и предложил осмотреть дворец и сады, на что те согласились с видимым удовольствием.

Сначала осмотрели дом, представлявший из себя настоящий музей, а затем вышли в сад. Там искусство и природа соединились вместе и создали настоящий рай.

Что придавало особенную оригинальность этому маленькому парку, так это, во-первых, разнообразие растительности: рядом с группой пальм росли сосны и другие деревья северных лесов; в густой зелени были разбросаны небольшие павильоны, напоминавшие своим стилем и убранством различные эпохи прошлой жизни Нарайяны. Так, например, среди группы кипарисов и лавров виднелась крошечная греческая вилла; другое, отражавшееся в водах озера здание, напоминало собой венецианский дворец. Всюду царил тонкая роскошь, и везде с изысканным вкусом собраны были произведения искусства.

Наконец они остановились под группой пальм, акаций и разных деревьев, густая листва которых образовывала зеленый свод, непроницаемый для солнечных лучей. Серебряные струи бившего в мраморном бассейне фонтана обвевали приятной прохладой.

Все сели на мраморную скамейку, и разговор зашел о том, чем они только что любовались.

– Боже! Как все здесь прекрасно! Точно в волшебной сказке! – вскричал Дахир.

– Следовательно, это именно и есть самое подходящее для нас место, потому что и мы сами – сказочные принцы, существа легендарные и фантастические. Века протекают мимо нас, пресыщая мало-помалу наши души; мы теряем истинную радость жизни, а мучительное сомнение и бесконечное будущее тяжело ложатся на наши нервы. Поэтому вполне справедливо, чтобы нас окружала и скрашивала бы нашу удивительную и тяжелую судьбу красота природы, которая одна только не надоедает.

Эти слова Нарайяны вернули мысли присутствующих к вопросам, затронутым за завтраком, и они снова стали рассуждать о законах прогресса, о небесном правосудии, о добре и зле, и о других еще не решенных проблемах.

– Небесная справедливость – это применение непоколебимых законов, которые живут в душе и которые мстят за нарушение их, или вознаграждают за всякое усилие, – вскричал Супрамати.

– Справедливость!... Награда!... Кто не желал бы пользоваться благодеяниями одной и наслаждаться другой! Только трудноато поймать этих двух дочерей неба, столь же неуловимых и обманчивых, как и их сестрица – *надежда!* - насмешливо сказал Нарайяна. – Если желаете, друзья мои, я расскажу вам одну индусскую легенду, относящуюся как раз к занимающему нас вопросу.

Нарайяна на минуту сосредоточился, а затем шутливо-важно начал:

– Легенда повествует, что жил некогда болван, который до такой степени мечтал о небе, что не видел больше земли. Вера его в справедливость Браммы была непоколебима, и он со смирением переносил все несправедливости и обиды, причиняемые ему людьми богатыми, властными и счастливыми, которые всегда забавляются тем, что обдают своим презрением простые умы. Наконец этот чудак умер с голоду на ступенях пагоды, грозя своим гонителям правосудием Браммы, глубоко уверенный, что получит награду за свое смирение и терпение.

Легкий и сияющий, поднимался он в пространство. Астральное тело его дышало светом и теплом. Он с презрением взглянул на жалкие человеческие останки, которые покинул; чувствовал он себя счастливым, так как его окружали тишина и покой.

Он говорил себе: «Вот я нахожусь на пути к небу. Надо только узнать, где находится небесный чертог, где восседает Брама, творящий правосудие, наказуя преступных и вознаграждая праведных».

Блуждая и ища дорогу в рай, он встречал толпы существ, носившихся в атмосфере, но отвратительных, покрытых нравственными язвами. Все они богохульствовали и роптали. Никто из них не мог ответить на вопрос Вайдхивы, – так звали нашего героя.

Бедные страждущие и мучимые духи ничего не знали о правосудии Браммы и не ведали о месте его пребывания. Слышали они только, будто он царит в надзвездных высотах, и что лишь самые достойные и чистые могут появляться перед его ослепительным тронem. Волны неведомых законов выносят праведных пред лицо Браммы, и те же самые волны отбрасывают преступных и недовольных в бездны испупления.

Счастливым и полным веры, Вайдхива славил Брамму, его правосудие и могущество. Подхваченный волнами гармонии, он был перенесен в высшую, светлую сферу, где встретил таких же праведников, как и сам, лучезарных и мудрых, которые также прославляли Брамму и его правосудие.

Вайдхива спросил своих спутников, куда они стремятся?

– Туда же, куда и ты, – ответили они. – К трону Браммы, чтобы принять награду за перенесенные несправедливости, за наши труды и нашу веру в него.

Работая неустанно, поднимался Вайдхива, и другие поднимались вместе с ним. Полные веры и усердия, они провозглашали славу, мудрость и милосердие Браммы. Но когда они спрашивали, где находится его небесное местопребывание, им отвечали:

– Продолжайте свой путь: это еще дальше! А Вайдхива все поднимался да поднимался. Теперь он представлял из себя лишь светозарное облако. Знание его было громадно и могущество почти безгранично; а он все еще ждал небесного правосудия и награды за труды свои.

Итак, переходя из сферы в сферу, он достиг наконец центра вселенной. Там высилась стена ослепительного света, состоявшая сплошь из ряда солнц; пределы ее казались бесконечными, или, по крайней мере, неизмеримыми. Только приобретенное уже совершенство позволяло Вайдхиве созерцать ее и перед ним, подобно облачному видению, отливавшему всеми цветами радуги, стоял один из гениев – стражей священной ограды.

– Вот мы и у входа в чертоги Браммы! – радостно сказал Вайдхива и сопровождавшая его фаланга праведников. – Дай нам войти, открой врата неба, гений сфер, страж священного входа! – говорили они. – Мы заслужили счастье явиться пред сияющий лик Браммы. Мы терпеливо переносили все несправедливости и обиды, мы без усталости работали, чтобы проложить себе путь сюда, наша вера никогда не слабела в испытаниях и страданиях, и во время тягчайших трудов мы всегда воспевали славу и доброту Браммы, поддерживая слабых,

ободряя невежд и убеждая недовольных. Мы победили сомнения, терзавшие нас и преграждавшие нам путь. Теперь, утомленные долгим восхождением, мы хотим пасть ниц перед тронном Браммы, насладиться священным покоем и добиться справедливого наказания наших угнетателей.

Гений сфер молчал; светлая ограда оставалась закрытой, и тщетно они повторяли свою просьбу – ответа не было, так как на устах гения лежала печать тайн, которые он хранил.

Пораженные и обеспокоенные, праведники переглянулись, не понимая этого молчания; но вдруг из-за ограды раздался неведомый голос, могучий, как гром, и в то же время гармоничный, как звуки арфы:

– Ступайте и работайте еще, так как слова ваши доказывают, что вы не готовы явиться к трону Браммы. Вы только что требовали правосудия и награды, не понимая, что уже получили и то и другое. Взгляните на свое светлое одеяние, оцените свое безграничное терпение, приобретенное вами знание, побежденные инстинкты и заглушённые желания; все это вы получили по благости и милосердию Браммы, который поддерживал вас и награждал за каждое ваше усилие высшей степенью совершенства. Те, кто оскорблял, обижал и заставлял вас страдать, те следуют за вами, обвиняя в свою очередь других в несправедливости и жестокости, не понимая, как и вы, что от материи избавляются только страданием. Самый мир, в котором вы некогда жили, уже не существует, так как прошло более пятидесяти миллионов лет с того дня, как Вайдхива умер на ступенях пагоды,

Все вам было даровано могуществом и правосудием Браммы, а вы ищете *покоя*, не понимая, что его не существует, и что высшее блаженство заключается в беспрестанной деятельности. Вы не созрели, чтобы переступить за врата неба и созерцать сияющий лик Браммы. Идите, работайте и пойте славу Его!

Таинственный голос умолк. Часть праведников смиренно опустила голову и погрузилась в молитву. Но душа Вайдхивы преисполнилась безумной ярости. Сомнение, не оставлявшее его, несмотря на совершенство, до самого входа в рай, злобно, глумливо шептало ему:

– Ну, что? Кто был прав?

В бешенстве Вайдхива бросился на светлую стену, пытаясь взобраться на нее и крича, как сумасшедший:

– Изыди, обещанное правосудие! Суди моих угнетателей и награди меня по делам моим!

Глубокое молчание было ему ответом. Он вторично бросился вперед, изрыгая проклятия, и вдруг звезды, увенчивавшие его главу, распались с громopodobным шумом, извергая клубы черного дыма; вся атмосфера дрожала, а из-за таинственной ограды блеснула яркая молния и пронзила сердце Вайдхивы. Прозрачное тело его распалось на тысячи атомов, и разнуданные стихии первоначального хаоса захватили его и со свистом увлекли в огненный ураган, который сжег его светлые одежды, убил его память, отнял у него знания и могущество.

Как гонимый вихрем сухой листок, летел он в бездну, казавшуюся бесконечной, пока страшный толчок не остановил неожиданно его бешеный полет.

Разбитый, терзаемый страшной болью, Вайдхива с трудом осознал, что заключен в громадный камень. От его лучезарного света осталось одно только маленькое, красноватое пламя, мерцающее подобно блуждающему огоньку. Мысль его с трудом работала. От всего его знания и могущества сохранилось лишь воспоминание о том, *чем* он был, и сознание, что теперь он ни что иное, как просто камень.

Вдруг нестройное пение смутило дремоту, в которой прозябал павший гигант. Он увидел толпу голых и едва прикрытых звериными шкурами людей, которые приближались, неся ветви и плоды. Все это они сложили на камень и подожгли, а затем, упав на колени, – о ужас! – запели песнь, славословя справедливость Браммы.

Пение и слова его внезапно пробудили память Вайдхивы. Им овладело такое отчаяние, что камень треснул и из его сердцевины брызнул прозрачный, как бриллиант, источник.

– Слезы праведника будут ему наградой, – произнес чей-то голос, утешая смущенную душу Вайдхивы.

Невежественная и простодушная толпа обоготворила чудесный источник. Отовсюду стекались к нему больные, увечные и слепые, получая исцеление в его врачующих водах, так как вместе с неистощимыми слезами, вытекавшими из каменного сердца Вайдхивы, изливалась сама сущность его естества. В хрустальных каплях источника сосредоточилось все могущество, приобретенное *магом*, его умение управлять астральными течениями и благотворные излучения, исходившие из него, что не могло быть совершенно уничтожено.

Бедные, обездоленные, нищие духом поняли это и слезами праведника облегчали свои страдания.

На своих руках принесли они материал и построили пагоду, чтобы охранить источник. Каждый, кто погружается в его воды, поет славу Бrame и восхваляет его мудрость.

Нарайяна умолк. Его собеседники тоже с минуту молчали, а потом Дахир спокойно заметил:

– Твоя легенда очень поэтична, но полна парадоксов. Пока мы находимся внизу лестницы совершенства, наш слабый разум не в силах объять нашу судьбу во всем ее гигантском объеме; особенно представляется нам непроницаемой тайной ее конечная цель. Тем не менее, мы твердо знаем одно, а именно, что неумолимый закон толкает нас вперед, и что на этом пути всякая остановка гибельна. Поэтому малодушно и бесполезно роптать, сомневаться и судить силу, настолько высокую, что противиться ей было бы таким же безумием, как если бы пловец вздумал противиться волнам океана во время бури.

– Кроме того, позволь мне прибавить, – вмешался Супрамати, – что Вайдхива, несмотря на все свое совершенство и на воспевание славы Бrame, был очень непоследователен. Каким образом, достигнув гармонии, мог он сохранить злопамятство? Почему, обладая почти безграничным могуществом, он не судил в таком случае сам своих недругов? Его же бешенство, когда он получил справедливый ответ, совершенно непонятно.

– Мораль моей легенды такова, что путешествие к совершенству – предприятие весьма рискованное, и что никогда нельзя быть уверенным, что достигнешь своей цели, так как человеческий инстинкт до такой степени внедрен в душу, что почти нет возможности констатировать, когда он окончательно исчезает.

Герой моей легенды совершенно, по-видимому, очистился во время своего долгого восхождения; существо его казалось одной волной гармонии. Вся его мысль обратилась в волю и повелевала космическими законами, которые он понял и которыми умел пользоваться, и только в глубине его существа осталась частица «человека», то есть атом сомнения и эгоизма. Эта-то частица возмутилась и сожгла все чудное здание.

– Для себя лично, – заключил Нарайяна с веселым смехом, – я вывожу из этой легенды – истинна она или ложна – следующую практическую мораль: так как нас никто не торопит и недостатка во времени у нас нет, то благоразумнее наслаждаться настоящим и, насколько возможно, отдалять ту опасную минуту, когда придется явиться перед таинственными небесными вратами и их молчащими стражами, гениями сфер.

– Ты говоришь глупости, Нарайяна! Ты слишком много узнал, чтобы не чувствовать всю тяжесть невежества, и близка минута, когда ты горько будешь оплакивать, что так неблагоприятно осудил себя на бездеятельность, – перебил его Супрамати.

– Не страшно! Чувствуя себя хорошо, я намерен оставаться здесь как можно дольше и буду любоваться издали, как вы будете исходить кровавым потом, карабкаясь по крутой и неблагоприятной дороге совершенства, впряженные в колесницу невежества.

– Ты забываешь, что с каждым усилием, с каждым шагом вперед бремя невежества будет все таять, и подъем сделается легче, – с улыбкой заметил Дахир.

– Но не довольно ли? На этой почве мы никогда не сойдемся. Лучше я покажу вам иллюстрацию к легенде о Вайдхиве:

камень, в котором заключена душа мудреца, оплакивающего свое падение.

– Разве здесь есть такой легендарный камень? Разумеется, я хочу его видеть, – с

любопытством вскричал Супрамати.

– Да, в конце моего сада. Пойдемте, я сейчас покажу его вам,

– весело ответил Нарайяна, вставая.

По длинной аллее, обрамленной ветвистыми деревьями, они прошли весь сад и вошли в небольшую рощу. После десятиминутной ходьбы они очутились на небольшой полянке, в центре которой стояла маленькая пагода.

Внутри пагоды, в приятном полумраке ясно вырисовывалась большая статуя Будды, стоявшая на высоком постаменте.

У подножия статуи виднелся большой серый камень, треснувший по всей высоте; изнутри, тихо журча, била струя хрустальной воды, падавшая в плоский водоем, который хотя и был переполнен, однако вода не выливалась из него. Куда она девалась – трудно было определить, так как нигде не было видно ни малейшего отверстия.

Вокруг водоема, на ковриках, сидели в разных позах семь человек, обнаженные, страшно худые. Восторженное выражение застыло на лицах, а позы указывали на каталептическое состояние.

– Это – факиры-созерцатели, добровольные стражи чудодейственного источника. Они годами не двигаются с этого места, да так и умрут здесь, а их заменят фанатики такого же сорта. Я взял на себя заботу об их содержании. Раз в сутки я приношу им по горсти риса, который они машинально проглатывают, пою их из источника и смачиваю водой их иссохшие тела. Этого достаточно для поддержания физической жизни; что же касается их душ, то они, под влиянием экстаза, витают в эфире, позабыв о своей телесной оболочке.

– Да, да! Телесные излучения, жизненная сущность этих жертв научного насилия служат для поддержки и продолжения существования какого-нибудь бессовестного ученого, осудившего их на бесполезное прозябание, тогда как сам он наслаждается всеми прелестями роскошной жизни, украшенной умственным трудом,

– суровым тоном сказал Дахир, с сожалением и участием глядя на эти живые скелеты, которые сидели столь же неподвижно и равнодушно, как и священный камень, который они оберегали.

– Ну, это камень не в мой огород. Поглощенная мной первоначальная материя избавляет меня от необходимости заимствовать жизненную силу у чужого организма, – весело сказал Нарайяна.

Затем он прибавил:

– Однако, становится жарко! Вернемтесь домой, друзья мои, и отдохните. За ужином мы увидимся.

Они вернулись во дворец, где Нарайяна их покинул. Но вместо того, чтобы спать, они стали рассматривать драгоценные произведения искусства всех эпох, а потом занялись перелистыванием редких рукописей.

Время быстро летело, и солнце уже достигло зенита, когда они, наконец, усталые, улеглись на диван и заснули.

Их разбудил Нарайяна.

– Пойдемте ужинать! Солнце село, а воздух тепл и ароматен. Хорошо жить даже вполночь, как я живу, – весело сказал он. – Но прежде возьмите ванну: это освежает.

Полчаса спустя, один из красивых отроков, служивших во дворце, провел Дахира и Супрамати в открытую залу, выходящую в сад. Сквозь аркады с тонкими колоннами виднелись темные группы деревьев, из-за которых сверкала гладкая поверхность озера.

Нежный голубоватый свет освещал залу, в центре которой стоял роскошно сервированный стол.

При входе гостей Нарайяна встал с дивана, на котором лежал, и все сели за стол. Ужин был такой же прекрасный, как и завтрак. Как и утром, хозяин дома ограничился молоком и фруктами; он был весел и неистощим в разговорах, так что ужин прошел с большим оживлением.

Настала уже ночь, когда они встали из-за стола и перешли на террасу. Миллиарды звезд

сверкали на темной лазури неба, а восходящая луна освещала все мягким, ласкающим полусветом.

Видя, что гости погрузились в созерцание чудного пейзажа, Нарайяна хлопнул по плечу Супрамати и сказал:

– Ну, что? Ты все еще находишь «глупым» и «преступным» мое желание отдохнуть немножко в этой чудной обстановке и насладиться настоящим, вместо того, чтобы стремиться к неизвестной цели и сомнительному счастью, которого я все равно вынужден буду когда-нибудь достигнуть, желаю ли я этого или нет?

– Перестань смущать душу Супрамати, и притом в такую именно минуту, когда он готовится отдаться тяжелому и всепоглощающему труду *высшего посвящения*, которое требует прежде всего спокойствия и сосредоточения всех умственных способностей,- с неудовольствием заметил Дахир.

– Напротив. Именно в ту минуту, когда он собирается совершить величайшую глупость и заживо похоронить себя, следует разумно говорить с ним и показать ему все прелести жизни, от которой он хочет отказаться, не насладившись ею досыта.

– Я нисколько не жалею о пошлостях жизни, ее пустых и бессмысленных удовольствиях. Меня гораздо больше интересуют новые горизонты, которые открывает мне изучение великих проблем, – с улыбкой ответил Супрамати.

– Я вижу, что ты неисправим! Я же люблю презируемые тобой удовольствия и, в качестве моего гостя, ты должен присутствовать на концерте и балете, которые я устраиваю сегодня вечером в вашу честь.

– У тебя, видно, прекрасно организованный двор, если ты располагаешь даже оркестром и кордебалетом. Мне крайне любопытно видеть и то и другое. Хотя я не ищу и не желаю светских развлечений, тем не менее я ими не пренебрегаю, а твой утонченный вкус служит нам ручательством за интересное представление,- со смехом заметил Супрамати.

Нарайяна вздохнул.

– Я не располагаю больше, увы, такими средствами, как прежде; но в пространстве всегда найдутся хорошие музыканты. В глубине же этого озера покоится много прекрасных баядерок, утонувших к великому горю браминов, их покровителей.

– Нарайяна, ради всего святого, не вздумай воскрешать этих мертвых! От такого спектакля я отказываюсь! – в ужасе вскричал Супрамати. Радужный хозяин рассмеялся тихо и насмешливо. – Не кричи и успокойся! Я никого не буду воскрешать. Дело идет о простой материализации, которая доставит столько же удовольствия вызванным духам, сколько и нам, а на рассвете все артисты вернутся в загробный мир. Следовательно, ты можешь со спокойной совестью наслаждаться концертом и балетом. Нарайяна повернулся и ударил в бронзовый гонг, стоявший на столе.

Тотчас же явились двое молодых слуг: один с треножником, другой со шкатулкой, которые они поставили у балюстрады.

Нарайяна вынул из шкатулки флакон и коробку. Напевая вполголоса вызывания, он вылил на угли несколько капель красной жидкости и бросил щепотку порошка.

Тотчас же поднялся густой дым; затем сверкнули снопы искр, огненными зигзагами рассеявшиеся по всем направлениям, и, наконец, появились кроваво-красные шары, которые взлетели подобно ракетам и разорвались с громopodobным шумом. Часть из них упала в озеро, вода которого как будто вскипела. Потом на время настала тишина.

Но вот из стен, из мрака роши и из атмосферы стали появляться белые облака и группироваться с одной стороны террасы. Стоя с поднятой рукой, пылающим взглядом, Нарайяна, казалось, распоряжался ими и руководил их движениями. Через несколько минут половина большой террасы была отделена серовато-белой волнующейся занавесой, испещренной искрами. Затем раздалась странная музыка, смесь человеческих голосов и каких-то неизвестных инструментов. Это не было ни определенное пение, ни звуки оркестра; скорее, это были волны гармоничных вибраций, необыкновенно нежных и сильных. Исполняемая мелодия была так же странна и оригинальна, как и самый способ исполнения

таинственного концерта.

Супрамати, как очарованный, с восхищением слушал эту музыку, как вдруг его внимание было привлечено глухим рокотом, доносившимся с озера.

Он увидел, как на поверхности его вздулась пенная волна и понеслась к берегу; когда же она разбилась о ступеньки лестницы, то появилось несколько женских фигур с неопределенными контурами, которые скорее плыли, чем шли по террасе.

Нарайяна бросил новую щепотку порошка на уголья, и поднявшийся дым вместо того, чтобы идти вверх, стал извиваться спиралью, направляясь к приближающимся воздушным фигурам. Те стали как будто поглощать этот дым, потеряли свою прозрачность, и через несколько минут шесть женщин, по виду живых, вошли на террасу и, скрестив на груди руки, низко склонились перед Нарайяной.

Это были прекрасные молодые индусские девушки в полном расцвете жизни. Вышитые газовые туники чуть прикрывали их стройные формы. Драгоценные камни, украшавшие их головы, шеи, руки и пояса, сверкали разноцветными огнями.

Нарайяна сказал несколько слов по-индусски, а затем сел на диван и усадил рядом с собой своих гостей.

В ту же минуту в розовых шарах вспыхнули электрические лампы и залили террасу ярким светом. Баядерки начали танцевать. Легкие, грациозные и полные жизни, они кружились или составляли чудные пластические, но в то же время вызывающие и страстные, как само искушение, группы.

Когда баядерки поклонились во второй раз, давая этим знать, что представление кончилось, Нарайяна встал и сделал им знак приблизиться.

– Нам следует угостить прекрасных танцовщиц хорошим ужином. Им редко выпадает возможность насладиться таким угощением, и к тому же это единственное вознаграждение, которое мы можем предложить им, – весело сказал он. – Нас трое, а их шестеро, а потому вполне естественно, что каждый из нас должен взять на себя заботу о двух красавицах.

Покачивая головами, но смеясь, Супрамати с Дахиром взяли за руки по две женщины и последовали за Нарайяной в столовую. Стол был снова сервирован, но только меню было другое. Вместо овощей и других вегетарианских блюд стояли мясо с кровью, хлеб и теплое сильно пряное вино.

Поспешно, с какою-то странной прожорливостью набросились загобные гости на эту пищу, так что Супрамати едва успевал подкладывать им на тарелки новые куски и наполнять их кубки.

По мере того как танцовщицы с жадностью насыщались, бледные лица их принимали розовый оттенок. Глаза их сверкали, с любопытством и страстью глядя на Дахира и Супрамати. В отношении Нарайяны они выказывали полное и презрительное равнодушие.

– Смотрите, пожалуйста! Неблагодарные презирают и обижают своего благодетеля, – насмешливо заметил Нарайяна. – И явно наибольший успех имеет Супрамати. Канальи чуют, что он наименее святой между нами.

И действительно, самые горячие взгляды бросались в направлении Супрамати. Особенно одна баядерка всеми силами старалась смутить его спокойствие. Теперь она танцевала для него одного, искусно пользуясь всеми прелестями своей красоты. Все существо ее, казалось, светилось чем-то демоническим и чарующим, что опьяняло, покоряло и волновало ум и сердце.

Несмотря на строгую дисциплину первого посвящения, научившую его побеждать инстинктивные стремления и подчинять тело воле ума, Супрамати, сам не замечая, поддавался опасным чарам странного создания. Большие темные глаза его горели восхищением; легкий румянец окрасил его щеки. Забыв все окружающее, он следил за движениями танцовщицы, которая незаметно приближалась, делаясь все обольстительней и страстней. Затем грациозным прыжком она упала на колени около Супрамати и страстно обняла его.

– Дай мне несколько капель жизненной эссенции, которой ты обладаешь! Дай

божественный дар земного существования, – пробормотала она, умоляющим взглядом глядя на него.

Супрамати пытался оттолкнуть ее, но участие и жалость к этому юному существу, безвременно отброшенному в загробный мир, делали его слабым.

Вдруг лицо баядерки потемнело, рука, лежавшая на руке Супрамати, похолодела и дрожь пробежала по всему ее нежному телу.

– Ах! Я исчезаю! Жизнь и сила оставляют меня! – вскричала она.

Она с силой вцепилась в него.

– Жестокий! Неужели тебе жаль капли жизни, которую я вымаливаю у тебя?

В слабеющем голосе несчастной звучало такое отчаяние, а на лице ее отражалось такое страдание, что охваченный жалостью Супрамати, позабыв все, стал лихорадочно искать флакон с жизненной эссенцией, который он имел обыкновение всегда носить с собой. Но карман был пуст: он забыл взять флакон. Впрочем, было уже поздно. Торжествующая смерть завладела своей добычей. Лежавшее перед ним грациозное тело танцовщицы, казалось, таяло и быстро расплывалось. Скоро остался только прозрачный смутный облик, а затем все превратилось в беловатый комок, который исчез в атмосфере.

Точно под давлением кошмара, тяжело переводя дыхание, Супрамати провел рукой по лбу и оглянулся: в зале никого не было, кроме Дахира и Нарайяны.

– Ты еще не привык отказывать в глупых просьбах. Ты еще слишком молодой «бессмертный» чересчур легко воспламеняешься и поддаешься чувству жалости, – насмешливо заметил Нарайяна. – Ты до такой степени был поглощен, что не мог даже полюбоваться, как мы – Дахир и я – прекрасно отклонили такие же мольбы.

– Ты говоришь правду! Я не привык к такой жестокой игре и, надеюсь, никогда не буду находить в ней удовольствие. Но ты, Нарайяна, принадлежащий к обоим мирам, не должен был бы глумиться над смертью и жизнью!

В эту минуту послышался легкий и серебристый звон колокольчика.

– Эбрамар зовет нас, – сказал Дахир, поспешно поднимаясь.

– Не удерживаю. Только я сам провожу вас, так как вам незнакомы все извилины подземного лабиринта, – сказал Нарайяна, пожимая им руки.

Они быстро добрались до лодки.

Первые лучи восходящего солнца едва золотили горизонт, когда они входили в сад, прилегающий к дворцу Эбрамара.

Прошло около двух недель без чего-либо особенного. Они беседовали, читали, гуляли и наслаждались приятным покоем. Но однажды вечером, после ужина, Эбрамар сказал, вставая из-за стола:

– Время приступить к работе, дети мои! Завтра я устрою Нару на новом месте, а затем вы оба начнете свои занятия под моим руководством. Простись со своей подругой, Супрамати! На заре вы расстанетесь и будете видеться очень редко.

Супрамати побледнел. Настала минута, которой он так боялся – минута разлуки с женщиной, которую он любил еще земным чувством. Сердце его сжалось от страха и горя. Омраченный взор его тоскливо искал взгляда Нары. Но в ясных глазах молодой женщины читалась такая чистая и глубокая привязанность, такая светлая энергия, что к нему тотчас же вернулись его мужество и спокойствие.

Супрамати подошел к Наре, прижал ее к своей груди и крепко поцеловал.

– Будь мне поддержкой даже издали, если ослабею на тернистом пути, так как я чувствую, что во мне еще слишком жив "земной" человек, – пробормотал он.

– Мы будем видеться насколько можно чаще. Моя же мысль никогда не покинет тебя. Чем больше наши души будут освобождаться от материи, тем ближе они будут друг к другу и тем будет неразрушимее любовь, соединяющая нас, – ответила Нара с добрым и теплым взглядом, целуя его.

Затем, сделав рукой дружеский прощальный жест, она вышла из комнаты.

На следующий день, еще до рассвета, Сандира пришел за отцом. Он принес ему

длинную белую, обшитую оранжевой лентой тунику, шарф такого же цвета, который должен был служить и поясом.

– Это одежда учеников высшего посвящения, – прибавил он, помогая Супрамати одеться.

Затем Сандира отвел Супрамати в небольшую комнату, где уже находился Дахир, одетый в такой же костюм.

Почти тотчас же появился Эбрамар и обменялся с ними дружеским приветствием. Затем он повел их той же дорогой, какой они шли, когда направлялись к Нарайяне.

Как и тогда, они спустились в лощину, прошли узкий высеченный в скале коридор и вышли на канал, где их дожидалась лодка, в которую они сели. Эбрамар взялся за руль.

Скоро они свернули в боковую галерею, которая в свою очередь имела многочисленные рукава. После довольно долгого переезда показались ступеньки, преграждавшие канал во всю его ширину.

Когда они пристали, то Супрамати увидел перед собой монументальный вход в подземный храм, украшенный исполинскими символическими фигурами. Внутренность представляла из себя грот или залу громадных размеров, с колоннами, неправильно расположенными. Стены, сверху донизу, были покрыты скульптурой чудной работы и необыкновенной оригинальности. Голубоватый свет, крайне мягкий, несмотря на свою силу, освещал громадный грот.

– Какая чудная работа! Но какие великаны могли выполнить такую работу и сколько веков употребили они на это? – с восхищением пробормотал Супрамати.

– Черная раса в апогее своего умственного и промышленного блеска создала этот подземный мир, который включает в себе много чудес, которые ты даже вообразить не можешь, – тихо ответил Эбрамар.

Затем, приказав ученикам остановиться и ждать его, Эбрамар скрылся за громадной пурпурной завесой, скрывавшей внутренность храма.

Супрамати с любопытством стал осматриваться кругом. Теперь он разглядел, что по обе стороны завесы находились слабо освещенные галереи, терявшиеся в сумрачной дали. Далее увидел, что в углублениях стен стояли высокие треножки с угольями, на которых юноши жгли благовония; приятный, живительный аромат наполнял грот.

Вдруг его внимание было привлечено доносившимся издали, но несомненно приближавшимся пением. Вскоре из одной галереи вышел хор женщин, одетых в белые одежды и закутанных в покрывала. Во главе их шли Вайрами и Нара, ведя между собой Нурвади. Не переставая петь, женщины выстроились полукругом. Когда, окончив гимн, они умолкли, послышался мужской хор и новое шествие вышло из другой галереи, образовав второй полукруг.

Настала глубокая, торжественная тишина. Затем завеса приоткрылась, и из-за нее вышел Эбрамар в сопровождении нескольких мужчин, одетых, как и он, в белоснежные сверкающие одежды. Эбрамар нес чашу, похожую на ту, какую Супрамати видел в руках старейшины Граала. Из чаши поднимался золотистый пар.

Нара и Вайрами приблизились к магу и преклонили колени. Двое из сотоварищей Эбрамара сняли длинное покрывало с жрицы и покрыли им белокурую голову Нары.

– Иди и работай, дочь моя, не только для себя, но и для своих спутниц в жизни, столь долгой, что она привела бы в отчаяние, если бы ее не наполнить учением и если бы ее не скрашивала та ясность, которую дает *знание*, – сказал Эбрамар, подавая кубок молодой женщине.

Та омочила губы в золотистый пар, а затем углубилась в горячую молитву. Минуту спустя из всего ее тела стал исходить беловатый свет, который окутал ее, точно ореолом.

Тогда Эбрамар обратился к Вайрами:

– Твое желание исполнено. Ты можешь отдаться уединенной работе и созерцанию до той минуты, когда я призову тебя.

Он подал и ей кубок. Когда Вайрами отпила, с нею повторилось то же явление, что и с

Нарой, но только гораздо сильнее. Белый свет с такой силой сконцентрировался над лбом Вайрами, что казался пламенем, освещавшим лицо молодой женщины, которая, видимо, находилась в экстатическом состоянии. Вдруг она точно заколебалась, поднялась в воздух и скрылась в густом облаке, которое окутало ее, подняло кверху и унесло.

Тогда Нара вернулась к женщинам, стала во главе их и, закрыв покрывалом голову Нурвади, исчезла со своим кортежем в подземной галерее.

Мужчины тоже молча удалились, и скоро в громадном гроте остались только Дахир и Супрамати.

– Вернемся домой, – сказал Дахир. – Эбрамара мы увидим только завтра и тогда он укажет нам, вероятно, место, назначенное для нашей новой работы-посвящения.

Вернувшись домой, они разошлись по своим комнатам, молчаливые и озабоченные.

Супрамати лег на диван и сжал руками голову. Целый хаос мыслей и чувств бушевал в нем. Уже давно странная судьба не давила его так, как в эту минуту. Разлука с Нарой причиняла его сердцу почти физическую боль. Гигантская, предстоявшая ему работа пугала его, а бесконечная жизнь, от которой он не мог отделаться, внушала ему отвращение и отчаяние.

Горячие слезы полились по его щекам; в эту минуту ему показалось, будто кто-то ласково провел рукой по его лбу, а любимый и хорошо знакомый голос прошептал ему на ухо:

– Смотри на будущее, вместо того чтобы думать о прошлом! Ты не один: мы не разлучены, так как моя душа видит и слышит тебя. Работай, смело иди вперед, мой возлюбленный, и скоро тебе будет дарована такая же радость. Ты будешь видеть меня и свободно говорить со мной. Грубая материя уже не разлучит нас.

Голос смолк, но Супрамати чувствовал себя как-то удивительно успокоенным и подкрепленным. Смирненно и покорно преклонил он колени и в горячей молитве молил Создателя поддержать его и дать силы достойно нести ниспосланную ему странную и таинственную судьбу.

Когда он встал, к нему вернулось его самообладание. Он сел у окна и задумчиво смотрел на волшебную, расстилавшуюся перед ним картину. Как советовала ему Нара, он стал думать о будущем.

С прошлым было покончено. Светская жизнь его, с ее печалью и радостями, исчезала в туманной дали. Когда он снова появится среди людей, протекут годы, а, может быть, и целые века. Все будет иным и в нем, и вокруг него. Стоит ли сожалеть о несчастьях и страданиях эфемерных, ослепленных страстями преступных существ, которые сами навлекают на себя *гнев Божий*.

Нет, и тысячу раз нет! Он счастлив тем, что перед ним расстилается более обширный горизонт, и ему открыт путь в светлые области *чистой науки*.

– Итак, прощай мрачное прошлое, несмотря на твои мимолетные радости. Вперед, к свету! – пробормотал он.

www.e-puzzle.ru